

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 7

1 • 2025

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included: in Scopus base (since 2025); in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-66-20

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2025

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГУ)

Научный журнал «История и архивы» индексируется в Scopus (с 2025 г.); включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Тел: 8-495-250-66-20; электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Saratov, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- S. Petkova*, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria
- N.V. Rostislavleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.F. Shumeiko*, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- F.G. Taratorkin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

- T.I. Khorkhordina*, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

И.А. Амелькова, А.А. Духанин

Приходская благотворительность
в период русско-японской войны 1904–1905 гг.
на страницах ведомостей Московской Духовной Консистерии
(по материалам ЦГА Москвы) 12

К.С. Сабитова

Заработная плата педагогов и преподавателей
и материальная база педагогических техникумов
и педагогических училищ в Узбекистане в период 1925–1939 гг. 27

Т.С. Иларионова

Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б):
пропаганда важнее экономики (1939–1945 гг.) 43

Ян Цзежу

Расширение и восстановление послевоенной
советской сети кинопроката и кинопоказа:
проблемы и решения (1946–1950) 64

История культуры в документальном наследии

А.А. Маслова

«И проповедь неповиновения»:
цензурный «маневр» И.С. Аксакова
в издании газеты «Москвич» 82

Персональная история

В.Н. Романишина

Дочь адмирала Черноморского флота 99

Научно-образовательная деятельность по подготовке историков-архивистов: К 95-летию Историко-архивного института

Е.Э. Лашманова

Константин Григорьевич Митяев: материалы к биографии 110

Г.Н. Ланской

Школа изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте: традиции и достижения	126
---	-----

В фондах отечественных архивов

А.М. Путин

Фамильная память рода Путиных в архивных документах дореволюционной эпохи: опыт поиска и выявления	137
--	-----

In memoriam

Памяти Владимира Петровича Козлова – ученого и человека. <i>А.Б. Безбородов, Т.И. Хорхордина</i>	160
---	-----

CONTENTS

Russian history

I. Amel'kova, A. Dukhanin

Parish charity during the Russo-Japanese War of 1904–1905 as reflected on the pages of the accounting papers of the Moscow Ecclesiastical Consistory (based on the materials of the Central State Archives of Moscow) 12

C.S. Sabitova

Salaries of teachers and lecturers and the material base of pedagogical technical colleges and pedagogical schools in Uzbekistan in 1925–1939 27

T. Ilarionova

Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Propaganda is more important than economy (1939–1945) 43

Yang Jieru

Expansion and reconstruction of the postwar Soviet film distribution and exhibition network. Challenges and solutions (1946–1950) 64

History of culture in documentary heritage

A. Maslova

“The preaching disobedience”. I.S. Aksakov’s censorship “maneuver” in the publication of “The Moskvich” 82

Personal histories

V. Romanishina

Daughter of the admiral of the Black sea fleet 99

Scientific and educational activities for training historians-archivists. Commemorating the 95th anniversary of the Institute for History and Archives

E. Lashmanova

Konstantin Grigor'evich Mityaev: materials to the biography 110

G. Lanskoï

School of audio-visual documents studies at the Institute
for History and Archives. Traditions and achievements 126

In the funds of Russian archives

A. Putin

Family memory of the Putin lineage in the archival documents
of the pre-revolutionary epoch. Search and identification 137

In memoriam

In memory of Vladimir Petrovich Kozlov –
scientist and person. *A.B. Bezborodov, T.I. Khorkhordina* 160

Отечественная история

УДК 94(470)”1904/1905”

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-12-26

Приходская благотворительность в период русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах ведомостей Московской Духовной Консistorии (по материалам ЦГА Москвы)

Ирина А. Амелькова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iamelkova@yandex.ru*

Антон А. Духанин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, aa_dukhanin@student.mpgu.edu*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы пожертвований в пользу Русской императорской армии и Русского императорского флота в период русско-японской войны 1904–1905 гг., собиравшихся приходами Московской епархии и фиксировавшихся на страницах ведомостей Московской Духовной Консistorии. Рассматриваются размер и состав пожертвований, анализируется динамика их поступлений на счет Казначейства Московской Духовной Консistorии и расходований по назначению. На основании сопоставления денежных поступлений за 1904 и 1905 гг. соответственно делается вывод, что связанная с войной благотворительность прихожан храмов Московской епархии Русской Православной Церкви и относящихся к ней структур имела наибольшую активность в первый год войны, в особенности в первую его половину. Данный факт может свидетельствовать как о высокой степени духовной мобилизации и воодушевления значительной части русского общества в связи с начавшейся войной, так и о последующем разочаровании её ходом и ростом антивоенных и революционных настроений в Москве и её окрестностях. Базу исследования составили ранее не публиковавшиеся помесячные приходно-расходные ведомости Московской Духовной Консistorии за 1904 и 1905 гг., хранящиеся в ЦГА Москвы.

© Амелькова И.А., Духанин А.А., 2025

Ключевые слова: приходская благотворительность, пожертвования, русско-японская война, Русская Православная Церковь, Московская епархия, Московская Духовная Консисто́рия

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2024 г.;
принята к публикации 1 ноября 2024 г.

Для цитирования: Амелкова И.А., Духанин А.А. Приходская благотворительность в период русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах ведомостей Московской Духовной Консисто́рии (по материалам ЦГА Москвы) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 12–26. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-12-26

Parish charity during the Russo-Japanese War
of 1904–1905 as reflected on the pages
of the accounting papers
of the Moscow Ecclesiastical Consistory
(based on the materials
of the Central State Archives of Moscow)

Irina A. Amel'kova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, iamelkova@yandex.ru*

Anton A. Dukhanin

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, aa_dukhanin@student.mpgu.edu*

Abstract. The article deals with the research of the issue of donations in favour of the Imperial Russian Army and the Imperial Russian Navy during the Russo-Japanese War of 1904–1905. Those donations were collected by the parishes of the Moscow Eparchy and fixed in the documents of the Moscow Ecclesiastical Consistory. The research focuses on the size and the content of the donations. It also analyzes the dynamics of their revenues to the Treasury of the Moscow Ecclesiastical Consistory and evaluates how that money was used for the purposes intended. Based on a comparison of the cash inflow for 1904 and 1905, it is accordingly concluded that the war-related charity of the parishioners of the churches of the Moscow Eparchy of the Russian Orthodox Church and the related structures was most active in the first year of the war, especially in the first half of it. That fact may indicate, on the one hand, a high degree of spiritual mobilization and inspiration of a significant part of the

Russian society connected with the outbreak of the war, and, on the other, the subsequent disappointment with the course of the war and the growth of anti-war and revolutionary sentiments in Moscow and in its vicinity. The study was based on the previously unpublished monthly income and expenditure statements of the Moscow Ecclesiastical Consistory for 1904 and 1905, stored in the Central State Archives of the City of Moscow.

Keywords: parish charity, donations, Russo-Japanese war, Russian Orthodox Church, Moscow Eparchy, Moscow Ecclesiastical Consistory

The article was submitted for publication 25.02.2024;
accepted for publication 01.11.2024.

For citation: Amel'kova, I.A. and Dukhanin, A.A. (2025), "Parish charity during the Russo-Japanese War of 1904–1905 as reflected on the pages of the accounting papers of the Moscow Ecclesiastical Consistory (based on the materials of the Central State Archives of Moscow)", *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 12–26, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-12-26

Введение

Актуальность настоящего исследования обуславливается тем местом, которое Русская Православная Церковь занимает в духовно-нравственной жизни общества, а также ее заметным положением в деле благотворительности и окормления страждущих в периоды больших потрясений для страны. Ежемесячные отчеты, публикуемые на сайте Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви, демонстрируют большую вовлеченность структур РПЦ и ее паствы в благотворительную деятельность, осуществляемую в пользу беженцев из Украины и Донбасса и мирных жителей, пребывающих в районе проведения специальной военной операции¹. Посильная помощь – духовная и санитарная – оказывается и военнослужащим вооруженных сил РФ – участникам СВО, находящимся на лечении по ранениям и болезням. Назначение и размер собираемых и отправляемых прихожанами РПЦ пожертвований свидетельствуют об общности целеполагания и форм реализации церковной благотворительности сегодня и более ста лет назад, в период русско-японской войны. Новизна исследования определяется его источниковой базой, основу которой составили ранее не публиковавшиеся архивные документы, отложив-

¹ Проект помощи беженцам Синодального отдела благотворительности и социального служения Русской Православной Церкви. URL: <https://xn--90abhdb1bnbg7frc.xn--p1ai/> (дата обращения 22.02.2023).

шиеся в фонде ЦГА Москвы², а также материалы, недавно введенные в научный оборот одним из авторов настоящей статьи в магистерской диссертации «Приходская благотворительность в Русской Православной Церкви на территории Московской епархии в 1892–1905 гг. по документам ЦГА Москвы». Цель исследования – изучение приходских пожертвований в пользу Русской императорской армии и Русского императорского флота, собираемых Московской епархией в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и регистрируемых в ведомостях Московской Духовной Консисто́рии (далее – МДК) в указанные годы. Задачи исследования: 1) определить состав и назначение приходских пожертвований в пользу Русской императорской армии и Русского императорского флота, собиравшихся Московской епархией в годы русско-японской войны; 2) сопоставить динамику сбора приходских пожертвований с изменением интенсивности боевых действий на театре русско-японской войны. Все даты в статье приводятся по старому стилю.

Доходы и расходы Московской Духовной Консисто́рии во время русско-японской войны

Русская Православная Церковь в дореволюционной России являлась не только крупнейшим религиозным институтом, но и главным источником благотворительной помощи. Так, на рубеже XIX–XX вв. из примерно 30 тысяч существовавших в России государственных, общественных и частных заведений, связанных с благотворительностью, более 60% приходилось на долю церковных (монастырских и приходских) и тесно взаимодействовавших с Церковью учреждений [Астэр, Галушко 2011, с. 48]. Неудивительно потому, что с началом русско-японской войны основные обязанности по сбору средств на нужды сражающихся армии и флота были возложены государством на Русскую Православную Церковь [Ледовских 2014, с. 110]. Уже на следующий день после начала войны, 28 января 1904 г., Святейший Синод выпустил приказ, предписывавший, в числе прочих, Московской Синодальной Конторе озаботиться привлечением к благотворительности на санитарные нужды действующей армии как приходского духовенства, так и лавр и прочих монастырей³. Выход данного приказа совпал с началом

² Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 203: Московская Духовная Консисто́рия ведомства Святейшего Синода, с 1680 до 1929 г. Оп. 688. Д. 25; Оп. 689. Д. 59.

³ Церковные ведомости. 1904. 31 янв. (13 февр.). № 5. С. 44.

широкомасштабной общественной благотворительной кампании в пользу Русских императорских армии и флота, которая сопровождалась как патриотическим подъемом и народными манифестациями, так и ростом т.н. кружечных сборов, формируемых приходами церквей [Щербинин 2004, с. 103]. Не обошло это явление стороной и Московскую епархию. Так, в финансовой отчетности Московской Духовной Консistorии – органа епархиального управления, на канцелярию которого возлагалось исполнение решений Синода и административно-финансовое управление вверенными духовными учреждениями [Федоров 2003, с. 19–20], – регистрируется увеличение доходно-расходных статей на протяжении 1904 г.

Согласно финансовой отчетности Московской Духовной Консistorии, доходы, полученные МДК за 1904 г., в тринадцать раз превышали ее расходы за аналогичный период. Доход же за 1905 г. превышает расход уже в 14 раз. Но стоит заметить, что в доход МДК включен и переходящий доход, то есть остаток средств с прошлого месяца, которые Консistorия не израсходовала.

Далее следует рассмотреть соотношение доходов и расходов МДК в исследуемый период без учета остатка (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение по месяцам доходов
и расходов МДК за 1904–1905 гг.

Месяц	Доход, руб.	Расход, руб.
1	2	3
1904 г.		
Январь	180 101,36	129 289,68
Февраль	68 464,18	47 706,60
Март	25 711,25	51 854,74
Апрель	42 964,23	16 589,29
Май	179 566,46	19 5146,5
Июнь	20 512,32	50 167,08
Июль	36 373,62	18 584,54
Август	15 325,65	27 319,90
Сентябрь	28 297,74	15 323,58
Октябрь	10 463,46	31 236,42
Ноябрь	15 613,14	18 575,09
Декабрь	29 447,88	33 092,65

Окончание табл. 1

1	2	3
1905 г.		
Январь	160 167,11	106 518,49
Февраль	80 990,85	90 874,36
Март	68 017,06	41 831,77
Апрель	156 244,63	150 660,34
Май	22 278,74	34 999,24
Июнь	59 915,38	5 688,07
Июль	68 837,93	110 546,41
Август	9 427,29	8 887,36
Сентябрь	27 212,79	32 457,05
Октябрь	15 004,03	20 492,10
Ноябрь	16 210,36	22 626,22
Декабрь	15 119,45	17 856,68

Анализируя полученные данные, можно обратить внимание, что в некоторые месяцы сумма расходов МДК превышала доход. Уже в марте 1904 г. видно, что расход превысил доход почти в 2 раза. То же наблюдается и в отчетности за июнь (размер расхода выше дохода в 2 раза), август (в 1,7 раза), октябрь (почти в 3 раза), ноябрь (почти на 3000 рублей) и декабрь (расход превышает доход на 3644 рубля) 1904 г. В 1905 г. расходы превышали доходы в феврале (разница почти 10 000 рублей), мае (разница почти на 13 000 рублей), июле (почти на 42 000 рублей), сентябре (разница на 5 244 рубля), октябре (разница почти на 5 500 рублей), ноябре (на 6 415 рублей) и декабре (на 2 737 рублей).

Нельзя не заметить, что за первые два месяца 1904 г. МДК регистрирует приток пожертвований, сумма которых превышает расходы за тот же период. Авторы исследования склонны связывать столь значительные денежные поступления с начавшейся русско-японской войной и опубликованием по этому случаю в официальной прессе Русской Православной Церкви Высочайшего манифеста от 27 января⁴ и Определения Святейшего Синода от 8 февраля за № 18 «Об установлении особого сбора пожертвований по всем церквам Российской империи в пользу раненых

⁴ Там же. С. 41–42.

и больных воинов на Дальнем Востоке»⁵. Впрочем, в марте соотношение несколько меняется, и уже расход превысил доход, что объясняется необходимостью отправки поступивших ранее пожертвований по назначению.

Следует отметить, что по указанным в названии настоящего исследования статьям пожертвования приходами Московской епархии не собирались. Это во многом условное и собирательное наименование совокупности различных по своему назначению пожертвований, объединенных, однако, единой целью вспоможения действующим вооруженным силам тогдашней Российской империи, представленным Русской императорской армией и Русским императорским флотом. Все эти пожертвования могут быть разделены на два типа: военного и санитарного характера. К первому типу принадлежат два вида пожертвований: на нужды войны и на усиление военно-морского флота Российской империи; ко второму могут быть отнесены пожертвования в пользу больных и раненых воинов и в пользу Общества Красного Креста. Перечисленные четыре группы пожертвований и оказались в центре внимания авторов статьи. Все доходы и расходы по указанным направлениям пожертвований представлены в сводной таблице (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение доходов и расходов пожертвований МДК по исследуемым направлениям за 1904–1905 гг.

Назначение пожертвований	1904 г.		1905 г.	
	Доход, руб.	Расход, руб.	Доход, руб.	Расход, руб.
На нужды войны	71 956,38	71 675,94	371,21	448,51
В пользу больных и раненых воинов	20 800,90	24 011,29	25 325,21	26 714,44
В Общество Красного Креста	9 948,68	0	0	0
На усиление военно-морского флота Российской империи	0	0	163,03	163,03

Более подробный анализ авторы статьи полагают нужным начать с пожертвований по двум самым значимым направлениям – на нужды войны и в пользу больных и раненых воинов. На нужды войны в 1904 г. приходы Московской епархии собрали больше, чем

⁵ Там же. 1905. 14 (27) февр. № 7. С. 68.

израсходовала Московская Духовная Консисто́рия (разница составляет 280,44 рубля), но в 1905 г. и доход, и расход резко упали, если сравнивать с прошлым годом. Но стоит заметить, что в 1905 г. МДК израсходовала больше, чем собрала, и разница составила 77,30 рубля. Что же касается пожертвований в пользу больных и раненых воинов, то можно сразу заметить, что МДК израсходовала больше, чем собрала за два года. В 1904 г. разница больше, чем в 1905 г.

Пожертвования на нужды войны

Более подробный анализ начнем с пожертвования на нужды войны (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение доходов и расходов МДК
на нужды войны за 1904–1905 гг.

Месяц	Доход, руб.	Расход, руб.
1904 г.		
Февраль	8 019,50	0
Март	12 418,55	0
Апрель	21 763,32	0
Май	20 871,67	42 289,31
Июнь	414,96	20 771,67
Июль	8100	0
Август	0	8 605,12
Сентябрь	368,38	9,84
1905 г.		
Январь	262,33	77,30
Март	0	262,33
Июнь	108,88	0
Июль	0	108,88

Проанализировав сводные данные, представленные в табл. 3, можно прийти к следующим выводам. С начала русско-японской войны приходы Московской епархии присылали собранные деньги в МДК, но она начала расходовать полученные средства только с мая 1904 г. Это может служить объяснением того, что

расход МДК в мае 1904 г. превысил доход на 87,94 рубля. Стоит отметить, почему авторы исследования посчитали сборы без учета доходов за май. Дело в том, что служащие Консistorии делали сводные ведомости по собранным средствам только в конце месяца, а расходовали в середине или в конце месяца, что, в частности, следует и из Устава Духовных Консistorий от 1883 г.⁶ Следовательно, средствами, присланными приходами в мае, Консistorия не могла воспользоваться в том же месяце. Но можно предположить, что изначально у Московской Духовной Консistorии был излишек свободных средств. Вероятно, это могли быть и деньги, собранные для Общества Красного Креста. Это только гипотеза, так как в ведомостях Московской Духовной Консistorии в расходах нет записей, что часть средств, собранных для Красного Креста, была включена в состав куда более крупного пожертвования на нужды войны.

Можно наблюдать, что с августа 1904 г. резко упали доходы, а в сентябре – уже и расходы. И только в январе 1905 г. начались финансовые операции по данному направлению пожертвований, но уровня первых месяцев 1904 г. суммы уже не достигали. Последние транзакции были сделаны в июле 1905 г. Теперь рассмотрим, куда отправляла МДК собранные деньги. Все транзакции, за исключением одной, были сделаны в Управление Красного Креста. И только в июле 1905 г. 9,84 рубля были отправлены в Московский комитет по сбору пожертвований на нужды войны. В ведомости сохранилась запись об отправителе пожертвования, им был священник Рождественский (имя и отчество не указаны), служащий в г. Серпухове. Чтобы понимать причины столь заметных колебаний, следует учитывать ход событий на фронтах русско-японской войны, от которых в значительной степени зависел энтузиазм тех или иных групп населения [Антипин 2013, с. 18]. 27 января 1904 г. началась война, а в феврале МДК начала сбор пожертвований и стала получать первые суммы. 31 марта 1904 г. потерпел поражение русский флот у Порт-Артура⁷ (в апреле 1904 г. виден пик собранных приходами Московской епархии средств). В апреле происходит первое крупное сражение войны у Тюренчена, которое было отмечено подвигом полкового священника С.В. Щербаковского⁸, что также отразилось на размерах пожертвований в мае. В мае 1904 г. японская армия занимает Цзиньчжоу и прерывает

⁶ Устав духовных консисторий. СПб., 1883. С. 121.

⁷ Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. Т. 5: 1900–1905 гг. СПб.: Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1913. С. 111.

⁸ Церковные ведомости. 1904. 6 (19) мая. № 18–19. С. 686–687.

железнодорожное сообщение с Порт-Артуром и Дальним, а японский флот окончательно блокирует Порт-Артур с моря. Можно предположить, что после этих событий Московская Духовная Консисто́рия начала отправлять средства в Управление Красного Креста. А именно первые транзакции МДК (36 289,31 рубля были присланы с помощью наличных денег и 6000 рублей были отправлены через контору Государственного Банка) были совершены в мае 1904 г. Вероятно, после полученных неутешительных новостей с Дальнего Востока началось падение доходов по этому виду пожертвований, и это заметно по доходам Консисто́рии за июнь 1904 г. (см. табл. 1). В июне 1904 г. русская армия попыталась восстановить связь с отрезанным гарнизоном Порт-Артура, что привело к сражению у г. Вафангоу 1–2 июня, окончившемуся победой японцев. 17 июля 1904 г. началась осада Порт-Артура японскими силами, а 28 июля русский флот, пытаясь прорваться из Порт-Артура во Владивосток, вновь потерпел поражение.

В августе произошло сражение под Ляояном, в результате которого русские войска отступили к Мукдену⁹, а в конце декабря капитулировал гарнизон Порт-Артура, в результате чего сборы на нужды войны снизились до минимальных значений и в дальнейшем уже не росли. Учитывая прямую взаимосвязь размеров собиравшихся пожертвований с уровнем общественной поддержки войны, снижение денежных поступлений в начале 1905 г. может свидетельствовать, что потеря Порт-Артура стала переломным событием, повлиявшим на изменение отношения широких народных слоев к происходящему на Дальнем Востоке с поддержки и сочувствия на критику и непонимание [Гладкая 2008, с. 70–71]. После всех перечисленных событий приходы Московской епархии уже не собирали значительные суммы в помощь Русской императорской армии и Русского императорского флота. А 23 августа 1905 г. война между Российской и Японской империями завершилась Портсмутским мирным договором.

Пожертвования в пользу больных и раненых воинов

Далее рассмотрим данные по сборам пожертвований в пользу больных и раненых воинов (табл. 4).

⁹ Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. Т. 5. С. 58.

Таблица 4

Соотношение доходов и расходов МДК
в пользу больных и раненых воинов за 1904–1905 гг.

Месяц	Доход, руб.	Расход, руб.
1904 г.		
Май	0	5 668,90
Июнь	3 493,92	4 036,59
Июль	3 502,57	0
Август	3 094,89	7 018,39
Сентябрь	3 331,91	3 094,89
Октябрь	2 416,38	0
Ноябрь	1 776,14	2 416,38
Декабрь	3 155,09	1 776,14
1905 г.		
Январь	3 422,10	3 155,09
Февраль	1 868,30	0
Март	2 505,12	5 290,40
Апрель	2 441,10	2 505,12
Май	2 639,79	2 441,10
Июнь	2 548,24	0
Июль	2 901,54	5 188,03
Август	1 586,45	2 901,54
Сентябрь	2 718,64	1 586,45
Октябрь	928,07	2 718,64
Ноябрь	1 159,43	928,07
Декабрь	606,43	0

Проанализировав полученную информацию, можно сделать следующие выводы. В январе, феврале, марте, апреле и мае 1904 г. приходы Московской епархии не собирали средства по данному виду пожертвования, но при этом в мае Консистория начала переправлять в Хозяйственное управление Святейшего Синода первые суммы с указанным назначением. Противоречивость сведений разрешается гипотезой о том, что первые партии пожертвований на лечение больных и раненых воинов могли собираться в виде так

называемого тарелочного сбора и сборов в пользу Общества Красного Креста. Аномалия видна только в первые транзакции МДК, т. е. в мае и в июне Консистория израсходовала больше, чем собирала. Из этих данных можно вынести осторожное предположение, что МДК располагала средствами из других источников, которыми могла экстренно распорядиться. В последующих транзакциях в отношении расходов доходам наблюдается уже большая пропорциональность. Резкое падение сбора произошло только в декабре 1905 г., что объясняется завершением войны.

Третью группу пожертвований на нужды армии и флота составили пожертвования в пользу Общества Красного Креста. Этот тип пожертвований примечателен тем, что собранные средства не использовались службами Русской Православной Церкви, а направлялись в учрежденный под эгидой великой княгини Елизаветы Федоровны в феврале 1904 г. Комитет Общества Красного Креста, склад которого находился в Москве [Иванова 2014, с. 106]. Примечательно, что в первые месяцы 1904 г. (с февраля по май включительно) в сборы в пользу Общества Красного Креста включались и суммы на содержание больных и раненых воинов, что фиксируется в канцелярии Консистории. Этим объясняется отсутствие поступлений на баланс МДК средств в пользу больных и раненых воинов вплоть до июня, после чего пожертвования в Общество Красного Креста и в пользу больных и раненых воинов начинают собираться отдельно. Авторы исследования предполагают, что данное изменение в порядке учета могло быть связано с тем, что на рубеже мая–июня сборы в Общество Красного Креста начинают производиться исключительно уполномоченными лицами из состава комитетов Общества, а не членами причтов, как раньше¹⁰.

Пожертвования на усиление военного флота Российской империи

Что же касается последнего, четвертого вида анализируемых пожертвований – на усиление военного флота Российской империи – то, как можно видеть из приведенных выкладок (табл. 5), их сбор осуществлялся в заключительные месяцы русско-японской войны разовым внесением средств несколькими частными жертвователями, о чем в ведомостях имеются соответствующие записи. Большая часть отправителей сумм принадлежала к духовным чинам РПЦ. Однако суммы сборов оказались столь незначительны для восстановления русского флота после его поражения

¹⁰ Церковные ведомости. 1904. 15 (28) мая. № 20. С. 256.

в Цусимском проливе 14–15 мая¹¹, что те начиная с июля были несколькими транзакциями возвращены Консistorией прежним их владельцам.

Таблица 5

Соотношение доходов и расходов МДК
на усиление военного флота Российской империи за 1905 г.

Месяц	Доход, руб.	Расход, руб.
Май	35,50	0
Июнь	23,03	0
Июль	30,35	35,50
Август	14,90	53,38
Сентябрь	59,25	14,90
Октябрь	0	59,25

Таким образом, из проведенного исследования становится видно, что собираемые в годы русско-японской войны приходами Московской епархии пожертвования в пользу армии и флота предназначались на нужды войны, лечение больных и раненых воинов, помощь Организации Красного Креста и восстановление военного флота Российской империи. При этом данные виды пожертвований допустимо классифицировать по своему характеру на пожертвования военные и санитарные. Хотя размеры пожертвований различных видов колебались в зависимости от месяца, все же можно зафиксировать периоды определенного роста сборов практически по всем статьям, сопоставив их с повышением военной активности на театре русско-японской войны. Так, наибольший приток денежных средств регистрируется в первые месяцы 1904 г., что связывается с началом боевых действий и всплеском энтузиазма, охватившего русское общество; в дальнейшем динамика сбора пожертвований коррелирует с крупными событиями на фронтах: осадой Порт-Артура и попытками ее снятия (битвы у городов Вафангоу и Ляоян), действиями Русского императорского флота в акваториях Желтого и Японского морей (неудачные попытки прорыва русскими эскадрами блокады Порт-Артурского рейда, поражение 2-й Тихоокеанской эскадры в сражении в Цусимском проливе). Снижение размеров пожертвований большинства видов в течение 1905 г. может свидетельствовать о разочаровании широкой общественности ходом боевых действий,

¹¹ Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. Т. 5. С. 139.

усталости и возросшем социальном напряжении на фоне постоянных неудач на фронте. Разумеется, неохваченными остались многие аспекты церковной благотворительности Московской епархии на военные и санитарные нужды; в частности, не была рассмотрена доля пожертвований в пользу армии и флота в общей структуре доходов и расходов Московской Духовной Консистории; на уровне гипотезы остается и вопрос о порядке организации перечисления пожертвований в Управление Красного Креста. Все это создает поле для дальнейших научных изысканий в области церковной благотворительности учреждений и приходов Московской епархии в начале XX в.

Литература

- Антипин 2013 – *Антипин Н.А.* Русско-японская война в культурной памяти российского общества: 1904–2000-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 34 с.
- Гладкая 2008 – *Гладкая Е.А.* Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 3 (145). С. 68–73.
- Иванова 2014 – *Иванова Е.В.* О реконструкции комплекса архивных материалов о благотворительной деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 101–112.
- Ледовских 2014 – *Ледовских Е.А.* Милосердие и благотворительность в годы русско-японской войны // Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 5–7 июня 2014 г. СПб.: СПбГИПСР, 2014. С. 109–113.
- Астэр, Галушко 2011 – Социальное служение Русской Православной Церкви. История, теология, организация / под ред. И.В. Астэр, В.Г. Галушко. СПб.: СПбГИПСР, 2011. 208 с.
- Федоров 2003 – *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство: Синаодальный период: 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
- Щербинин 2004 – *Щербинин П.П.* Православное духовенство российской провинции в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Макарьевские чтения: материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г., Горно-Алтайск). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 102–104.

References

- Antipin, N.A. (2013), *Rusko-yaponskaya voina v kul'turnoi pamyati rossiiskogo obshchestva: 1904–2000-e gg.* [The Russo-Japanese War in the cultural memory of Russian society. 1904–2000s, Abstract of Ph.D. dissertation (History), Chelyabinsk, Russia.

- Astehr, I.V. and Galushko, V.G., ed. (2011), *Sotsial'noe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Istoriya, teologiya, organizatsiya* [Social service of the Russian Orthodox Church. History, theology, organization], SPBGIPSR, Saint Petersburg, Russia.
- Gladkaya, E.A. (2008), "The Russo-Japanese War in the minds of the general population of Russia at the beginning of the 20th century", *Izvestiya vuzov. Severo- Fedorov, V.A. (2003), Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo: Sinodal'nyi period: 1700–1917* [The Russian Orthodox Church and the State. Synodal period. 1700–1917], Moscow, Russia.
- Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*, vol. 145, no. 3, pp. 68–73.
- Ivanova, E.V. (2014), "On the reconstruction of the complex of archival materials about the charitable activities of Grand Duchess Elizaveta Feodorovna", *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 101–112.
- Ledovskikh, E.A. (2014), "Charity and philanthropy during the Russo-Japanese War", *Sotsial'noe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 5–7 iyunya 2014 g.* [Social service of the Russian Orthodox Church. Issues, practices, prospects. *Proceedings of the 2014 All-Russia Scientific and Practical Conference*, Saint Petersburg, June 5–7, Saint Petersburg, Russia, pp. 109–113.
- Shcherbinin, P.P. (2004), "Orthodox clergy of the Russian province during the Russo-Japanese War of 1904–1905", in *Makar'evskie chteniya: materialy tret'ei mezhdunarodnoi konferentsii (21–22 noyabrya 2004 g., Gorno-Altaysk)* [Makariev Conference. Proceedings of the 3^d International Conference, Gorno-Altaysk, 21–22 November 2004], RIO GAGU, Gorno-Altaysk, Russia, pp.102–104.

Информация об авторах

Ирина А. Амелькова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;
iamelkova@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-3660-6492

Антон А. Духанин, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 88;
aa_dukhanin@student.mpgu.edu
ORCID ID: 0009-0008-7159-8157

Information about the authors

Irina A. Amel'kova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; iamelkova@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-3660-6492

Anton A. Dukhanin, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; 88, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; aa_dukhanin@student.mpgu.edu
ORCID ID: 0009-0008-7159-8157

Заработная плата педагогов и преподавателей
и материальная база педагогических техникумов
и педагогических училищ
в Узбекистане в период 1925–1939 гг.

Коринна С. Сабитова

*EMU University, Tashkent, Uzbekistan,
scully2608@gmail.com*

Аннотация. В статье автор проводит анализ изменений заработной платы учителей, преподавателей педагогических техникумов, финансового и хозяйственного состояния педагогических техникумов, общеобразовательных школ в Узбекистане в период с конца 1920-х по 1939 г. включительно. В статье приведены данные об изменениях в строительстве помещений, использовавшихся для учебы студентов педтехникумов. Описаны причины кадрового «голода» среди педсостава в школах, а также причины недостаточной укомплектации студентами педтехникумов как в целом в СССР, так и в Узбекской ССР. Проводится анализ тех решений, которые принимались Наркомпросом как страны в целом, так и Наркомпросом Узбекистана, учитывая те обстоятельства, что все решения, постановления и прочие нормативные акты были спускаемы из центра, все решения являлись идентичными. Дан краткий анализ влияния внутриполитической обстановки того времени на состояние системы народного образования и учительство в целом. Статья основана как на историографии, посвященной всеобучу, кадровому дефициту в среде педагогов в 1930-х гг., так и на неопубликованных материалах Национального архива Узбекистана (г. Ташкент), фонд 94, «Среднее специальное образование» 1925–1948 гг.

Проанализировано, каким образом решения, принятые руководством Наркомпроса, изменили в лучшую сторону финансово-хозяйственную часть системы народного образования и благотворно отразились на всей системе образования в целом.

Ключевые слова: Узбекистан, Узбекская ССР, Наркомпрос, учителя, педагогические техникумы, всеобуч, заработные платы, система среднего образования, дефицит кадров

Статья поступила в редакцию 10 июля 2024 г.;

принята к публикации 1 ноября 2024 г.

Для цитирования: Сабитова К.С. Заработная плата педагогов и преподавателей и материальная база педагогических техникумов и педагогических училищ в Узбекистане в период 1925–1939 гг. // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 27–42. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-27-42

Salaries of teachers and lecturers and the material base of pedagogical technical colleges and pedagogical schools in Uzbekistan in 1925–1939

Corinna S. Sabitova

*EMU University, Tashkent, Uzbekistan,
scully2608@gmail.com*

Abstract. In this article, the author analyzes the changes in the salaries of teachers, teachers of pedagogical technical colleges, the financial and economic state of pedagogical technical schools, secondary schools in Uzbekistan in the period from the end of the 1920s to 1939 inclusive. The article provides the data on the changes in the construction of the premises used for studying by the students of pedagogical colleges. The reasons for personnel shortage among the teaching staff in schools are described, as well as the reasons for the insufficient staffing of pedagogical technical schools with students both in general in the USSR and in the Uzbek SSR. An analysis is carried out of those decisions that were taken by the People's Commissariat for Education of both the country as a whole and the People's Commissariat of Education of Uzbekistan, taking into account the circumstances that all decisions, resolutions and other regulations were issued from the center and all decisions were identical. There is a brief research of the influence of the internal political situation of that time on the state of the public education system and teaching in general. The article is based both on historiography, related to the universal education, personnel shortages among teachers in the 1930s, and on the unpublished materials from the National Archives of Uzbekistan (Tashkent), fund 94, "Secondary special education" 1925–1948. The article analyzes how the decisions made by the leadership of the People's Commissariat for Education changed for the better the financial and economic spheres of the public education system and had a beneficial effect on the entire education system.

Keywords: Uzbekistan, Uzbek SSR, People's Commissariat for Education, teachers, pedagogical technical colleges, universal education, salaries, secondary education system, personnel shortage

The article was submitted for publication 10.07.2024;
accepted for publication 01.11.2024.

For citation: Sabitova, C.S. (2025), "Salaries of teachers and lecturers and the material base of pedagogical technical colleges and pedagogical schools in Uzbekistan in 1925–1939", *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 27–42, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-27-42

Введение

Одной из задач, требовавших незамедлительного решения, стоявших перед Наркомпросом УзССР в первые годы советской власти, являлась задача подготовки педагогических, учительских (в первую очередь) и преподавательских кадров. В дореволюционный период в Туркестане была своеобразная школьная система: большую часть образовательной системы занимали мактабы – низшая школа и медресе, выполнявшие роль средней и высшей школ. Мактабы и медресе образовывали достаточно обширную образовательную сеть, но подавляющая часть коренного населения не могла позволить обучение даже в мактабах, и безграмотность среди коренного населения была до революции высокой. В царский период наряду со старометодными мактабами появились так называемые новометодные мактабы, в которых преподавалась и часть светских наук (география, арифметика, история), но их к началу XX в. насчитывалось по всему Туркестану всего около 40.

Существовали и русско-туземные школы, однако большого распространения они не получили. С момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкенте, как наиболее важном административном центре, были учреждены: реальное и коммерческое училища, кадетский корпус и Туркестанская учительская семинария в Ташкенте, единственное в то время учебное заведение, готовившее учителей для начальных русских и русско-туземных школ. Высших учебных педагогических заведений в Туркестане до революции не было.

Вследствие этого к началу 1920-х гг. Туркестанский край столкнулся с проблемой дефицита педагогических кадров.

Для реализации обширной задачи – становления единой образовательной системы – в 1921 г. при Наркомпросе РСФСР было создано особое учреждение Государственный ученый совет (ГУС), главной задачей которого стала разработка учебных программ, методических пособий и других необходимых материалов для школ, но их далеко не всегда можно было реализовать практически.

Тормозило работу Народного комиссариата просвещения и ГУСа в первые годы пятилеток сильное отставание строительства помещений от темпов развития школьной сети. Школы часто размещались в малоприспособленных помещениях, в том числе были трудности и с размещением самих учителей, особенно это касалось отдаленных областей республики. Здания для школ строились глинобитные или из сырцового кирпича (среднеазиатский вариант) и были малоприспособлены для этих целей. И сами учителя проживали в таких же плохо приспособленных для нормальной жизни условиях.

Все это в целом не способствовало популяризации профессии учителя.

Несмотря на очевидные недостатки в уровне профессиональной подготовки советских учителей, постепенно наблюдался их количественный рост.

Уже в ноябре 1917 г. в Ташкенте, Андижане, Самарканде, Коканде и ряде других городов Узбекской ССР были организованы первые трехмесячные курсы по подготовке учительских кадров. С начала и до конца 1920 г. было подготовлено около 3000 учителей местной национальности и 802 учителя европейской национальности, которые прошли различные формы профессионального обучения. Массовое строительство школ, особенно начальных школ, педагогических техникумов, педучилищ и педагогических институтов, расширение заочного и вечернего образования для работающих учителей, в общем, позволяло через количественные параметры подготовленных специалистов выходить на новый качественный уровень.

Следует отметить, что, несмотря на массовый охват образованием широких масс местного населения, существовали и негативные моменты, которые тормозили развитие советской системы народного образования. Физическая инфраструктура учебных заведений была неполноценной. Ощущалась острая нехватка грамотных учителей, особенно коренных национальностей. Низкая заработная плата и тяжелые бытовые условия для преподавателей и учащихся крайне затрудняли обновление преподавательского состава. Такая ситуация сохранялась с 1920 г. и до начала 1930-х гг., но к концу 1930-х гг. благодаря реформам в сфере образования значительно увеличилось количество учителей, особенно учителей начальной школы, и, соответственно, число студентов педагогических техникумов (с 1937 г. – училищ), готовивших профессиональные кадры для начальной школы.

Причины кадрового «голода» в системе народного образования

Основными препятствиями для искоренения недостатка в педагогах-специалистах стала специфика набора абитуриентов.

Острый недостаток квалифицированных педагогов складывался из следующих факторов:

1. Нехватка лиц, имеющих как среднее, так и семилетнее образование.
2. В условиях Гражданской войны, английской интервенции и басмаческого движения развивать советскую школу и советского учителя представлялось крайне непростой задачей.
3. В условиях первых пятилеток материально-техническая база среднего образования была также крайне скудной.

В поисках решения этой первостепенной задачи в резолюции, принятой на XVI партийном съезде в июне – июле 1930 г., особо подчеркивалась важность «скорейшего проведения всеобщего первоначального обучения»¹ в стране, что «должно стать боевой задачей партии в ближайший период»².

Проблем в сфере образования было очень много: это и нехватка учебных пособий, мебели (парт и стульев в классах), отсутствие приемлемого освещения, которые не позволяли наладить учебный процесс, а крайне убогое состояние общежитий не могло обеспечить элементарные бытовые условия как студентов, так и преподавателей. В некоторых общежитиях, особенно это касалось наиболее отдаленных районов республики (Турткульское, Нукусское), отсутствовали столовые, их заменяло некое подобие буфетов с крайне скудным ассортиментом.

Первоочередной причиной плохого материального и хозяйственного состояния педтехникумов являлось отставание строительства помещений, пригодных для обучения. Зачастую педтехникумы были размещены в малопригодных для функционирования нормального учебного процесса помещениях. В селах, отдаленных районах и кишлаках здания, предназначенные для техникумов, строились по старому типу – глинобитные или каркасные на 1–2 класса, в редких случаях – из сырцового кирпича на 3–4 класса³.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. 9-е изд.: В 8 т. Т. 5. М., 1984. С. 342.

² Там же.

³ Народное образование в УзССР за 15 лет (1924–1939) / под ред. Е.В. Рачинской, А.Л. Бродского, Н.А. Овсянникова. Ташкент: Государственное учебно-педагогическое изд-во УзССР, 1939. С. 46.

Проблема строительства помещений была отражена в докладной записке, касающейся вопроса о пересмотре системы и размеров зарплаты руководящего и педагогического персонала педагогических техникумов и педагогических работников в Узбекистане за 1934–1935 гг. В частности, была отмечена «неразрешенность проблемы строительства – это один из самых назревших вопросов, так как большинство педтехникумов расположено в постройках местного типа, абсолютно не отвечающих требованиям педшколы»⁴.

В последующие годы, с конца 1920-х и по 1937 г. включительно, проблема помещений под техникумы и хозяйственной базы в целом медленно, но верно решалась, но стоит отметить, что это касалось прежде всего столичных и самаркандских педтехникумов, а техникумы, расположенные в Кашкадарьинском, Сурхандарьинском и других отдаленных районах, годами ждали ремонта.

Помимо хозяйственного вопроса остро стояла проблема материального положения учителей и преподавателей заведений среднего специального образования. Ввиду низкой заработной платы специалисты неохотно шли работать в школы и педтехникумы.

Одной из вынужденных мер восполнения дефицита учительских кадров были краткосрочные курсы. 23 сентября 1930 г. СНК РСФСР издал постановление «Об откомандировании на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности», которое потребовало в обязательном порядке откомандировать лица, окончившие специальные учебные заведения и работавшие не менее года в качестве преподавателей. В случае отказа от работы предлагалось привлекать граждан к административной ответственности [Протасова 2008, с. 133]. Однако к желаемому результату такое принудительное решение не могло привести, и единственным эффективным путем решения стало срочное повышение заработной платы учителям.

Как указывает Н. А. Белова в монографии «Повседневная жизнь учителей», «в 1925 г. учительское жалованье составляло 62,5% от средней ставки промышленного рабочего. В то же время в реальности разница в доходах оставалась кратной: высококвалифицированный учитель зарабатывал 45 руб. в месяц, а размер пенсионного обеспечения учителям составлял 240 рублей в год, что ежемесячно было около 20 рублей. В то время как рабочие (родители учеников) получали заработную плату в размере 90–120 рублей ежемесячно» [Белова 2015, с. 98]. Также этот же автор указывает следующее: «по данным Всесоюзной школьной переписи 1927 г., заработная плата учителей по-прежнему значительно отставала от оплаты труда других профессий, особенно профессии технического характера.

⁴ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 1585. Л. 47, 48.

В 1930-е гг. основное учительское жалование исчислялось путем количества выработанных часов. Час учительского труда в начале 1930-х гг. стоил 1 рубль 62 копейки, после 1936 г. 1 рубль 82 копейки» [Белова 2015, с. 103].

Также в статье «Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг.», посвященной вопросу заработных плат учителей в сталинскую эпоху, этот же автор подчеркивает: «По официальным данным, заработная плата в сельской местности оставалась ниже, чем у учителей в городе, на 5–10 рублей» [Белова 2011, с. 37], т. е. сельские учителя до реформы образования могли находиться в еще более стесненных обстоятельствах, чем учителя в городах.

Для изменения текущей ситуации руководством СССР в конце первой пятилетки и начале второй пятилетки была предпринята череда действий, направленных на улучшение социального и материального положения школьных работников.

Реформы в системе Наркомпроса, направленные на улучшение материальной базы системы народного образования в начале – середине 1930-х гг.

На протяжении 1920-х гг. были приняты постановления ЦК ВКП(б) и другие нормативные документы советского правительства, касающиеся улучшения материального положения учителей и педагогов. Как указывает исследователь О. Золотарев, особенно это касалось учителей в селах: «Работники просвещения на селе имели ряд льгот: они приравнивались к рабочим в снабжении промышленными товарами и продуктами питания, им предоставлялись бесплатные жилые помещения с отоплением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями. Были предусмотрены и другие меры, которые содействовали улучшению материального положения педагогов» [Золотарев 2010, с. 60]. Но все же этого было недостаточно. И следует отметить, что принятые меры по улучшению материального положения педагогов являлись скорее исключением, а не правилом.

В докладной записке Наркомпроса РСФСР, направленной в СНК в феврале 1927 г., было отмечено, что основной причиной ухода учителей из школы, а также большой «текучки» кадров в системе среднего образования вообще как раз являются тяжелые материальные условия.

Получалось следующее: труд учителя, особенно это касалось педагогов с высшим образованием, в конце 1920-х гг. ценился ниже, чем другие профессии, поэтому молодые люди не стремились работать учителями.

В принятом 10 августа 1927 г. постановлении СНК РСФСР «О состоянии педагогического образования»⁵ увеличивалась стипендия для слушателей высших педагогических курсов, имевших высшее непедagogическое образование. Также вводились льготы для учителей и преподавателей со средним образованием, чтобы эта категория педагогов стремилась получать высшее педагогическое образование. Данные меры были первостепенными, поскольку были необходимы квалифицированные учителя в большом количестве, так как начиная с 1934–1935 гг. произошел переход к обязательному семилетнему обучению в республике. Рост школ происходил стремительными темпами. Согласно данным, приведенным в монографии «Народное образование в УзССР за 15 лет (1924–1939)», «если количество неполных средних школ в 1934 г. было 383 то в 1937-м их количество было уже 989, а в сельских местностях количество школ с 243 в 1934-м возросло до 825 в 1937-м»⁶.

В период второй пятилетки (1933–1937 гг.) начало вводиться и десятилетнее обучение. Власти обратились к вопросу улучшения материального положения еще и потому, что было необходимо привлечь студентов на учебу в педтехникумы, педучилища и пединституты. Если же материальное положение советского учительства продолжало бы оставаться на низком социальном и бытовом уровнях, сделать это было бы затруднительно,

Начиная с 1931–1932 гг. заработная плата руководящему составу педтехникумов и преподавателям начала увеличиваться, но опять-таки не в той мере, которая была нужна, чтобы остановить «текучесть» кадров. Так, размер ставки директора педтехникума в 1935 г. определен в размере 306, 5 рубля в среднем, т. е. были подняты заработные платы руководящему составу педтехникумов, в то же время рядовые преподаватели зарплату получали по-прежнему невысокую: в соответствии с архивными данными, «ставка преподавателя педтехникума при двухчасовой нагрузке в день (48 часов в месяц) определялась в 152 рубля плюс так называемая «хлебная» надбавка в размере 7 рублей»⁷.

В условиях Узбекской ССР эта задача имела особую специфику, поскольку «найти преподавателя педтехникума с высшим

⁵ Постановление СНК от 31 августа 1927 г. «О мерах по улучшению педагогического образования в Р.С.Ф.С.Р.» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/390048-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-o-merah-poluchsheniyu-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-r-s-f-s-r-31-avgusta-1927-g> (дата обращения 09.07.2024).

⁶ Народное образование в УзССР за 15 лет... С. 48–49.

⁷ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 1585. Л. 46, 48.

педагогическим образованием и с педстажем для преподавания, например: математики, химии, ленинизма и т. д. на уйгурском, киргизском, местно-еврейском и др. местных языках не менее трудно, чем найти одаренного артиста для сцены. Не менее трудно подобрать и педагога – узбека для особо отдаленных районов Хорезма, Сурхан-Дарьи, Кашкадарьи и некоторых других районов»⁸.

Вопрос оплаты труда преподавателям педтехникумов определялся в Наркомпросе Узбекистана как один из самых наболевших, в который упирается ряд проблем, связанных с рационализацией педагогического процесса и повышением качества учебной работы в педтехникумах, педучилищах.

Как следует из переписки наркома просвещения УзССР Рузыбаева с и. о. начальника планово-финансового отдела РСФСР Павловым: «неудовлетворительное положение оплаты преподавательского труда в данных типах учебных заведений выражалось в следующем: Во-первых: в уравниловке – начинающий преподаватель получал такую же оплату, как и преподаватель с большим педагогическим стажем (10 и более лет), не было различия в оплате труда высококвалифицированного преподавателя с высшим специальным образованием и преподавателя, имеющего лишь среднее образование, а то и неполное среднее образование, преподавателя штатного и временного, уравниловка имеет место и в оплате труда директора и завучей.

Во-вторых: преподаватели не получали периодических надбавок за выслугу лет.

В-третьих: оплата преподавательского труда в техникумах и рабфаках системы НКП была не только ниже, чем в ряде ведомственных техникумов и рабфаков, но и ниже, чем в средней школе. В то время как преподаватель средней школы получал в месяц 150 рублей преподаватель техникума, рабфака всего 130 рублей. В то время как в техникумах и рабфаках ряда ведомств преподаватели получали по 4, 5 и выше рублей за часовой урок, в техникумах и рабфаках оплата производилась из расчета 2 руб. 71 коп., а на некоторых педкурсах доходило до 1 рубля»⁹.

Все это, вместе взятое, вело к большой перегрузке ряда преподавателей, с одной стороны, а с другой – к недогрузке других, так как многие преподаватели стремились заполучить больше уроков в других учебных заведениях, где оплата труда выше, рассматривая свою работу в техникумах и рабфаках как временную, в лучшем случае как совместительство: отсюда малая заинтересованность в работе, «гастролерство», стремление при первой возможности бросить

⁸ Там же. Л. 45, 47.

⁹ Там же. Л. 49, 50.

работу, что приводило к большой текучести преподавательского состава.

Естественно, такое положение было чрезвычайно неблагоприятно для создания в техникумах и рабфаках нормальных условий работы и крайне отрицательно влияло на постановку учебной деятельности. Если вернуться к вопросу об «уравниловке», необходимо отметить, что этот факт освещен в работе англоязычного автора Е.Т. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.». Несмотря на политизацию исследования (что в общем характерно для работ иностранных авторов), в главе, касающейся материального положения, автор отмечает следующее: «После осуждения Сталиным в 1931 г. “уравниловки” в Наркомпросе решили платить учителям в зависимости от образования, опыта и показателей работы. Без такой дифференциации, объясняли чиновники, учителя не будут стремиться к повышению квалификации и уровня преподавания. По данным 1934 г., практически нет разницы в оплате труда учителей и технических школьных работников» [Юинг 2011, с.142].

Улучшение материально-хозяйственного положения школ, педтехникумов и материально-бытовых условий учительства и студентов педтехникумов в конце 1930-х гг.

И только в конце 1930-х г. вопрос о ликвидации так называемой «уравниловки» и введении дифференциации оплаты труда как школьных учителей, так и преподавателей педтехникумов встал во главу угла, и данное явление начало искореняться из образовательной сферы.

В конце 1936 г. был введен образовательный ценз: преподаватели разделены на имеющих высшее образование и имеющих незаконченное высшее образование. К первой «А» категории были отнесены специалисты, имевшие диплом, аттестат или свидетельство об окончании полного курса высшего учебного заведения и защитившие дипломные работы. Вечерние и заочные вузы давали те же права и категорию, что и вузы с «очным» обучением. Как правило, все директора, завучи и желательного педагога педтехникумов должны были иметь высшее образование. Если же высшее образование отсутствовало, то до 1 августа 1938 г. педработники данной категории (без высшего образования) должны были получить его в вечерних или заочных высших учебных заведениях или же получить аттестаты за курс вуза экстерном. В ином случае рассматривался вопрос о замене педработников без высшего образования лицами, имеющими таковое. Преподавателей, которые оканчивали

учительские институты и работавших в педтехникумах, считали по 2-му разряду. Стаж работы учитывался только в должности преподавателя, не в системе Наркомпроса вообще¹⁰.

В этот же период в ходе кампании активного социалистического соревнования в области образования особое внимание стало уделяться грамотности школьников.

Как следовало из директивы начальника УПУ НКП УзССР, «правительство, партия и лично тов. Сталин требуют, чтобы из советских школ выпускались вполне грамотные учащиеся, способные успешно продолжать свое образование в техникумах и высшей школе. В борьбе за безусловную грамотность школьников исключительная роль принадлежит педтехникумам и учительским курсам. Первоначальные навыки грамотного письма дает начальная школа. Постановка работы в начальной школе всецело определяет течение и характер работы по родному языку на следующих ступенях образования. Это обстоятельство заставляет ставить со всей остротой вопросы качества подготовки учителя для начальной школы, вопросы подготовки грамотного учителя. В результате невнимания к этой важнейшей задаче из педшкол, в частности из педкурсов, были выпущены малограмотные учителя, являющиеся главными виновниками плохой работы начальной школы»¹¹.

К концу 1930-х гг. необходимость в срочных педагогических курсах отпала и задача выпуска грамотных и образованных педагогов вышла на первый план и соответственно изменился подход к заработной плате преподавателей.

После введения постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР; «О повышении заработной платы учителям»¹², «О введении персональных званий для учителей»¹³, «О ликвидации педологических извращений в школах»¹⁴ материальное и социальное положение педагогов начало существенно меняться к лучшему.

Наиболее спорным в середине 1930-х гг. оставался вопрос об оплате совместительства, так как многие преподаватели брали совместительство в других учебных заведениях, школах и в основном преподаванием на различных курсах (краткосрочных) при самих педтехникумах, добиваясь, таким образом, улучшения своего материального положения.

¹⁰ Там же. Л. 168.

¹¹ Там же. Л. 225, 226.

¹² Народное образование в СССР: Сб. документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 459.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 173–174.

Как указывает исследователь А. В. Новичков, для изменения неблагоприятной обстановки в сфере народного образования нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов справедливо определил, что текучка кадров среди учителей и преподавателей педтехникумов в «значительной степени зависела от уровня материально-бытовых условий педсостава. В условиях форсированных темпов подготовки кадров среднего педагогического образования Бубнов несколько раз специально изучал и обсуждал вопросы выплаты заработной платы учителям» [Новичков 2008, с. 16], что способствовало освобождению педагогов от непомерного количества общественных нагрузок. Усилиями А.С. Бубнова была расширена и сеть заочного образования.

10 апреля 1936 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о повышении заработной платы учителям¹⁵. Согласно постановлению, была повышена заработная плата учителям начальных, неполных средних школ, педагогических техникумов и педагогических училищ и доведена в общем до уровня инженерно-технических работников. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ»¹⁶ от 10 апреля 1936 г. были введены пожизненные персональные звания для учителей начальных и средних школ, т. е. созданы стимулирующие условия для повышения квалификации и профессионального роста.

Если сравнивать данные, приводимые в монографии «Народное образование в УзССР за 15 лет», где указывается, что «средний заработок учителя начальной школы при односменной работе составляет 300 руб.»¹⁷ и данные исследователя Беловой, в среднем по СССР: «учительская ставка после реформы 1936 года приравнивалась к 105 руб., а удерживаемая сумма государством за подоходный налог и государственный заем составляла около 20 руб. Следовательно, учитель на руки получал чуть более 80 рублей» [Белова 2015, с. 103–104], можно сделать вывод, что вывод Беловой, более применим к условиям заработка учителя в РСФСР.

Несмотря на предпринимаемые усилия по увеличению количества абитуриентов в средние и высшие педагогические учебные заведения, полностью решить задачу обеспечения педкадрами школы и училища решить не удавалось. К этой проблеме добавились и злоупотребления на местах и проблема своевременности выплаты заработной платы: нередко были случаи задержки выплат заработной платы. Сообщения «о невыплате зарплаты и квартирных учителям продолжаются в течение всех 1930-х гг.» [Ерохина 2016, с. 20].

¹⁵ Там же. С. 459.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Народное образование в УзССР за 15 лет... С. 57.

Репрессивные меры как одна из причин кадрового дефицита в системе образования

Как указывает исследователь Е.А. Ялозина в статье «Кадровая школьная политика 1920-х гг. как пролог сталинских репрессий», уже с середины 1920-х гг. в сфере среднего образования практиковалось проведение «проверкомов». В их состав «входили представители исполкома, партийных комитетов. Их задача заключалась в проведении учета и перерегистрации работников просвещения (на основе заполненных анкет), в определении уровня их профессиональной подготовки, отношения к новой власти, степени участия в общественной жизни, инициативности. По итогам такой работы комиссии учителей распределяли на три категории. К последней, составляющей около 12–15%, относили «непригодных по политической и педагогической неблагонадежности», их отстраняли от преподавания в школе» [Ялозина 2010, с. 23].

Своего апогея «чистки» в среде преподавателей школ и педучилищ достигли в конце 1930-х гг. Жертвами репрессий стали как и сам нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов, так и нарком просвещения УзССР У.У. Рузыбаев¹⁸, который начиная с 1934 г. и на протяжении ряда последующих лет писал докладные и отчеты в Наркомпрос РСФСР, ставя вопрос о пересмотре заработной платы школьным учителям и преподавателям педтехникумов в Узбекистане. Системе учительства, да и педагогам в целом, и без того не отвечавшей в массе своей требованиям времени, был нанесен удар, явившийся закономерным результатом общей политики сталинской эпохи.

Таким образом, «ухудшающееся из года в год положение с обеспечением школ учителями вынудило правительство создать в 1936 г. специальную комиссию по подготовке и переподготовке педагогических кадров, работавшую под непосредственным руководством председателя правительства. Работа комиссии в определенной мере ослабила последствия репрессий и способствовала быстрому расширению сети педагогических учебных заведений, активизировала и оптимизировала подготовку кадров» [Новичков 2008, с. 17].

Была пересмотрена «однобокость» в материальном обеспечении педтехникумов, так как в конце 1920-х и начале 1930-х гг., в период начала индустриализации и первой пятилетки, основные суммы из государственного бюджета шли на обеспечение промышленных вузов. К 1935 г. существовавшая тенденция была

¹⁸ Рузыбаев Убайдулла Убайдуллаевич. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1065790543> (дата обращения 01.07. 2024).

пересмотрена, и основное внимание в период с конца 1936 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны уделялось подготовке учителей начальных школ, которых готовили средние педагогические учебные заведения. Одновременно значительно расширялось строительство новых учебных зданий, т. е. решался вопрос с хозяйственной базой. Существенно укрепилась и материальная база педагогических учебных заведений.

Как следует из архивных материалов, «ассигнования на народное образование в Узбекистане 1937 г. достигли 180 млн руб. За 2 года (1935–1937 гг.) было построено 319 школ. А также в 2,5 раза увеличилась зарплата учителей»¹⁹.

В 1939 г. расход на одного педагога достиг 113 руб., в то время как еще десять–одиннадцать лет назад (в 1927–1928 гг.) этот расход составлял 28 руб. 26 коп., т. е. по данным цифрам можно судить, насколько увеличился бюджет среднего образования в республике.

Реформы оказали существенное влияние на повышение статуса учителя и педагога и его социальный облик. В частности, для повышения социального статуса учителя и привлечения молодежи в ряды студентов педтехникумов с начала 1930-х гг. в педагогических учебных заведениях – от техникумов до педвузов – практиковались различные семинары, собрания отличников учебы с целью обмена опытом, проводились и курсы повышения квалификации педабработников и таким образом создавался привлекательный образ советского учителя в глазах молодежи и пропагандировалось стремление молодых юношей и девушек поступить учиться в педтехникумы и педвузы.

Заключение

Таким образом, только после проведения определенных мер, направленных на повышение социального статуса учителя, в первую очередь улучшения материального положения, удалось исправить ситуацию в педагогической сфере. Среди предпринятых мер особо следует выделить широкую пропагандистскую кампанию: в частности, и периодической печати и в специализированной литературе, посвященной народному образованию, публиковались очерки о нелегком и самоотверженном труде педагогов, статьи о передовиках, отличившихся педагогах и др. Работа педагога, учителя стала показываться в положительном ключе в литературе и кинематографе. Начавшаяся во второй половине 1930-х гг. реформа народного образования изменила положение и облик советского

¹⁹ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 2556. Л. 35, 36.

учителя и привлекла большое количество юношей и девушек в педтехникумы, педучилища и в целом в сферу педагогического образования. Был повышен и социальный статус учителя, что, в свою очередь, благотворно сказалось на увеличении числа молодежи, выбравшей для себя профессию учителя.

Литература

- Белова 2015 – *Белова Н.А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
- Белова 2011 – *Белова Н.А.* Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 1. С. 36–38.
- Ерохина 2016 – *Ерохина Е.П.* «Работа учителя трудна и почетна»: уровень нагрузки и оплаты труда советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 18–22.
- Золотарев 2010 – *Золотарев О.В.* Советское учительство в 1930-е гг. // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 56–68.
- Новичков 2008 – *Новичков А.В.* Проблема педагогических кадров в СССР в 30-е годы XX в. // Омский научный вестник. 2008. № 2 (66). С. 15–18.
- Протасова 2008 – *Протасова Э.Е.* Дефицит учительских кадров: решение проблемы в начале 1930-х гг. // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Кн. 1. Екатеринбург, 2008. С. 131–136.
- Юинг 2011 – *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 359 с.
- Ялозина 2010 – *Ялозина Е.А.* Кадровая школьная политика 1920-х годов как пролог сталинских репрессий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 22–28.

References

- Belova, N.A. (2015), *Povsednevnyaya zhizn' uchitelei* [Daily life of teachers], IEA RAS, Moscow, Russia.
- Belova, N.A. (2011), "Salaries of Soviet teachers in the 1920s – 1960s", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 1, no. 1, pp. 36–38.
- Erokhina, E.P. (2016), " 'The work of a teacher is difficult and honorable'. The level of workload and remuneration of a Soviet teacher in the 1930s (based on the materials from Mordovia)", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 5, pp. 18–22.
- Ewing, E.T. (2011), *Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* [Teachers of the Stalinist era. Power, politics and school life in the 1930s], ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», Moscow, Russia.

- Novichkov, A.V. (2008), “The issue of teaching staff in the USSR in the 30s of the 20th century”, Omsk Scientific Bulletin, vol. 66, no. 2, pp. 15–18.
- Protasova, E.E. (2008), “Teacher shortage. Solving the issue in the early 1930s”, in Kul'tura Urala v KhVI–KhKhI vv.: istoricheskii opyt i sovremennost' [Culture of the Urals in the 16th – 21st centuries. Historical experience and the present], book 1, Ekaterinburg, Russia, pp. 131–136.
- Zolotarev, O.V. (2010), “Soviet teachers in the 1930s”, Intelligentsia and the world, no. 3, pp. 56–68.
- Yalozina, E.A. (2010), “Personnel school policy of the 1920s as a prologue to Stalin's repressions”, Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, no. 12, pp. 22–28.

Информация об авторе

Коринна С. Сабитова, EMU University, Ташкент, Узбекистан; 100100, Ташкент, Узбекистан, ул. Муками, д. 7/1; scully2608@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-5919-6082

Information about the author

Corinna S. Sabitova, EMU University, Tashkent, Uzbekistan; 7/1, Mukimi St., Tashkent, Uzbekistan, 100100; scully2608@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-5919-6082

УДК 329.8(47)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-43-63

Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б):
пропаганда важнее экономики
(1939–1945 гг.)

Татьяна С. Иларионова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, ilarionovat@mail.ru*

Аннотация: На основе документов Российского государственного архива социально-политической истории представляется начальный этап формирования и развития Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), охвативший 1939–1945 гг. Высшая партийная школа пришла на смену ряду более ранних образовательных учреждений ВКП(б). Она утвердилась, окрепла после того, как в 1940 г. были ликвидированы все 25 промышленных академий, что свидетельствовало о приоритетах руководства страны в сфере образования: предпочтение отдавалось подготовке идеологических кадров. Этот тренд был и во время Великой Отечественной войны – тогда набор специальностей только расширялся, стал охватывать такие направления подготовки, как журналистика и дипломатия. Во время войны перед слушателями ставилась задача обязательно продолжать учебу, поскольку идеологические кадры были нужны на разных участках фронта и тыла. ВПШ стала важным инструментом замены элит – от «старых большевиков» к новым кадрам партии, преданным лично И. Сталину. Такие институты образования, как Высшая партийная школа, внесли свой существенный вклад в трансформацию советского общества, в создание прочной основы для его единomyслия и полной поддержки курса руководства страны в политике, экономике, культуре.

Ключевые слова: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), подготовка идеологических кадров, номенклатура, СССР

Статья поступила в редакцию 20 мая 2024 г.;

принята к публикации 7 октября 2024 г.

Для цитирования: Иларионова Т.С. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б): пропаганда важнее экономики (1939–1945 гг.) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 43–63. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-43-63

© Иларионова Т.С., 2025

Higher Party School under the Central Committee
of the All-Union Communist Party of Bolsheviks.
Propaganda is more important than economy
(1939–1945)

Tatiana S. Ilarionova

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, ilarionovat@mail.ru*

Abstract: The article, based on the documents from the Russian State Archives of Social and Political History, presents the initial stage of the formation and development of the Higher Party School (HPS) under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. The stage covers the 1939–1945 period. The Higher Party School replaced a number of earlier educational institutions of the All-Union Communist Party of Bolsheviks; it established itself and strengthened after all 25 industrial academies were liquidated in 1940, which testified to the priorities of the country's leadership in the field of education: preference was given to the training of ideological personnel. That trend also existed during the Great Patriotic War: at that time the range of specialties only expanded and began to cover such areas of training as journalism and diplomacy. During the war, the students were given the task of continuing their studies, since ideological personnel were needed in different sectors of the front and the rearward area. The HPS became an important tool for replacing elites – from the “old Bolsheviks” to the new party cadres, personally devoted to Stalin. Educational institutions such as the Higher Party School made a significant contribution to the transformation of Soviet society, to the creation of a solid basis for its unanimity and full support for the course of the country's leadership in politics, economy, and culture.

Keywords: Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, training of ideological personnel, USSR

The article was submitted for publication 20.05.2024;
accepted for publication 07.10.2024.

For citation: Ilarionova, T.S. (2025), “Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Propaganda is more important than economy (1939–1945)”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1. pp. 43–63, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-43-63

Введение

В СССР Коммунистическая партия и Советское правительство прикладывали значительные усилия к подготовке кадров руководителей. Принималось большое количество решений партийных и советских органов, создавались образовательные организации: цель была одна – сформировать слой компетентных партийно-государственных управленцев, способных выполнять стоящие перед страной задачи. Теме кадровой работы посвящались исследования, конференции, регулярным был выпуск книг. Однако деятельность самих образовательных организаций до Великой Отечественной войны, таких как Институт красной профессуры, Всесоюзная промышленная академия, Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б), вообще не попадали в поле зрения историков. И в современной России прошлое как отдельных вузов, так и в целом системы партийного образования, подготовки «командиров» советской промышленности не привлекало внимания ученых. У этого есть свои объяснения: историки открыли для себя самые разные новые темы (в отличие от тех, что были в поле зрения исследователей советской поры), возникли и технические трудности: так, практически вся масса архивных документов, касающихся деятельности Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в Москве и партийных школ на местах (РГАСПИ. Ф. 612), была вывезена из Москвы, из Российского государственного архива социально-политической истории на хранение в Йошкар-Олу, где нет читального зала, а следовательно, и возможностей для работы исследователей. Историю ВПШ как часть истории страны автору пришлось восстанавливать по смежным фондам и архивам (РГАСПИ. Ф. 17, 523, 606).

Не удивительно поэтому, что в течение последнего десятилетия в свет вышло совсем немного книг, в которых авторы затрагивают вопросы подготовки кадров для партии и экономики в советское время. Среди них, во-первых, сборники нормативных правовых актов, на основании которых функционировала система советского образования¹. При этом, однако, не было ни одной публикации документов, касавшихся деятельности именно партийных школ.

¹ См., например: История профессионального и внешкольного образования в СССР и Башкирской АССР как его составляющей с 1945 до 1984 г.: Сборник документов / [сост.: Т.М. Аминов, А.И. Ерёмкина, Э.А. Шарапова]. Уфа: Мир печати, 2014; Нормативные правовые акты в сфере образования в СССР (1917–1992 гг.) / [Ю.В. Гинзбург, Т.Н. Ильина, В.В. Насонкин, В.А. Чиняева]; Федеральный центр образовательного законодательства; [под ред. Ю.В. Гинзбурга]. М.: [Б. и.], 2015.

Во-вторых, значительно больший интерес исследователей вызывал поиск различий и совпадений в советской и современной системах образования [Аврамова 2014; Понявина 2015; Нигматулин 2019]. Подобные сравнения велись, как правило, с выявлением наиболее значимых процессов и явлений в обеих системах, авторы не вникали в такие «детали», как практика функционирования конкретных организаций образования. В-третьих, ряд авторов пытался установить закономерности развития советской номенклатуры, выявить этапы ее развития [Винниченко, Ваганов 2016; Демидова, Захаров, Ефимова 2020, с. 796–809; Никулин 2018]. В-четвертых, продолжались исследования отдельных исторических отрезков пути системы образования, причем в фокусе внимания был и региональный аспект [Колдина 2021, с. 24–33; Непомнящий 2020, с. 1083–1094; Петрова 2011; Гросул 2012; Гришаев 2020].

Современных исследований, в которых бы комплексно рассматривались проблемы подготовки кадров номенклатуры в 1920–1940-х гг., крайне мало. Между тем они давали бы представление о формировании советского общества в целом. Все 1920–1930-е гг. в СССР шли постоянные поиски наиболее оптимальных форм подготовки кадров для промышленности, советских органов и, главное, для партаппарата. Вузы создавались, разрастались, реорганизовывались, упразднялись. И создавались новые. В таком на первый взгляд хаотичном развитии был определенный замысел, не объявленная публично цель.

Критик сталинизма А. Авторханов в книге «Технология власти» показал, как проходившие в 1920–1930-х гг. чистки в ВКП(б) в сочетании с массовым приемом в ее ряды новых членов способствовали укреплению личной власти И.В. Сталина [Авторханов 2019, с. 288–345]. Но на самом деле это была лишь часть длительной политической кампании; ее также составлял и еще один важный для истории страны процесс: возникали и закрывались различные коммунистические учебные заведения, которые, как и прочие вузы, искали оптимум в своей деятельности, что привело в конечном счете к формированию стройной системы партийного образования, она-то и стала для ВКП(б), Сталина резервуаром надежных кадров, целиком и полностью преданных «вождю».

До Великой Отечественной войны свои понятные очертания система партийной учебы приобрела с созданием в июне 1939 г. Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б)². Постановление ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1939 г. «Об итогах приема новых членов

² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 12.

в ВКП(б) за апрель – сентябрь 1939 г.»³ подводит своего рода черту под кампанией по смене целого поколения большевиков.

На себя обращает внимание и тот факт, что перед войной (в 1940 г.) были закрыты все 25 промышленных академий, включая Всесоюзную промышленную академию им. И.В. Сталина⁴, они готовили специалистов-управленцев для самых разных отраслей советского народного хозяйства [Иларионова 2020, с. 874–895]. И именно в этот период возникает нечто совершенно новое – Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), которая была призвана образовывать идеологические кадры, а они, в свою очередь, должны заниматься «воспитанием» населения, агитацией и пропагандой в самые отчаянные по своим тяготам времена – перед войной и во время войны, т. е. политическим руководством СССР ставка делалась уже не на знания и умения людей в экономике, а на идеологическую работу с кадрами как наиболее важную и эффективную для достижения государственных целей. Данный вывод подтверждается также немалым количеством косвенных доказательств – вышедшими в те годы научными трудами, а также многочисленными проведенными тогда же конференциями и совещаниями, имевшими своей целью «идеологическое воспитание масс»⁵.

Система высших партийных школ с Высшей партийной школой при ЦК партии оказалась долгожителем – она просуществовала, конечно, временами трансформируясь, вплоть до крушения советской власти, до распада СССР в 1991 г.

ВПШ при ЦК ВКП(б) должна была давать в первую очередь гуманитарные знания студентам, чтобы те были на голову выше рабочего или крестьянина, представителя интеллигенции или зарубежного эксперта и могли, пользуясь приобретенным теоретическим багажом, на практике воплощать идеи партии. Поэтому учебные планы включали в себя самые разные направления подготовки, но упор делался на историю, а также на такие науки, как экономика или социология, большое значение имело

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7: 1939–1945 гг. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. С. 142–144.

⁴ Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР № 2349 от 19 ноября 1940 г. «Об академиях наркоматов». URL: <https://istmat.org/node/19841> (дата обращения 21.02.2024).

⁵ Итоги и задачи преподавания основ марксизма-ленинизма в высшей школе: Резолюция Всесоюз. совещания руководителей кафедр марксизма-ленинизма по докладу тов. Кафтамова С.В. «Об итогах преподавания марксизма-ленинизма в 1938/39 учебном году». Свердловск: Горный ин-т, 1939.

разъяснение слушателям международной обстановки, изучение ими иностранных языков. И к чтению лекций привлекались не только академические силы, но и видные работники партии, для которых работа в ВПШ по совместительству была не столько дополнительным видом заработка, сколько знаком признания партии, доверия им со стороны руководства страны, прочного личного положения в системе партийных органов [Анфертьев 2016, с. 197–224].

Создание ВПШ при ЦК ВКП(б): направления и методы работы

У ВПШ были предшественницы. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1935 г. «О Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б)»⁶ в 1936 г. было создано новое партийное учебное заведение – Высшая школа партийных организаторов с одногодичным сроком обучения. Ее задачей явилась подготовка опытных партийных работников для руководящей деятельности в обкомах, крайкомах партии, ЦК компартий союзных республик. На учебу отбирались кадры из резерва ЦК ВКП(б) с партийным стажем не менее 10 лет и опытом руководящей работы не меньше 5 лет. Одним из выпускников этой школы являлся ставший значительно позже, в 1984 г., генеральным секретарем партии К.У. Черненко⁷.

Однако подобной ускоренной учебы (один год) было явно недостаточно. 14 ноября 1938 г. принимается решение ЦК ВКП(б) «организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии». Эта же формулировка содержится в докладе И.В. Сталина XVIII съезду партии. Но затем по предложению вождя школа получила более компактное наименование – Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)⁸. Она разместилась в Москве, в здании «бывшей Свердловки» (т. е. Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова) по адресу: Миусская площадь, д. 6⁹ (ныне, как известно, это комплекс зданий Российского государственного гуманитарного университета). Помещения уже были приспособлены для учебного процесса, были

⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Т. 6: 1933–1937 гг. С. 279.

⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 12.

⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 42. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 31.

залы для лекций и аудитории для семинарских занятий, а также богатая библиотека – бывшего университета Шанявского, более 600 тыс. томов.

На практике обучение длилось немногим меньше: срок обучения – 2,5 года: 2 года – теоретический курс, 6 месяцев – практика. В школу принимались члены партии не старше 28 лет, имеющие высшее образование, опыт руководящей партийной, советской, комсомольской и пропагандистской работы не менее трех лет и партийный стаж 4–5 лет. Отбор кандидатов проводился обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик и аппаратом управления кадров и управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Первый набор составили работники обкомов, горкомов, райкомов партии и комсомола, Советов, газет и журналов, преподавателей вузов и школ. Разнообразен был состав слушателей по специальности. Среди них – историки, экономисты, философы, географы, врачи, агрономы и инженеры. Средний возраст слушателей – 26 лет. По национальному составу они представляли почти все народы Советского Союза¹⁰.

Всего было принято 511 человек¹¹. При приеме на обучение обращалось внимание на возраст абитуриента и его партийный стаж. Так, слушателей 1911–1912 гг. рождения было 273 человека, т. е. 53,4%; 1910 г. – 58 человек (11,4%), 1913 – 1914 гг. – 135 человек (26,5%), остальные были 1914–1919 гг. рождения. 14,2% вступили в партию в 1938 г. и еще 48,0% – в 1939 г.¹² И это еще раз подтверждало: ВПШ должна была стать важнейшим инструментом замены старой партийной элиты – новой, сталинской.

Показательно, что ВПШ вовсе не задумывалась как учебное заведение высшего образования. Она должна была стать именно институтом партийного, в современном смысле – дополнительного образования. В первом наборе 54% слушателей уже были дипломированными специалистами, еще 24% имели незаконченное высшее образование¹³. Часть из них были сами работниками вузов – три декана в этом наборе сели за парту.

ЦК внимательно следил за первыми шагами ВПШ, все учебные планы утверждались в его кабинетах.

¹⁰ Там же. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 12–13.

¹¹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 42. Л. 29. По другим данным – 507 человек: Там же. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 12–13.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 42. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 30.

Таблица

Учебный план Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б),
утвержденный решением ЦК ВКП(б) от 8 августа 1939 г.¹⁴

Наименование предмета	Все-го	Количество часов					
		Из них		Часов в семестре			
		лекцион-ных	семинар-ских	1	2	3	4
Всеобщая история	220	220	-	138	82	-	-
История СССР	160	160	-	100	60	-	-
История ВКП(б)	300	160	140	66	90	90	54
Диалектический и исторический материализм	250	150	100	64	90	96	-
Политическая экономия	250	150	100	-	-	132	118
Экономическая политика СССР	100	70	30	-	-	-	100
История международных отношений и внешняя политика СССР	80	80	-	-	80	80	-
Партийное строительство	120	80	40	-	-	-	80
Иностранный язык	360	-	360	92	88	88	92
Всего	1840	1070	770	460	440	460	440

С первых дней ВПШ и ее преподаватели делали все, чтобы обеспечить учебный процесс литературой. Лекции стенографировались, а затем шли в печать. Например, в Российской государственной библиотеке сохранились многочисленные лекции профессора Александра Васильевича Мишулина – специалиста по древней истории¹⁵ и абсолютно лично преданного И.В. Сталину человека, позже,

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ См., например: *Мишулин А.В.* Древнейшая Греция: Стенограмма лекции, прочитанной 28 ноября 1939 г.: На правах рукописи. М.: [Б. и.], 1939. (Курс всеобщей истории / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Древнейшая история; Лекция 6); *Он же.* Образование рабовладельческих

в 1946 г., он стал первым ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)¹⁶. Темы лекций и сами тексты убеждают в том, что больше ни о каком «отмирании государства» партия в тот момент не думала, напротив, даже примеры из античности должны были служить делу воспитания государственников – на советский лад.

Стенограммы лекций готовились и после выступления в стенах ВПШ видных партийных деятелей – таких, как член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР Емельян Ярославский¹⁷. В ВПШ с момента ее открытия он руководил кафедрой истории ВКП(б)¹⁸.

Сохранилась переписка руководителя кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР С.А. Лозовского с преподавателем кафедры Д.З. Мануильским (оба – видные партийные работники, активные сторонники Сталина).

ТОВ. МАНУИЛЬСКОМУ Д.З.

В соответствии с решением Кафедры от 6 марта 1941 г. за Вами из второго раздела курса Истории Международных отношений и внешней политики СССР закреплено для прочтения во второй половине 1940/41 уч. года (с марта по август м-ц) 5 лекций 10 часов по следующему периоду: Международные отношения и внешняя политика СССР за 1935–1939 гг. (От итало-абиссинской войны до англо-франко-советских переговоров 1939 г.)

Для составления программы II-го раздела и планомерного проведения курса кафедра просит Вас: а) В 3-хдневный срок, т. е. не позже 10 марта, представить тематику лекций, т. е. название всех лекций из

государств в Греции: Стенограмма лекции, прочитанной 4 декабря 1939 г.: На правах рукописи. М.: [Б. и.], 1939. (Курс всеобщей истории /Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Древнейшая история; Лекция 7)

¹⁶ Мишулин Александр Васильевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мишулин,_Александр_Васильевич (дата обращения 22.02.2024).

¹⁷ *Ярославский Е.* Образование Российской социал-демократической рабочей партии. Появление внутри партии фракций большевиков и меньшевиков (1901–1904 гг.). Лекция 5: Борьба товарища Сталина за создание большевистских организаций в Закавказье: Стенограмма лекции, прочитанной 9 февраля 1940 г. М.: [Б. и.], 1940. (Курс истории ВКП(б) / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б); Гл. 2)

¹⁸ Ярославский, Емельян Михайлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%95%D0%BC%D0%B5%D0%B%D1%8C%D1%8F%D0%BD_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 22.02.2024).

закрепленного за Вами периода; б) В недельный срок, т. е. не позже 25 марта, представить развернутую программу по всем лекциям, закрепленным за Вами.

Материал направляйте в НКИД тов. Саксину.

РУКОВОДИТЕЛЬ КАФЕДРЫ (С. ЛОЗОВСКИЙ). 7. III. 41 г.¹⁹

15 марта 1941 г. Мануильский и Лозовскому, и Саксину в Народный комиссариат иностранных дел направил необходимые документы²⁰, т. е. ВПШ контролировалась не только Центральным Комитетом партии, но и профильными министерствами – во избежание ошибок в преподавании, для безопасности лектора и кафедры. Это свидетельствовало также и о том, что, в отличие от профессора Мишулина, к которому применялась последующая цензура в виде публикации стенограмм лекций, по актуальным проблемам развития страны использовалась цензура предварительная – лекции читались по написанным текстам, утвержденным на кафедре и в соответствии ведомстве²¹.

Такое было, разумеется, не только к ВПШ. Все вузы и, особенно, идеологические кафедры по всей стране находились под наблюдением контролирующих органов. 11 января 1939 г. вышел приказ № 9 Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР «О постановке преподавания марксизма-ленинизма в высшей школе», принятый в развитие Постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»²². Приказ вводил порядок обязательного утверждения всех заведующих кафедрами марксизма-ленинизма, который действовал многие годы²³. Эти люди несли персональную ответственность за все, что звучало и печаталось в стенах вузов.

В ВПШ был установлен следующий принцип подбора лекторского состава, сотрудников кафедр: ограничивалось число штатных единиц для привлеченных полностью к работе в ВПШ; на самых крупных кафедрах работали в штате только заместители руково-

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 3–4.

²¹ См., например, текст лекции Д.З. Мануильского «Обострение империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Русско-японская война. Портсмутский договор» (РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 99. Л. 69–105).

²² Приказ № 9 Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, Москва, от 11 января 1939 г. «О постановке преподавания марксизма-ленинизма в высшей школе». М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. С. 2.

²³ См., например, списки заведующих кафедрами 1949 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 209. Л. 14–37.

дителей кафедр и по несколько человек преподавателей (руководителей семинаров); руководители кафедр и лекторы являлись совместителями, а их основная работа была в ЦК ВКП(б), институтах Академии наук СССР, центральных идеологических учреждениях; к чтению лекций привлекались, как правило, ведущие ученые в области общественных наук – авторы фундаментальных исследований или собственных курсов лекций, обладавшие педагогическим мастерством²⁴.

В учебной работе особенно большое значение придавалось лекциям как важнейшему методу изучения теории. Три дня в неделю слушателям читалось по две лекции и три дня – по одной. Второй важной формой учебных занятий являлись семинары. Группы комплектовались в соответствии с опытом работы и специальным образованием слушателей. С учетом состава групп подбирались и руководители семинарских занятий: философы, историки партии, экономисты. Основные работники школы вели по две группы, совместители – по одной группе. Семинары проводились не чаще, чем через две-три недели, после двухчасовых вводных занятий, специальной работы с докладчиками, групповых и индивидуальных консультаций (по 12 часов на группу перед каждым семинаром). Семинарское занятие проходило в один день (если длилось не больше 5–6 часов) или два дня, когда рассчитывалось на 8 часов. Тексты докладов печатались на машинке и заранее раздавались слушателям, тем самым слушателям предоставлялась возможность подготовиться к дискуссии.

Следующей формой учебной работы являлись классные занятия по иностранным и русскому языкам. Изучался один из трех иностранных языков: английский, французский или немецкий, по выбору слушателя. Занятия в аудитории проводили по два часа три раза в неделю. Перед слушателями ставилась задача: за два года овладеть языком настолько, чтобы иметь возможность следить за содержанием иностранных газет и журналов, читать политическую и художественную литературу, уметь вести политическую беседу.

Важной формой учебной работы являлись групповые и индивидуальные консультации. Они играли большую роль в подготовке семинарских занятий, активизации самостоятельной работы слушателей, выработке у них навыков исследовательского подхода²⁵. И тут отделы ЦК ВКП(б) осуществляли постоянный контроль за ходом учебного процесса, качеством занятий. На семинарских занятиях и экзаменах часто присутствовали работники учебной части ВПШ, заместители директора, а также заведующий, заместитель

²⁴ Там же. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 13–15.

заведующего и инструкторы отдела подготовки и переподготовки партийных кадров Управления пропаганды и агитации²⁶.

За пять лет ВППШ произвела четыре выпуска слушателей – всего 1582 человека, в том числе имеющих высшее образование – 1024 человека. В 1941 г. в связи с началом войны набора не было. Некоторые слушатели были выпущены досрочно, они были направлены в Красную Армию, в крайкомы, обкомы, ЦК компартий союзных республик. Наиболее способные нашли себе применение в Центральном Комитете партии: 10 человек стали работать в Управлении пропаганды, всего же 76 человекполнили аппарат ЦК. Свыше 40 человек стали работать секретарями обкомов, заведующими отделами обкомов, лекторами и руководителями лекторских групп обкомов и крайкомов ВКП(б). Значительная группа выпускников пополнила редакции газет и журналов, многие стали редакторами областных и краевых газет, военными корреспондентами, пришли в систему радиовещания. Другие «воспитанники» ВППШ пошли в науку, стали преподавателями высшей школы, остались работать в самой ВППШ.

Поскольку в Высшей партийной школе очень серьезно было поставлено дело изучения иностранных языков, то 72 выпускника поступили в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел²⁷.

ВППШ как методический центр

Кроме лекций, Высшая партийная школа готовила методические пособия, наглядную агитацию. Так, 26 мая 1941 г. в ЦК ВКП(б) было направлено письмо, в котором речь шла об осуществленном выпуске наглядного пособия по истории ВКП(б) для лекций – альбома «XVII съезд ВКП(б)»; наглядных пособий по политической экономии для партийных школ и высших учебных заведений. Альбом, например, в августе 1939 г. вышел в свет 25-тысячным тиражом²⁸. В письме за подписью заведующей Кабинетом социально-экономических наук ВППШ при ЦК ВКП(б) Е. Ворошиловой говорилось, что «нет того дня, чтобы мы не получали запросов от высших учебных заведений, Ленинских курсов, партийных организаций о выходе из печати наглядных пособий, особенно по истории ВКП(б)».

²⁶ Там же. Л.15.

²⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 256. Л. 10–11.

²⁸ XVII съезд ВКП(б): Альбом наглядных пособий / подгот. научными сотрудниками Кабинета социально-экономических наук ВППШ при ЦК ВКП(б) под общ. рук. Е. Ворошиловой; отв. ред. Г. Александров. М.: Госполитиздат, 1939.

Автор просила дать разрешение на выпуск новых изданий по этим темам²⁹.

Насколько была велика потребность в этих пособиях, говорит то, что Московской городской прокуратурой вскрыт факт массового изготовления и распространения группой дельцов фотокопий с изданных альбомов – наглядных пособий по истории ВКП(б).

Дельцы же – некие Волох и Зильберблат – были выявлены и наказаны. Как установила прокуратура, они успешно наладили бизнес: фотографам платили от 25 копеек до 1 рубля 50 копеек за снимок, себе же по договорам выписывали от 1 рубля 80 копеек до 2 рублей 85 копеек. Для проводки средств создавали фиктивные фото-бригады, в которые включали своих жен, сестер, братьев. Свои «изделия» дельцы распространяли по всему СССР. Например, Центральным комитетом Союза работников боеприпасов было куплено 100 комплектов на общую сумму 42 тыс. рублей. Еще по четырем заключенным договорам выручка должна была составить 179 тыс. рублей³⁰.

Такой большой спрос был, конечно, потому что помимо высшего партийного образования активно развивались самые разные формы политпросвещения: Ленинские курсы, курсы изучения биографии Сталина. Активность создания и работы курсов резко возросла буквально накануне войны. Под эти новые формы идеологической работы отдавались на местах здания бывших гимназий³¹. Обосновывались такие шаги острой нехваткой кадров, необходимостью повысить уровень тех, кто уже работал на руководящих должностях в партийных органах, но не обладал достаточными знаниями³². Решением ЦК ВКП(б) от 29 мая 1941 г., например, создаются партийные курсы в городах Ворошиловске, Вологде, Ижевске, Йошкар-Оле, Махачкале, Орджоникидзе, Пензе, Сыктывкаре, Тамбове, Энгельсе. Учеба на этих курсах должна была начаться 1 июля 1941 г.³³ Но начало Великой Отечественной войны только немного отсрочило учебу, в 1942–1944 гг. количество таких курсов лишь росло, в 1944 г. директор Ленинских курсов при ЦК ВКП(б) В. Кульбакин предлагал секретарю ЦК Г. Маленкову даже преобразовать курсы в Ленинскую школу, ввести двухгодичную подготовку, разместить ее на базе продолжавшей функционировать Высшей школы партийных организаторов³⁴, т. е. составить реальную

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 42. Л. 33–35.

³⁰ Там же. Л. 36–38.

³¹ Там же. Л. 16.

³² Там же. Л. 20.

³³ Там же. Л. 41.

³⁴ Там же. Д. 256. Л. 46–47.

конкуренцию ВПШ. Был даже подготовлен соответствующий проект постановления ЦК³⁵.

Кстати, в Высшей школе партийных организаторов в 1940 г. был установлен полуторагодовой срок обучения, и контингент обучающихся увеличен до 300 человек. Был принят новый учебный план. В число предметов, которые слушатели изучали, входили: история ВКП(б), партийное строительство, история СССР, всеобщая история, история международных отношений и внешней политики СССР, политическая экономия и вопросы практического руководства социалистическим хозяйством, всеобщая география и русский язык³⁶, т. е. в образовании партработников более низкого должностного положения упор делался именно на партийное образование, а история Древнего Рима, как и иностранные языки, были существенно потеснены.

В ВШПО по преимуществу направлялись ответственные работники областного уровня. Так, в 1944 г. из 200 слушателей было 74 секретаря обкомов, 42 секретаря горкомов, 8 секретарей райкомов, заведующих отделами обкомов – 43, остальные слушатели представляли иные организации³⁷. Но и система уже существовавших партийных школ не стояла на месте. Начинают одна за другой создаваться партшколы в областных городах, столицах союзных республик, просто в крупных центрах³⁸. К 1944 г. существовало 36 высших партийных школ. И, несмотря на ситуацию на фронте, с директорами регулярно проводились совещания, так, в 1944 г. они были собраны для обсуждения актуальных проблем обучения в Москве³⁹. Правда, положение в этих школах было далеко от благополучного: в послевоенное время, когда, казалось бы, жизнь наладилась и проблема с кадрами уже не была столь остра, как раньше, некоторые из ВПШ отчаянно нуждались в специалистах. Например, в 1950 г. Ашхабадская высшая партийная школа при ЦК КП(б) Туркменистана из 16 преподавателей имела в своем составе только 10, другие ставки были заняты совместителями и почасовиками, что делало работу нестабильной, затруднительной. Это явилось следствием и разрушительного землетрясения, которое произошло в столице республики в 1948 г. Партийный вуз нуждался в помощи⁴⁰. Другие высшие партшколы направляли персональные запросы для трудоустройства выпускников ВПШ при ЦК

³⁵ Там же. Л. 48.

³⁶ Там же. Л. 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 51.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Там же. Оп. 132. Д. 381. Л. 4.

ВКП(б). Новосибирская школа, например, просила в 1950 г. секретаря ЦК М.А. Сулова распределить в качестве заведующего кафедрой после защиты им диссертации т. Шорникова⁴¹.

Кроме того, вводились и краткие формы обучения: так, действовали шестимесячные курсы лекторов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, Центральные газетные курсы и курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма и политической экономии в вузах. Директор ВПШ Г. Александров ставил также вопрос о необходимости готовить кадры и для советских органов – для государственного аппарата. Об этом он писал в ЦК 17 августа 1944 г.⁴²

Кроме того, менялась и структура самой ВПШ: в ней создается дипломатическое отделение. В августе 1944 г. состоялся первый выпуск этого отделения – 65 человек, многие из которых остались для работы в Москве, хотя поступали на учебу из разных республик, областей и краев. ВПШ хлопотала, чтобы им были предоставлены квартиры или комнаты, потому что оставлять выпускников в общежитии не было никакой возможности, иначе нельзя было бы на учебу набирать новых слушателей⁴³. Другим важным проектом военного времени был факультет по подготовке журналистов и корреспондентов. Предполагалось, что к июню 1942 г. пройдет отбор слушателей с не менее чем двухлетним опытом работы в редакциях, они должны были готовиться к работе в заграничной сети ТАСС⁴⁴. Однако Секретариат ЦК признал такое решение нецелесообразным⁴⁵. Это были отголоски соперничества с Высшей дипломатической школой, также намеревавшейся готовить заграничных корреспондентов⁴⁶.

Учеба – это тоже вклад в Победу

1941 год начался с подготовки новых учебных планов, кафедры активно работали, именитые профессора и преподаватели готовили тексты своих лекций. После нападения Гитлера на СССР только на время возникло замешательство в преподавательском корпусе, только некоторые лекции и занятия претерпели изменения, были актуализированы. Так, доктор исторических наук, профессор Д.З. Мануильский не 24-го, как было запланировано, а 26 июня

⁴¹ Там же. Л. 1.

⁴² Там же. Оп. 125. Д. 256. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 43.

⁴⁴ Там же. Д. 102. Л. 9.

⁴⁵ Там же. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Л. 7–8.

1941 г. выступил с лекцией из учебного плана по теме «Переход Германии, Италии и Японии в наступление. Нападение Италии на Абиссинию. Политика лже-«санкций» Лиги Наций. Защита Советским Союзом политики коллективной безопасности» (раздел «Вползание капиталистических правительств во Вторую мировую империалистическую войну. Борьба Советского Союза за сохранение мира (1935–1939 гг.)»). Он начал так:

Товарищи, курс лекций, который я должен прочесть, охватывает 1935–1939 годы (*голос с места*: и 1941 год. *Аплодисменты*). Курс 1941 года преподает Гитлеру Красная Армия (*Аплодисменты*)...⁴⁷.

А закончил словами:

Гитлер ведет агитацию под лозунгом того, что Советский Союз... борется за мировую социалистическую революцию. Нет, на эту провокацию Гитлера никто не пойдет.

Мы боремся против фашистского варварства, мы боремся за объединение всех прогрессивных сил против фашизма. Мы знаем, что внутри отдельных стран будет создан национальный фронт в борьбе против фашизма и народный фронт.

Я не сомневаюсь, что и коммунистические партии должны будут сейчас перестроить свою позицию. Они должны активно участвовать в этом национальном фронте. Безумием было бы сейчас со стороны английских коммунистов, которые вчера еще критиковали Черчилля, выступать с его заменой и выдвигать такой лозунг, который выдвигался вчера во время народного конгресса, а именно – замена правительства Черчилля народным правительством. Такая замена предполагает внутреннюю борьбу. Никто сейчас не заинтересован в разложении английского фронта сопротивления. Англичане, борясь вместе с нами, делают прогрессивное дело, общее с нами дело.

Вот чем отличается нынешняя обстановка от обстановки, которая имела место несколько времени тому назад. Этот фронт, товарищи, будет идти параллельно с другим фронтом, который организован у нас на основе морально-политического единства нашего советского народа, который выражается теперь в том героическом отпоре, который дает наша Красная Армия, славная наша Красная Армия. (*Аплодисменты. Ура!*)

Наша Красная Армия, которая пользуется поддержкой всего советского народа. Это та решающая сила, которая покончит с германским фашизмом. (*Аплодисменты*)

⁴⁷ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 101. Л. 19.

Нет на земле другой силы, которая может покончить с фашизмом, кроме нашего советского народа. Другие силы будут помощниками, будут союзниками, может быть колеблющимися. Но было бы безумием с нашей стороны не понимать, что эти союзники будут делать с нами общее дело в борьбе за то, чтобы покончить⁴⁸ эту фашистскую гадину.

Я знаю, что когда я у вас читаю лекции об истории дипломатических отношений, – тоскливо вам. Ваши мысли там, на фронте. Я получил записки – доколе нас будут держать здесь?

Товарищи, не нужно проявлять нетерпения. Я убежден, что ваши силы понадобятся. Но то, что важно нам сейчас, чтобы каждый был на своем посту, чтобы наша жизнь протекала так, как она протекала в момент, когда мы не имели войны. Это не значит мирная установка. Каждый должен быть на своем посту, делать свое дело.

Марксистско-ленинская теория – это тоже могучее орудие в борьбе против германского фашизма. Тот, кто вооружен марксистско-ленинской теорией, тот сумеет говорить к сотням тысяч германских солдат так, как нужно говорить сейчас. Тот, кто вооружен марксистско-ленинской теорией, тот сумеет говорить к немецкому народу так, как подобает нашему великому советскому народу.

Не бросайте вашего оружия, не складывайте его. Это оружие вам пригодится вместе с танками, вместе с авиацией, вместе с нашими гордыми соколами нашей страны. Продолжайте вашу учебу так, как вы продолжали бы ее при любых условиях.

Когда я смотрю на вас – вы готовый политотдел любой армии. Но пока советское правительство, пока ЦК партии вас не призвали, будьте любезны, примиритесь со своей горькой участью и слушайте лекции по истории дипломатии. (*Бурные аплодисменты*)⁴⁹

Некоторые из слушателей Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в те дни получили освобождение от призыва по мобилизации⁵⁰.

Однако все выпускники и многие преподаватели ВПШ добровольно в июне 1941 г. вступили в Красную Армию. 350 слушателей первого курса решением ЦК ВКП(б) были направлены на партийную и советскую работу в республиканские и областные партийные организации⁵¹.

13 июля 1941 г. тот же Мануильский выступил перед своими готовыми идти на фронт слушателями с речью:

⁴⁸ Так в тексте.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 101. Л. 57–59.

⁵⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 42. Л. 43.

⁵¹ Там же. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 394. Л. 16.

Дорогие товарищи,

Ваше желание исполнено. Решением Центрального Комитета партии вы отправляетесь на фронт для борьбы со злейшим врагом нашего народа, лютым врагом трудящихся всего мира. Вся наша великая родина, все, что есть честного на земле, – с нашей родной героической Красной Армией и с вами, неразрывной частью этой армии, будущими политработниками. Вещие слова товарища Сталина, нашего вождя, друга и учителя, запали глубоко в сознание нашего народа, в сознание миллионов людей на земном шаре. Они стали нерушимой заповедью для каждого из нас. Не хватает слов, чтобы выразить в эти великие исторические дни восхищение беспримерным мужеством наших бойцов и командиров, дерущихся, как львы, за правое дело. Не подлежит сомнению, что в этой славной среде героев каждый из вас вспомнит о том, чему учила его партия Ленина-Сталина, и будет заражать своим примером на новые подвиги товарищей по батальонам, полкам и дивизиям. Жизнь каждого из нас принадлежит не нам, а народу. За его счастье, свободу, независимость, за торжество справедливой дела отдадим все до последней капли крови. Но фашистского зверя сомнем. Велик, могуч и непобедим советский народ. Не одолеют его черные фашистские орды гитлеровских варваров. Идите же, родные, любимые друзья и товарищи, с именем великого Сталина на устах в бой за нашу мать-родину, отечество всех трудящихся. Победа будет за нами.

Обнимаю каждого из вас в отдельности, как брата и друга. До свидания, товарищи, до победного свидания⁵².

ВПШ, как и многие размещавшиеся в Москве организации, пережила эвакуацию. Ее направили в Свердловск. В декабре 1942 г. директор ВПШ Г. Александров, члены ЦК ВКП(б) Е. Ярославский и М. Митин так характеризовали в записке в ЦК положение Школы в Свердловске: «Опыт работы Школы за этот год показал, что в условиях Свердловска невозможно подготовить высококвалифицированных партийных работников. За год работы в Свердловске Высшая партийная школа захирела и постепенно становится рядовым провинциальным учебным заведением. Ряд слушателей просит отчислить их из Школы, так как они не удовлетворены теоретическим уровнем преподавания»⁵³. Авторы записки делали вывод: «Считаем необходимым поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос о переводе Высшей партийной школы в составе 200 слушателей в Москву»⁵⁴. Школа вернулась в столицу.

⁵² Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 101. Л. 103–104.

⁵³ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 102. Л. 12.

⁵⁴ Там же. Л. 13.

Заключение

История ВПШ накануне и во время Великой Отечественной войны – живое доказательство приоритетов советского режима в сфере образования: первостепенное значение придавалось подготовке идеологических кадров, причем массовой, с тем, чтобы эти люди в последующем могли организовывать жизнь и работу других для достижения целей руководства Коммунистической партии. Создание Высшей партийной школы, ее филиалов в республиках, краях и областях свидетельствовало о тотальном охвате новой системой образования всего СССР. Никаких альтернатив не предусматривалось, более того, этот новый конструкт стал на практике действенным механизмом для смены элит: вместо гвардии старых большевиков, попавших под каток сталинских репрессий, система высших партийных школ и, в первую очередь, Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) выпускали в общественную жизнь, в экономику, науку и культуру преданные партии и убежденные в правильности ее линии молодые кадры коммунистов. ВПШ успешно работала над необъявленной, но очевидной задачей: изменить общество, создать единомыслие в нем, исключить риски бунтов и смут недобвольных. Именно такие институты образования, как ВПШ, способствовали советскому строю в его длительном и временами очень успешном существовании.

Литература

- Аврамова 2014 – *Аврамова Е.М.* Реформы системы образования в СССР и России как отражение трансформации общественных потребностей. М.: Дело, 2014. 50 с.
- Авторханов 2019 – *Авторханов А.* Технология власти. М.: RUSSIAN CHESS HOUSE/Русский шахматный дом, 2019. 624 с.
- Анфертьев 2016 – *Анфертьев И.А.* Политический и административный ресурс правящей РКП(б) – ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.
- Винниченко, Ваганов 2016 – *Винниченко О.Ю., Ваганов А.М.* Становление советской бюрократии: Правовые и партийно-номенклатурные основы. СПб.: Юридический центр, 2016. 244 с.
- Гришаев 2020 – *Гришаев О.В.* Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917 – середине 1940-х гг. в СССР. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2020. 368 с.
- Гросул 2012 – *Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924 гг.). 2-е изд. М.: ИТРК, 2012. 216 с.

- Демидова, Захаров, Ефимова 2020 – Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 796–809.
- Иларионова 2020 – Иларионова Т.С. К истории промышленных академий в СССР // Власть истории – История власти. 2020. Т. 6. Ч. 6 (24). С. 874–895.
- Колдина 2021 – Колдина А.Г. Аграрное образование в Нижнем Поволжье: организация, трудности, успехи (1920-е гг.) // История и архивы. 2021. № 2. С. 24–33.
- Непомнящий 2020 – Непомнящий А.А. «Лучший рассадник высшей школы»: Организация подготовки национальных кадров в Крымской АССР в 1920-е гг.: По документам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1083–1094.
- Нигматулин 2019 – Нигматулин М.В. Реформа образования в СССР и России глазами старшеклассника: История. Мифы. Перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2019. 180 с.
- Никулин 2018 – Никулин В.В. Классовые и нравственно-этические императивы большевиков: от революционного радикализма к политическому прагматизму. Тамбов: Державинский, 2018. 194 с.
- Петрова 2011 – Петрова Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-е гг. Самара, 2011. 177 с.
- Понявина 2015 – Понявина М.Б. Политика в сфере образования в СССР и современной России: политологический анализ. М.: ИНФРА-М, 2015. 126 с.

Reverences

- Anfertiev, I.A. (2016), “Political and administrative resources of the ruling (All-) Russian Communist Party (Bolsheviks). Selecting a model of a social welfare state in the 1920s – 1930s“, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 197–224.
- Avramova, E.M. (2014), *Reformy sistemy obrazovaniya v SSSR i Rossii kak otrazhenie transformatsii obshchestvennykh potrebnostei* [Reforms of the education system in the USSR and Russia as a reflection of the transformation of social needs], Delo, Moscow, Russia.
- Avtorkhanov, A. (2019), *Tekhnologiya vlasti* [Technology of power], RUSSIAN CHESS HOUSE/Russkii shakhmatnyi dom, Moscow, Russia.
- Demidova, E.I., Zakharov, A.V. and Efimova, E.A. (2020), “Formation of ‘Soviet human capital’ in the system of higher education in the 1930s“, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 796–809.
- Grishaev, O.V. (2020), *Politika partiinykh i gosudarstvennykh organov v oblasti institutsional'noi i nauchnoi organizatsii istoricheskogo obrazovaniya i izucheniya otechestvennoi istorii v 1917 – seredine 1940-kh gg. v SSSR* [The policy of party and state bodies in the field of institutional and scientific organization of historical education and the study of national history in 1917 – mid-1940s in the USSR], Izdatel'skii dom VGU, Voronezh, Russia.
- Grosul, V.Ya. (2012), *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [Education of the USSR (1917–1924)], ITRK, Moscow, Russia.

- Ilarionova, T.S. (2020), "On the history of the industrial academies in the USSR", *Vlast' istorii – Istoriya vlasti*, vol. 6, part 6, no. 24, pp. 874–895.
- Koldina, A.G. (2021), "Agricultural education in the Lower Volga region. Organization, difficulties, successes (the 1920s)", *History and Archives*, no. 2, pp. 24–33.
- Nepomnyashchii, A.A. (2020), " 'The best breeding ground for higher education'. Organization of training of national personnel in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s. Based on the documents of the State Archives of the Russian Federation", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1083–1094.
- Nigmatulin, M.V. (2019), *Reforma obrazovaniya v SSSR i Rossii glazami starsheklassnika: Istoriya. Mify. Perspektivy* [Education reform in the USSR and Russia through the eyes of a high school student. History. Myths. Prospects], LENAND, Moscow, Russia.
- Nikulin, V.V. (2018), *Klassovye i нравственно-этические императивы большевиков: от революционного радикализма к политическому прагматизму* [Class and moral-ethical imperatives of the Bolsheviks. From revolutionary radicalism to political pragmatism], Derzhavinskii, Tambov, Russia.
- Petrova, Ya.I. (2011), *Organizatsiya obucheniya vzroslykh v protsesse likvidatsii negramotnosti v SSSR v 1920–1930-e gg.* [Organization of adult education in the process of eliminating illiteracy in the USSR in the 1920-1930s], Samara University, Samara, Russia.
- Ponyavina, M.B. (2015), *Politika v sfere obrazovaniya v SSSR i sovremennoi Rossii: politologicheskii analiz* [Policy in the field of education in the USSR and modern Russia. Political science analysis], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Vinnichenko, O.Yu. and Vaganov, A.M. (2016), *anovlenie sovetской byurokratii: Pravooye i partiino-nomenklaturnye osnovy* [The formation of Soviet bureaucracy. Legal and party nomenclature foundations], Yuridicheskij tsentr, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе:

Татьяна С. Иларионова, доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82; ilarionovat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8615-5374

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119606; ilarionovat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8615-5374

УДК 791.6(47)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-64-81

Расширение и восстановление послевоенной советской сети кинопроката и кинопоказа: проблемы и решения (1946–1950)

Ян Цзежу

*Восточно-китайский педагогический университет,
Шанхай, Китай, yang33jieru@gmail.com*

Аннотация. После окончания Второй мировой войны, в связи с идеологическим переворотом в советском обществе и ухудшением отношений с Западом, советское правительство решило активизировать пропагандистскую работу внутри страны. С этой целью ЦК ВКП(б) предложил в 1946–1950 гг. расширить охват и воздействие пропаганды за счет расширения и восстановления национальной сети кинопроката и кинопоказа. За пять лет Советский Союз в основном завершил реконструкцию сети кинопоказа, но столкнулся с различными проблемами в ее реальном функционировании. Во-первых, все более жесткая политическая цензура после Второй мировой войны привела к тому, что фильмов стало производиться недостаточно и они были низкого качества, что затрудняло привлечение достаточного количества зрителей для покупки билетов и приводило к неудовлетворительным кассовым сборам. Это не только подрывало популярность фильмов, но и затрудняло просвещение непосвященных. Кроме того, в условиях дефицита экономики в Советском Союзе у кинематографистов хронически не хватало киноплёнки, проекционного оборудования и квалифицированных кадров, что затрудняло предоставление качественного обслуживания зрителям. В совокупности эти факторы негативно сказались на реализации пропагандистско-образовательной задачи ЦК ВКП(б) в послевоенный период.

Ключевые слова: советское кино, пропаганда и просвещение, кинопрокат и кинопоказ, советская экономика дефицита

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2024 г.;

Принята к публикации 1 ноября 2024 г.

Для цитирования: Ян Цзежу. Расширение и восстановление послевоенной советской сети кинопроката и кинопоказа: проблемы и решения (1946–1950) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 64–81. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-64-81

© Ян Цзежу, 2025

Expansion and reconstruction of the postwar Soviet film distribution and exhibition network. Challenges and solutions (1946–1950)

Yang Jieru

*East China Normal University, Shanghai, China,
yang33jieru@gmail.com*

Abstract. After the end of World War II, due to the ideological shift in Soviet society and the deterioration of the relations with the West, the Soviet government decided to intensify propaganda work within the country. To this end, the Central Committee of the CPSU(b) proposed in 1946–1950 to broaden the reach and impact of propaganda by expanding and restoring the national network of film distribution and screening. Within five years, the Soviet Union had largely completed the reconstruction of the film exhibition network, but faced various challenges in its actual functioning. First, the increasingly harsh political censorship after the Second World War resulted in an underproduction and poor quality of films, which made it difficult to attract enough viewers to buy tickets and resulted in unsatisfactory box office receipts. It did not only undermine the popularity of the films, but also made it difficult to educate the uninitiated. In addition, because of the deficit economy in the Soviet Union, cinemas chronically experienced film-stock shortages, deficiency in projection equipment and qualified personnel, making it difficult to provide quality service to audiences. Together, those factors had a negative impact on the implementation of the propaganda and educational task of the Central Committee of the CPSU(b) in the postwar period.

Keywords: Soviet cinema, propaganda and education, film distribution and exhibition, Soviet deficit economy

The article was submitted for publication 28.09.2024;
accepted for publication 01.11.2024.

For citation: Yang Jieru (2025), “Expansion and reconstruction of the postwar Soviet film distribution and exhibition network. Challenges and solutions (1946–1950)”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 64–81, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-64-81

Введение

С конца Второй мировой войны, когда победа была уже не за горами, недовольство населения и интеллигенции в Советском Союзе экономической жизнью и сложившейся системой вызывало все большую тревогу у Сталина и других высокопоставленных руководителей. СССР. Тревогу Сталина усиливала мрачная

ситуация, сложившаяся после Второй мировой войны, в которой США и Советский Союз перешли от сотрудничества к конфронтации. В ответ на это ЦК ВКП(б) решил активизировать пропагандистскую работу в стране, и кино стало одним из направлений пропаганды, которому руководство придавало особое значение. Чтобы увеличить масштабы и интенсивность идеологической пропаганды через кино, Советский Союз, разрабатывая свой четвертый пятилетний план, выдвинул амбициозную программу реконструкции и расширения сети кинопроката и кинопоказа с целью коренного улучшения проблемы кинообслуживания городского и сельского населения [Фомин 2019, с. 918–919].

Как проходит расширение и восстановление сети кинопроката и кинопоказа? Выполняет ли она задачи ЦК ВКП(б) по усилению пропаганды и просвещения? Популярный и многофункциональный характер кино обусловил живой интерес к этому искусству пропаганды, которое Ленин считал важнейшим¹, в литературных и гуманитарных кругах и среди общественности, а также многочисленных исследованиях советского кино в отечественных и зарубежных научных кругах. Однако мало кто из исследователей уделял внимание вопросу о расширении и восстановлении и послевоенной советской сети кинопроката и кинопоказа и соответствующим оперативным последствиям².

В статье предпринята попытка изучить, проанализировать и ответить на поставленные выше вопросы, используя группу ранее не использовавшихся архивных материалов из фондов российских архивов в сочетании с некоторой вторичной литературой.

Расширение и восстановление киносети

Аппаратной основой сети кинопроката и кинопоказа были прежде всего кинотеатры. Во время Второй мировой войны немцы нанесли огромный ущерб кинотеатрам на оккупированных ими

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1970. Т. 44. С. 579.

² Исследование по этому вопросу – докторская диссертация русского ученого О.В. Грановской, которая отмечает, что расширявшаяся после Второй мировой войны советская сеть кинопроката и кинопоказа не смогла выполнить поставленную государством задачу получения экономических доходов от проката и показа фильмов, и исследует причины этого. В данной статье будут представлены ее конкретные тезисы, и с ними будет вестись диалог при рассмотрении смежных вопросов далее во второй части [Грановская 2003].

территориях Советского Союза. По статистическим данным ЦК ВКП(б), без учета киноустановок профсоюзов и других государственных учреждений, советская городская киносеть потеряла более 500 кинотеатров, расположенных в крупных городах и промышленных центрах, а сельская – почти половину киноустановок, около 7000. В некоторых крупных городах осталось совсем мало кинотеатров. Например, в Минске, столице Белоруссии, с населением около 350 000 человек, после войны остался только один полностью оборудованный кинотеатр на 500 мест. В Воронеже с населением более 300 000 человек был только один кинотеатр на 600 мест [Косинова 2015, с. 61]. На неоккупированных территориях также было много старых или поврежденных кинопроекторных установок, которые не удалось заменить или отремонтировать во время войны, и в них уже нельзя было показывать. По свидетельству министра кинематографии И.Г. Большакова, в 1945 г. кинотеатры, которые в то время еще могли показывать кино, не могли удовлетворить спрос населения на кино, даже если они были перегружены пятью–восемью сеансами в день 360 дней в году.

Помимо огромного военного ущерба, нанесенного кинотеатрам и другим кинопередвижкам, значительная часть киноустановок и кинопередвижек требовала замены из-за старения и ветхости. В конце Второй мировой войны Советский Союз уже начал уделять внимание восстановлению киносети, но из-за нехватки материалов в военное время Советский Союз испытывал острую нехватку необходимого для кинопроекции, и восстановление киносети столкнулось со многими трудностями. 25 января 1945 г. Большаков, докладывая секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о работе по оказанию помощи в улучшении киносети Бурят-Монгольской автономной области, откровенно признался, что «из-за недостатка электродвижков» Министерство кинематографии СССР может направить только «10 кинопередвижек с электродвижками к ним и 4 стационарных киноаппарата, выделение большего количества кинопередвижек не представляется возможным». Бурят-Монгольской автономной области Министерство кинематографии СССР посоветовало: «Для обслуживания отдаленных аймаков республиканским организациям следует, по примеру других республик и областей, изыскать возможности выделения автомашин либо использовать гужевой транспорт»³. 2 марта заместитель министра внутренних дел СССР А.Н. Аполлонов сообщил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, что пограничники на восточной границе, а также во вновь созданном западном регионе не имеют достаточных

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 373. Л. 3: Дело о расширении киносети Бурят-Монголии.

средств для удовлетворения своих потребностей. В пограничных войсках западного региона не хватает кинопередвижки, и «пограничные округа не могут обеспечить достаточного и регулярного кинообслуживания личного состава на заставах, а также и населения пограничной полосы»⁴. 17 мая заместитель заведующего отделом кинематографии Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В.П. Степанов сообщил ЦК ВКП(б), что из-за нехватки запасов кинопередвижки «Министерство кинематографии сможет обеспечить пограничников НКВД СССР в этом году только 10»⁵.

После окончания Второй мировой войны многие республики направили в ЦК ВКП(б) просьбы о восстановлении и расширении киносети. Например, 27 сентября 1945 г. секретарь ЦК КП(б) Туркменистана просил ЦК ВКП(б) восстановить сельскую киносеть и заменить негодную киноаппаратуру и производство ремонта для Ашхабадской киностудии⁶.

В начале 1946 г. ЦК ВКП(б) поручил Министерству кинематографии СССР провести всестороннее обследование довоенного развертывания киносети по всему СССР и наметить пути коренного улучшения проблемы кинообслуживания городского и сельского населения за счет послевоенного восстановления и расширения [Фомин 2019, с. 918–919]. На основе этого исследования в СССР был разработан грандиозный план расширения киносети: к 1950 г. число киноустановок в СССР достигло 46 700, что на 66,8 % больше, чем до Великой Отечественной войны (28 000), и в 2,2 раза больше, чем на 1 января 1946 г. (14 500). Из них городская киносеть увеличится почти вдвое – с 4800 в 1946 г. до 9300. План предусматривал полное оснащение кинематографом всех районных центров и крупных рабочих поселков, а также широкое использование сельскими комитетами колхозных клубов для кинофикации. В течение пяти лет в СССР будет вложено 60 000 новых кинопроекторов. Из них для сельской киносети будет обеспечено 35 950 кинопроекторов, что примерно в 2,7 раза больше, чем 9800 на 1 января 1946 г. Для обеспечения кинопоказа в сельской местности СССР также вложит средства в строительство 25 000 электростанций в сельской

⁴ Там же. Л. 35: Дело об оказании помощи в обеспечении пограничных войск в 1945 г. необходимым количеством киноаппаратуры и электростанций.

⁵ Там же. Л. 36: Дело об ответе от заместителя заведующего отделом кинематографии Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В.П. Степанова на обеспечение пограничных войск в 1945 г. необходимым количеством киноаппаратуры и электростанций.

⁶ Там же. Л. 146–151: Дело о запросе на восстановление кинематографической сети и оснащение Ашхабадской киностудии.

местности и 9000 специально разработанных кинопередвижках для сельской местности⁷.

Программа не прошла гладко. В первый же год после введения пятилетнего плана восстановление и расширение советской киносети столкнулось с проблемой неудовлетворительного кадрового обеспечения. 8 сентября 1947 г. в докладе секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о работе управления кинофикации Большаков отметил, что основным недостатком в работе органов управления киносетями является неудовлетворительное кадровое обеспечение, особенно отсутствие заведующих районными органами кинофикации, которые непосредственно отвечают за кинообслуживание сельского населения, к тому же они, как правило, не соответствуют требованиям обязательного профстандарта и политической грамотности. Киномеханики также «далеко не отвечающие по своим деловым и политическим качествам, предъявляемым к ним требованиям». Он критиковал советские и партийные органы на местах за то, что они не сумели правильно подобрать и воспитать новые кадры для киносистемы, в результате чего местными управлениями кинематографией и кинотеатрами руководят малограмотные люди, не имеющие элементарного образования. В связи с этим Большаков обратился в Совет Министров СССР с просьбой расширить сеть киношкол и утвердил строительство десяти киношкол в период с 1948 по 1952 г. для подготовки соответствующих кадров. В период строительства киношкол Министерство кинематографии СССР организует сеть курсов, на которых предполагается подготовить 2400 киномехаников⁸.

Еще одной проблемой в реализации плана была нехватка материалов: 28 октября 1947 г. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В.П. Степанов писал в ЦК ВКП(б), что, хотя Калининградское областное управление кинематографии остро нуждается в кинопередвижках с электростанциями и автомашинами для улучшения показа фильмов в сельской местности, Министерство кинематографии не в состоянии обеспечить Калининградское областное управление кинематографии дополнительными кинопередвижками и сопутствующими электрогенераторами⁹. Министерство кинематографии не смогло обеспечить Калининградское областное управление кинематографии допол-

⁷ Там же. Л. 47–49: Дело о плане расширения киносети СССР: Развитие кинофикации городов и сельских районов на 1946–1950 гг.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 576. Л. 56: Дело о запросе на кинофикацию и восстановление кинотеатров в Калининградской области: проблемы с обеспечением ресурсами.

нительными кинопередвижками и сопутствующими электрогенераторами, потому что «Министерства кинематографии СССР и РСФСР не имеют фондов на эти материалы». До 1950 г., последнего года пятилетнего плана строительства киносети в СССР, Новгородская местная киносеть часто не имела необходимых для кинопоказа материальных средств, таких как кинопередвижки, передвижные электрогенераторы, бензин и т. д. 28 сентября 1950 г. ЦК ВКП(б), издавая Постановление «О кинофикации городов и районов Новгородской области», указал, что отсутствие киноаппаратуры в Новгородской области является основным препятствием к созданию сети кинотеатров в городах и районах области¹⁰. 19 октября того же года ЦК ВКП(б) указал, что из-за отсутствия транспортных средств у Кинематографического управления Псковской области (имеется всего 18 передвижных кинопроекторных аппаратов, из которых 4 полностью списаны) 6 районов области не имеют кинопередвижек и в течение многих лет не могут обеспечить население кинематографическими услугами, и потребовал от Министерства кинематографии СССР обеспечить области необходимым для кинопоказа¹¹.

Еще одна сложная проблема, возникшая при расширении сети кинотеатров, заключалась в том, что при составлении пятилетнего плана 1946 г. СССР не учел возможного будущего роста цен, что привело к тому, что фактические средства, использованные на строительство кинотеатров, значительно превысили заложенные в бюджет проекта, и успешное проведение восстановления и расширения киносети стало невозможным.

Отчитываясь о работе Министерства кинематографии перед ЦК ВКП(б) 2 марта 1949 г., Большаков заявил, что с 1945 по 1949 г. «стоимость строительства в СССР увеличилась в два раза». В результате город Чита столкнулся с проблемой нехватки средств на реконструкцию кинотеатра «Отечество». Министерство кинематографии сочло необходимым выделить дополнительные средства для завершения строительства кинотеатра «Отечество» в Чите в 1949–1950 гг. Однако, поскольку в годовой программе на 1949 г. эта потребность в средствах отсутствовала, в лимитированных капитальных ассигнованиях министерства не было дополнительных средств для города Читы. Поэтому Министерству кинематографии СССР оставалось только просить ЦК ВКП(б) о выделении

¹⁰ Там же. Оп. 132. Д. 253. Л. 121–123: Дело о кинофикации городов и районов Новгородской области.

¹¹ Там же. Л. 127: Дело о необходимости улучшения кинофикации и обеспечения транспортом в Псковской области для коммунистического воспитания.

дополнительных 2 миллионов рублей на строительство кинотеатра «Отечество» в Чите¹².

5 марта секретарь Читинского обкома ВКП(б) Г.И. Воронов также направил письмо Маленкову с просьбой выделить дополнительные средства для читинского кинотеатра «Отечество» для завершения реконструкции кинотеатра¹³. ЦК ВКП(б) поручил решение этой проблемы Совету Министров РСФСР в надежде, что Совет Министров РСФСР выделит средства на строительство. Однако Совет Министров РСФСР заявил, что у него «нет денег», и предложил Совету Министров СССР решить этот вопрос¹⁴.

14 апреля Отдел пропаганды и агитации изучил ситуацию и доложил в ЦК ВКП(б), что «есть возможность удовлетворить нужды Читы»¹⁵. К концу апреля на проблему обратил внимание Сталин, который согласился выделить дополнительно 2 миллиона рублей на завершение реконструкции кинотеатра «Отечество» в Чите¹⁶. Через несколько недель проблема была окончательно решена. Без одобрения Сталина читинский кинотеатр «Отечество» не избежал бы участи «гнилого здания».

Во многих других местах, которым не повезло, пришлось остановить работы по расширению и восстановлению местных кинотеатров. 12 августа 1949 г. секретарь Астраханского обкома ВКП(б) Ф.Н. Муратов обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой к Министерству кинематографии выделить 900 000 рублей на 1950 г. для расширения и реконструкции городского трехэтажного современного кинотеатра¹⁷. 5 октября в ответе ЦК ВКП(б) Министерство кинематографии отклонило просьбу Муратова, сославшись на то, что кинотеатр в Астрахани «достаточен»¹⁸. 11 октября Министерство

¹² Там же. Л. 15: Дело о выделении дополнительных средств на завершение строительства кинотеатра «Родина» в Чите.

¹³ Там же. Л. 14: Запрос на финансирование для завершения строительства кинотеатра «Родина» в Чите.

¹⁴ Там же. Л. 16: Дело о выделении дополнительных средств на достройку кинотеатра «Родина» в Чите.

¹⁵ Там же. Л. 17: Дело о завершении строительства кинотеатра «Родина» в Чите: необходимость выделения дополнительных средств.

¹⁶ Там же. Л. 18: Письмо Сталина к Совету Министров СССР: О выделении 2 миллионов рублей на завершение строительства кинотеатра «Родина» в Чите.

¹⁷ Там же. Л. 86: Дело о запросе на выделение средств для реконструкции и расширения кинотеатра «Модерн» в Астрахани.

¹⁸ Там же. Л. 88: Дело об ответе Министерства кинематографии СССР на запрос о выделении средств на реконструкцию кинотеатра «Модерн» в Астрахани.

кинематографии СССР отказало в просьбе Симферополя о расширения кинотеатра, сославшись на «ограниченность капиталовложений, запланированных на 1950 год»¹⁹. Кроме того, 15 апреля 1950 г. Большаков отказался утвердить строительство новых кинотеатров в 1951 г. в городах Мценске, Ливнах и Малоархангельске Орловской области в связи с ограниченностью средств²⁰.

Осенью 1950 г. ЦК ВКП(б) признал, что советская киносеть не может удовлетворить растущий спрос (на кинопросмотр) в некоторых районах²¹. Во многих местах строительство кинотеатров не было завершено, а показ фильмов часто затруднялся из-за отсутствия кинооборудования²².

Что касается количества вновь развернутых кинопроекторных сетей, то четвертый пятилетний план Советского Союза был выполнен не полностью. По состоянию на 1 января 1951 г. в сельской местности насчитывалось 32 193 единицы кинопроекторного оборудования, что на 10,5% меньше первоначально запланированного количества в 35 950 единиц. Тем не менее по сравнению с 1946 г., сразу после окончания Второй мировой войны, количество кинопроекторного оборудования в сельской местности увеличилось более чем в три раза. Почти такая же ситуация сложилась и с городской кинопроекторной сетью²³.

Проблемы кинопроката и кинопоказа

Вопрос о том, послужило ли расширение сети кинопроката и кинопоказа целям повышения уровня образования населения, сложнее поддается прямому анализу. В качестве альтернативы можно посмотреть на количество кинозрителей, изучив кассовые сборы, и таким образом проследить за этим вопросом. Российский ученый О.В. Грановская отмечает, что советская сеть кинопроката и кинопоказа после Второй мировой войны не смогла выполнить поставленную государством задачу по получению кассовых сборов

¹⁹ Там же. Л. 90: Дело об ответе Министерства кинематографии РСФСР на запрос о продолжении строительства кинотеатра в Симферополе.

²⁰ Там же. 17. Оп. 132. Д. 430. Л. 56–57: Отчет Министерства кинематографии СССР о строительстве кинотеатров в Орловской области.

²¹ Там же. Л. 10–13: Дело о состоянии кинообслуживания населения Амурской области.

²² Там же. Д. 253. Л. 121–123: Дело о кинофикации городов и районов Новгородской области.

²³ Там же. Д. 250. Л. 69–100: Статья Большакова о развитии советского кино.

от проката и показа фильмов [Грановская 2003]. Это, несомненно, отражало тот факт, что количество людей, смотрящих фильмы, не соответствовало ожиданиям государства.

Что касается причин этого явления, О.В. Грановская считает, что, во-первых, Советский Союз в период послевоенного восстановления не ставил во главу угла экономическую эффективность и вкладывал много средств в расширение сельских киносетей, которые имели меньшую посещаемость и более высокие операционные расходы, чем городские. Это, соответственно, подрывает потенциальные преимущества городских киносетей, которые имеют более высокую посещаемость и более низкие операционные расходы²⁴. Это утверждение Грановской субъективное суждение, которое может не соответствовать действительности. Глядя на данные о расширенной киносети, оборудовании и оснащении, можно сказать, что ЦК ВКП(б) придает равное значение сельским и городским сетям кинопроката и кинопоказа. С точки зрения финансовых вложений можно утверждать, что предпочтение отдается городам. Советское правительство выделяло больше денег на строительство городских кинотеатров, в то время как в сельской местности больше внимания уделялось использованию существующих общественных зданий или мест общественного пользования – таких, как клубы и избы – в качестве мест для демонстрации фильмов. То, что вкладывалось в сельскую местность, было скорее несколькими проекторами, небольшими инвестициями по сравнению со строительством кинотеатров-гигантов²⁵.

Более серьезная проблема с утверждением Грановской заключается в том, что оно подразумевает необоснованную гипотезу о том, что именно сети кинопоказа в сельской местности снижают кассовые сборы, а в городах их не хватает, и что если бы в строительство городских киносетей вкладывалось больше средств, то больше людей в городах выходили бы покупать билеты в кино, и киноотрасль могла бы получать больше кассовых сборов. Но на самом деле эта гипотеза не подтверждается. Основная причина, по которой кассовые сборы от фильмов не достигают целевых показателей национальной программы, кроется в более глубокой институциональной проблеме.

²⁴ Две другие причины, на которые указала О.В. Грановская, это хищение кассовых сборов соответствующими чиновниками, а также низкий доход и высокая текучесть кадров киномехаников, что сказывается на показе фильмов.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 576. Л. 47–49: План восстановления и развития кинематографии СССР: Проблемы кадров и улучшение кинообслуживания населения.

Прокат фильмов в СССР находится в ведении Главного управления кинопроката СССР (Главкинопрокат), имеющего свои представительства в союзных республиках, областях и краях. Как орган исполнительной власти, Главкинопрокат обладает только исполнительной властью, но не правом принимать решения о прокате фильмов. Решение о прокате фильмов в конечном итоге принимал ЦК ВКП(б). Главкинопрокат, являясь единственным покупателем фильмов, разрешенных к прокату ЦК ВКП(б), приобретало права на прокат у киностудий по себестоимости плюс пятипроцентная надбавка [Грановская 2003]. Затем Главкинопрокат организует конкретную работу по прокату: рекламирует фильм, определяет график показа, определяет количество копий для проката, дублирует фильм, отправляет фильм через Министерство транспорта в кинопрокатные конторы республик, областей и краев, которые затем составляют графики показа фильмов в местных кинотеатрах и оформляют их по согласованию с местными правлениями кинотеатров.

Важнейшей задачей Главкинопроката до выхода фильма на экраны была его реклама, которую осуществляла Студия кинорекламы при Министерстве кинематографии, до 1948 г. вынужденная посылать печать афиш советских фильмов за границу, но в 1948 г., с разрешения ЦК ВКП(б), Студия кинорекламы приобрела новейшее полиграфическое и фотографическое оборудование и стала самостоятельно печатать афиши для кино. Затраты на изготовление плакатов для киностудии были значительно снижены: стоимость изготовления одного плаката сократилась с 4 рублей 50 копеек в 1945 г. до 1 рубля 24 копеек в 1948 г., т. е. на 72,2%, а годовой план производства на 1948 г. был выполнен 1 октября 1948 г., что позволило сэкономить за год 300 000 рублей²⁶.

7 февраля 1949 г. Министерство кинематографии СССР, учитывая резкое увеличение объема работы по рекламе фильмов, обратилось в Совет Министров СССР с ходатайством о реорганизации Студии кинорекламы в Кинорекламу, что должно было способствовать дальнейшему повышению качества рекламных плакатов и короткометражных фильмов²⁷. 8 февраля Министерство кинематографии получило согласие Совета Министров СССР на назначение этой фирмы ответственной за производство рекламы советских фильмов и продвижение советских фильмов за рубежом. Одновременно Совет Министров СССР поручил органам государственной

²⁶ Там же. Оп. 132. Д. 252. Л. 25–26: Дело о реорганизации конторы «Рекламфильм» в фабрику по изданию кинорекламы: запрос Министерства кинематографии СССР.

²⁷ Там же.

безопасности выделить Министерству кинематографии СССР дополнительную норму основных печатных материалов рекламной фирмы на 1949 г. и просил Московский совет в месячный срок выделить в пользование рекламной фирмы для пропаганды кино 1500 квадратных метров помещений и оборудования²⁸. Что касается перевозки агитационных плакатов и фильмов, то Совет Министров СССР поручил Министерству транспорта перевозить агитационную продукцию Общества кинопропаганды и рекламы Министерства кинематографии СССР так же, как и периодические издания.

После того как Главкинопрокат определит график и количество копий, подлежащих распространению и показу, подведомственные ей местные отделения кинопроката в соответствии с ее планами готовят рекламу фильма в местной прессе и телерадиовещании, а также организуют показ фильма под руководством местных управлений кинопроката и кинопоказа. Главкинопрокат, отвечающий за прокат, выполняет задачу по выполнению установленных кассовых сборов, а также распределяет плановые показатели кассовых сборов между местными кинопрокатными конторами, возлагая на них ответственность за местный прокат²⁹.

Когда кассовые сборы фильма в союзной республике или населенном пункте не оправдывали ожиданий, Министерство кинематографии СССР и ЦК ВКП(б) часто возлагало вину на местный кинопрокат. 21 сентября 1949 г., например, Министерство кинематографии СССР приняло решение об увольнении начальника Таджикской конторы кинопроката А.А. Абакарова за невыполнение плана доходов от кинопроката на 1947–1949 гг. и перерасход средств на транспортировку фильмов.

8 октября Абакаров опроверг обвинения в свой адрес в Министерстве кинематографии СССР. Во-первых, Абакаров утверждал, что проблема перерасхода средств на перевозку фильмов не имеет никакого отношения к его личным управленческим способностям, поскольку «все транспортные операции осуществляются государственными органами». По словам Абакарова, расходы конторы кинопроката Таджикистана на перевозку фильмов превысили бюджет, потому что Главкинопрокат игнорировал реальные потребности кинопроката Таджикистана в перевозке фильмов и урезало средства на перевозку фильмов, что привело к нехватке фактических средств на перевозку. Советский Союз повысил

²⁸ Там же. Л. 27: Дело о проекте распоряжения Совета Министров СССР о реорганизации конторы «Рекламфильм» в фабрику по изданию кинорекламы.

²⁹ Там же. Д. 576. Л. 86–89: Дело о состоянии кинообслуживания трудящихся области.

транспортные расходы в связи с этим сокращением, в результате чего Служба кинопроката Таджикистана оказалась в стесненных обстоятельствах с транспортировкой фильмов. Во-вторых, Абакаров подчеркнул, что он организовал продвижение и прокат фильмов в соответствии с планами Министерства кинематографии и Главкинопроката, но без особого успеха «все кинотеатры не выполнили месячные кассовые планы, а потому не получили всей суммы запланированных доходов от проката». К обиде Абакарова добавилось то, что кинотеатры города Махачкалы, где сотрудники кинотеатров занимались составлением расписания сеансов, также не выполнили планы по кассовым сборам и доходам от проката, что также было поставлено в вину Абакарову. В то же время Министерство кинематографии предпочло закрыть глаза на перевыполнение Абакаровым плана по выручке от показа фильмов в государственном секторе, за который он отвечал³⁰.

Расследуя этот вопрос, Отдел пропаганды и агитации, конечно же, знал, что неспособность местных кинопрокатных контор выполнять планы по доходам не обязательно является вопросом компетентности их руководителей, и 5 ноября Отдел пропаганды и агитации доложил Маленкову, что обвинения Отдела в адрес Абакарова были обоснованными, поскольку кинопрокатная контора под руководством Абакарова действительно не выполняла планы по доходам от проката в течение последних трех лет, и что было рекомендовано дать согласие на отстранение Абакарова от должности руководителя службы кинопроката Таджикистана. Однако Отдел пропаганды и агитации, принимая во внимание большой опыт Абакарова в управлении киноиндустрией, согласился предложить Абакарову работу в Туркменистане в соответствии с его пожеланиями³¹.

Одной из главных причин низких кассовых сборов таджикского кинопроката при Абакарове в 1947–1949 гг., несмотря на то что он уже организовал пропаганду и прокат фильмов в соответствии с планами своего руководства, было именно усиление после Второй мировой войны процессов регулирования кинопроизводства и цензуры [Марьямов 1992; Блюм, Воловников 2004] в СССР, что привело к снижению как количества, так и качества кинопродукции

³⁰ Там же. Оп. 132. Д. 253. Л. 92–97: Письмо директора Главного управления кинематографии Абакарова И. Большакову о невыполнении финансового плана Таджикистана на 1949 год и перерасходе средств на транспортировку фильмов.

³¹ Там же. Л. 98: Дело об ответе на жалобу товарища Абакарова А.А. о его освобождении от должности управляющего Дагестанской конторой Главкинопроката.

в СССР. В целях укрепления киноотрасли в 1946 г. в Советском Союзе были реорганизованы и усилены отделы управления кинопроизводством и цензуры. В начале 1947 г. Министерство кинематографии в результате жесткой критики ЦК ВКП(б) ввело и реализовало более строгий порядок управления кинопроизводством и цензурой, уделяя особое внимание усилению проверки идеологического содержания фильмов. Хотя новые процедуры производства и цензуры помогли обеспечить соответствие фильмов идеологическим требованиям Сталина и Коммунистической партии, они привели к сокращению количества и качества фильмов и «нехватке фильмов», которая не смогла удовлетворить спрос населения на кино. Если говорить только о количестве, то в 1946 г. Министерство кинематографии планировало выпустить 40 художественных фильмов, но фактически были завершены только 20. В 1947 г. были запланированы 30 фильмов, но фактически завершены – 20; в 1948 г. были запланированы 40 фильмов, но фактически завершены – 16 [Belodubrovskaya 2017, p. 228]. ЦК ВКП(б) возложил вину за этот провал на Министерство кинематографии и не только потребовал от него дальнейшего усиления контроля, но и сократил с 1949 г. финансовые ассигнования на управление кинопроизводства, требуя от него тратить меньше денег на производство фильмов, которые принесут больше прибыли в прокате³². Такая политика еще больше усугубила «нехватку фильмов». Кинопрокатные конторы по всему СССР, не имевшие качественных фильмов, естественно, боролись за привлечение достаточного количества зрителей, чтобы выложить деньги за билеты в кинотеатры. Даже если есть несколько хороших фильмов, может возникнуть нехватка тиражей, что напрямую влияет на своевременный прокат и показ фильмов.

13 декабря 1947 г. сотрудник МВД СССР С.Н. Круглов направил секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову письмо, в котором критиковал Министерство кинематографии за то, что оно не обеспечивает пограничные войска достаточным количеством копий фильмов. Круглов указывал, что на 23 окружные фильмобазы, обслуживающие все части войск МВД, в том числе пограничные, конвойные, по охране железных дорог и особоважных объектов промышленности, Министерством кинематографии отпускается только 16 копий звуковых широкоплечных и по 16 копий узкоплечных кинофильмов. МВД обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой приказать Министерству кинематографии увеличить количество копий каждого нового фильма с 16 до 23, чтобы обеспечить кинопрокатную

³² Яковлев А.Н. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике: 1917–1953. М.: Демократия, 1999. С. 635–637.

базу каждого подразделения МВД достаточным количеством фильмокопий. Факт отсутствия в Министерстве кинематографии достаточного количества фильмокопий подтвердил заместитель начальника Отдела пропаганды и агитации Д.Т. Шепилов, который, выяснив этот вопрос, 15 декабря доложил Сулову. Если бы количество фильмокопий, поставляемых в МВД, было увеличено, то Министерство кинематографии должно было бы соответственно уменьшить количество фильмокопий, поставляемых в республики и областные сети кинопоказа. Шепилов не считал желательным такое перераспределение фильмокопий³³.

23 марта 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление по вопросу кинопроката, в котором указывалось, что «в кинообслуживании населения имеются большие недостатки», и «кинофильмы выпускаются в недостаточном количестве копий». Совет Министров СССР предписал Министерству кинематографии увеличить распространение отпечатков художественных фильмов и «обеспечить такой порядок снабжения фильмокопиями, при котором все столицы союзных республик, а также краевые и областные центры получали бы фильмы в течение 10–15 дней с момента их выпуска в г. Москве». Совет Министров СССР поручил Госплану выделить Министерству кинематографии СССР в 1948 г. дополнительные средства для оказания помощи в выполнении указанных задач³⁴.

На основании этого постановления с июня 1948 г. количество копий каждого нового фильма было значительно увеличено – до 1500–1800 копий. Таким образом, просьба МВД об увеличении количества фильмокопий была удовлетворена, и 16 ноября 1948 г. Большаков в своем докладе Маленкову отметил, что потребности МВД удовлетворены. К моменту выхода каждого нового фильма количество копий Министерству кинематографии для армии НКВД составляло 20–25 копий для широкой пленки и 4–6 копий для узкой³⁵.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 576. Л. 77: Дело о дефиците кинофильмов в Минкинематографии и невозможности увеличения поставок в МВД без сокращения для республик и регионов.

³⁴ Там же. Д. 639. Л. 163–167: Дело об улучшении кинообслуживания населения и увеличения доходов от кино в 1948 г.

³⁵ Узкопленочная аппаратура компактна, может устанавливаться в любом помещении, где нет стационарного кинотеатра, например в военных городках и сельской местности. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 92. Л. 68: Дело о предложении И. Большакова о увеличении количества фильмов, предоставляемых Министерством кинематографии СССР для Военного министерства СССР.

Советская экономика дефицита³⁶ продолжала существовать и влияла на производство и прокат советских фильмов. 31 августа 1948 г. Л.Ф. Ильичев, заместитель начальника Отдела пропаганды и агитации, доложил Сулову, что кинофикация была вынуждена закрыться из-за того, что Министерство химической промышленности не смогло обеспечить Министерство кинематографии сырьем для производства узкой пленки. Вскоре секретарь Московского городского комитета КПСС А.И. Козлов заявил, что неспособность Министерства кинематографии поставлять достаточное количество узкой пленки привела к почти полному прекращению показов узких фильмов³⁷. С тех пор эта проблема долгое время не давала покоя ни производству, ни поставкам советских фильмокопий.

Заключение

Большевистский режим с самого начала своего существования отмечал значение кино в жизни страны, рассматривал его как средство пропаганды, воспитания и просвещения населения и уделял большое внимание развитию кино в СССР. В феврале 1922 г. Ленин, беседуя о кино с наркомом просвещения А.В. Луначарским, который отвечал за руководство кино, подчеркивал: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино»³⁸. После того как Сталин стал верховным лидером Советского

³⁶ В социалистической экономике советского типа дефицит был широко распространен и хроничен. Теория экономики дефицита венгерского экономиста Яноша Корнаи утверждает, что такой дефицит не является случайным или временным, а является результатом структурной и системной природы социалистической экономической системы. Важной причиной дефицита является распределение ресурсов в рамках централизованного планирования. Социалистическая экономическая система опирается на централизованное планирование при распределении ресурсов и принятии производственных решений, что приводит к неэффективности обработки информации и несоответствиям в распределении ресурсов. В отсутствие рыночного механизма регулирования спроса и предложения централизованное планирование затрудняет точное прогнозирование и удовлетворение потребительского спроса, что приводит к избытку одних товаров и дефициту многих других [Корнаи 1990, с. 607].

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 92. Л. 3: Дело о проблемах с поставкой материалов для кинопроизводства из-за непредоставления химической промышленностью необходимых материалов, что привело к остановке киностудий и дефициту пленки.

³⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 579.

Союза, он также рассматривал кино как важное средство пропаганды и просвещения масс, которое должно быть в его руках.

После окончания Второй мировой войны, в связи с идеологическим переворотом в советском обществе и ухудшением отношений с Западом, Сталин принял решение усилить пропаганду и воспитание в стране. С этой целью ЦК ВКП(б) предложил увеличить масштабы и интенсивность идеологической пропаганды и воспитания за счет восстановления и расширения сети кинопроката и кинопоказа в период с 1946 по 1950 г. За пять лет Советский Союз в основном выполнил задачу по восстановлению и расширению подавляющего большинства сетей кинопроката и кинопоказа. Однако, скорее всего, эта работа не достигла цели ЦК ВКП(б) по усилению пропаганды и просвещения, о чем свидетельствует отсутствие хороших кассовых сборов, что означало недостаточное количество зрителей для покупки билетов на фильмы, а сами фильмы, выполнявшие важную пропагандистскую и просветительскую задачу, не оказывали особого воспитательного воздействия на зрителей.

В свою очередь, кинотеатры повсеместно не могли продать достаточное количество билетов, поскольку недостаточный объем производства и низкое качество фильмов, обусловленные ужесточением цензуры в период после Второй мировой войны, не позволяли привлечь достаточное количество зрителей для покупки билетов в кино. Экономика дефицита, которая была ключевой особенностью советской системы, привела к хронической нехватке киноплёнки, проекционного оборудования и киномехаников в советской киноотрасли, что, несомненно, усугубило проблему неспособности сектора предоставить достаточно качественный сервис для своих зрителей. Все это негативно сказывалось на выполнении задач, поставленных ЦК ВКП(б) в пропагандистской и просветительской работе после Второй мировой войны.

Литература

- Блюм, Воловников 2004 – *Блюм А.В., Воловников В.Г.* Цензура в Советском Союзе: 1917–1991. М., 2004. 575 с.
- Грановская 2003 – *Грановская О.В.* Социокультурные проблемы управления и организации отечественной кинематографии: Советский период: дис. ... канд. культурологии. Российский институт культурологии. М., 2003. 369 с.
- Корнаи 1990 – *Корнаи Я.* Дефицит. М., 1990. 607 с.
- Косинова 2015 – *Косинова М.И.* Советская кинофикация и кинопрокат во второй половине 1940-х гг.: «Трофейное кино» – спасение киноотрасли в период «малюкартинья» // Сервис+. 2015. № 3. С. 59–69. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kinofikatsiya-i-kinoprokat-vo-vtoroy-](https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kinofikatsiya-i-kinoprokat-vo-vtoroy)

- polovine-1940-h-godov-trofeynoe-kino-spasenie-kinootrasli-v-period-malokartinya (дата обращения 01.12.2024).
- Фомин 2019 – *Фомин В.И.* История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат (1941–1968 гг.). М., 2019. 735 с.
- Марьямов 1992 – *Марьямов Г.Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. 127 с.
- Belodubrovskaya 2017 – *Belodubrovskaya M.* Not according to plan. Filmmaking under Stalin. N.Y.: Cornell University Press, 2017. 266 p.

References

- Belodubrovskaya, M. (2017), *Not according to plan. Filmmaking under Stalin*, Cornell University Press, New York, USA.
- Blum, A.V. and Volovnikov, V.G. (2004), *Tsenzura v Sovetskom Soyuze: 1917–1991* [Censorship in the Soviet Union. 1917–1991], Moscow, Russia.
- Fomin, V.I. (2019), *Istoriya kinootrasli v Rossii: upravlenie, kinoproizvodstvo, prokat (1941–1968 gg.)* [History of the film industry in Russia. Management, film production, distribution (1941–1968)], Moscow, Russia.
- Granovskaya, O.V. (2003), *Sotsiokul'turnye problemy upravleniya i organizatsii otechestvennoi kinematografii: Sovetskii period* [Sociocultural issues of management and organization of Russian cinematography. Soviet period], Ph. D. Thesis (Art Studies), Russian Institute of Cultural Studies, Moscow, Russia.
- Kornai, J. (1990), *Defitsit* [Economics of shortage], Moscow, USSR.
- Kosinova, M.I. (2015), “Soviet spreading of the cinema and film distribution during the second half of the 1940s. ‘Trophy movies’ as the salvation of the film industry in the period of ‘film shortages’”, *Service +*, no. 3, pp. 59–69, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kinofkatsiya-i-kinoprokat-vo-vtoroy-polovine-1940-h-godov-trofeynoe-kino-spasenie-kinootrasli-v-period-malokartinya> (Accessed 1. Dec. 2024).
- Mar'yamov, G.B. (1992), *Kremlevskii tsenzor: Stalin smotrit kino* [The Kremlin censor. Stalin watches films], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ян Цзежу, кандидат исторических наук, Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, Китай; 200241, Китай, Шанхай, Minhang District, Dongchuan Road, д. 500; yang33jieru@gmail.com,
ORCID ID: 0009-0003-9420-1232

Information about the author

Yang Jieru, Cand. of Sci. (History), East China Normal University, Shanghai, China; 500, Dongchuan Rd., Minhang District, Shanghai, China, 200241; yang33jieru@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-9420-1232

История культуры в документальном наследии

УДК 070.4(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98

«И проповедь неповиновения»: цензурный «маневр» И.С. Аксакова в издании газеты «Москвич»

Анна А. Маслова

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия, avonavi.anie@gmail.com*

Аннотация. В центре повествования – подробности истории запрещения газеты «Москвич» (1867–1868), издаваемой взамен приостановленной ранее «Москвы» (1867–1868). На примере печатных органов И.С. Аксакова, используя новые вводимые в научный оборот архивные источники, автор проясняет специфику функционирования законодательства о печати и особенности работы бюрократического аппарата пореформенной России. Издание «Москвича» с подчеркнутым подражанием «Москве» стало манифестацией Аксакова против несправедливой системы административных взысканий, которая находилась в ведении одного только министра внутренних дел П.А. Валуева, самостоятельно определяющего срок приостановки органов периодической печати. Цензурный «маневр» Аксакова не представлял собой нарушение законодательной нормы, но вызвал необходимость правительства найти способ ликвидировать и предотвратить подобное своеволие, что выразилось во влиянии Валуева на мнение императора по данному вопросу и согласии с ним Совета министров. Исследователь приходит к выводу, что этот метод борьбы Аксакова за расширение свободы российской журналистики был обусловлен не только личной мотивацией редактора, но также являлся тактикой сражения за пересмотр механизма карательной цензуры и приведение его в соответствие с новой судебной системой.

Ключевые слова: газета «Москвич», редактор И.С. Аксаков, министр П.А. Валуев, Н.Ф. фон Крузе, цензурная реформа Александра II, Временные правила о печати 1865 г.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2024 г.;
принята к публикации 9 декабря 2024 г.

© Маслова А.А., 2025

Для цитирования: Маслова А.А. «И проповедь неповиновения»: цензурный «маневр» И.С. Аксакова в издании газеты «Москвич» // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 82–98. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98

“The preaching disobedience”.
I.S. Aksakov’s censorship “maneuver”
in the publication of “The Moskovich”

Anna A. Maslova

*Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia, avonavi.anie@gmail.com*

Abstract. The narrative focuses on the details of the history of the prohibition of the newspaper “The Moskovich” (1867–1868), published in place of the previously suspended Moskva (1867–1868). Using the example of I.S. Aksakov’s printing bodies, employing new archival sources introduced into scientific circulation, the author clarifies the specifics of the functioning of press legislation and the specifics of the work of the bureaucratic apparatus of post-reform Russia. The publication of “The Moskovich” with an emphatic imitation of the Moskva became Aksakov’s manifestation against the unfair system of administrative penalties – the system that was under the jurisdiction of P.A. Valuev, the Minister of Internal Affairs, alone who independently determined the period of suspension of the periodical press. Aksakov’s censorship “maneuver” did not constitute a violation of the legislative norm, but caused the government to find a way to eliminate and prevent such self-will, which was reflected in Valuev’s influence on the Emperor’s opinion on that issue and the consent thereto of the Council of Ministers. The researcher comes to the conclusion that such a method of Aksakov’s struggle for greater freedom in Russian journalism was not only motivated by the editor’s personal will, but it was also a battle tactic for the revision of the punitive censorship mechanism so as to bring the latter into line with the new judicial system.

Keywords: “The Moskovich”, editor I.S. Aksakov, Minister P.A. Valuev, censor N.F. von Kruse, censorship reform of Alexander II, Provisional Rules on the Press of 1865

The article was submitted for publication 25.02.2024;
accepted for publication 09.12.2024.

For citation: Maslova, A.A., (2025), “The preaching disobedience”. I.S. Aksakov’s censorship ‘maneuver’ in the publication of ‘The Moskovich’”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 82–98, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98

Введение

В декабре 1867 г. в древней столице стала издаваться ежедневная экономическая газета «Москвич», внешний и внутренний облик которой были идентичны приостановленной в ноябре того же года газете «Москва». История последней охватывает менее чем двухлетний период издания, за время которого она получила девять цензурных предупреждений, трижды приостанавливалась и была закрыта по распоряжению Сената. «Москва» была выразителем интересов представителей торгово-промышленного капитала и издавалась на их же средства, освещала внутренние новости и события внешней политики, юридическую хронику, а также включала в себя литературный отдел. На стадии второго перерыва, последовавшего в ноябре 1867 г., ее место и занял «Москвич». Обе газеты были связаны с именем Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), их отличительной чертой была меткая и яркая критика ее редактора, посвященная широкому спектру вопросов, в числе которых осмысление общественно-политических событий, рассуждение о взаимоотношениях церкви, государства и общества, освещение деятельности земских учреждений, дискуссии о системе цензурных предостережений и другие темы, за которые газеты и подвергались репрессиям.

Историческая наука изобилует исследованиями о журналистской и литературной деятельности И.С. Аксакова, известны труды, посвященные газете «Москва» [Греков 2011; Мотин 2017; Кардава 2020], в то же время газете «Москвич» внимания уделено существенно меньше [Цимбаев 1978, с. 149–152; Мотин 2012, с. 90–105]. Цензурная история «Москвича» примечательна тем, что проясняет правовой порядок функционирования законодательства о печати пореформенной России и особенно системы административных взысканий, специфику взаимодействия императора Александра II и высшей бюрократии, а также реакцию общества на этот эпизод из истории отечественной журналистики.

В освещаемый период основным законом, действующим в области печати, был Устав о цензуре от 1828 г., устанавливающий предварительную цензуру, а также изданные в дополнение к нему Временные правила от 12 мая 1862 г. и Временные правила от 6 апреля 1865 г., вводившие карательную цензуру для ряда изданий. В соответствии с этим правовым порядком вся цензура переходила в ведение Министерства внутренних дел, а главным надзорным органом становилось Главное управление по делам печати. В Санкт-Петербурге и Москве повременные издания освобождались от предварительной цензуры, но по желанию редакций и с разрешения министра внутренних дел. Ежедневные газеты, коими были «Москва» и «Москвич», должны были доставляться в цензурный комитет

одновременно с началом печати тиража, цензура в их отношении них действовала как система административных взысканий: министр внутренних дел мог сделать предупреждение с указанием статьи выпуска, подавшей к этому повод, а после третьего предостережения издание приостанавливалось на срок, назначаемый министром внутренних дел, но не более шести месяцев, о чем редакция обязана была напечатать соответствующее объявление в следующем выпуске, а нарушение грозило денежным штрафом¹. Помимо этого, повременные издания подлежали судебной ответственности при нарушении в них законов, дела о печати ведались в качестве суда первой степени в особых присутствиях Уголовной палаты, образованных для этого в Петербурге и Москве, а в качестве апелляционной кассации поступали в Правительствующий сенат. В случае необходимости окончательного прекращения публикации повременных изданий даже после их приостановки на обозначенный срок министр внутренних дел должен был внести соответствующее предложение в Первый департамент Сената. Тем не менее газета «Москвич» была прекращена без предварительных предостережений по личной ходатайству министра П.А. Валуева, поддержанного Высочайшей волей, через Комитет министров. Любопытно прояснить причины подобной махинации и пролить свет на ее содержание.

История цензурного прецедента газеты «Москвич»

Подробности мы узнаем из дела о запрещении газеты «Москвич», хранящегося в Российском государственном историческом архиве и впервые полностью вводимого в научный оборот. В его составе восемь донесений Московского цензурного комитета Главному управлению по делам печати о неблаговидном содержании различных статей газеты и всего два ответа Главного управления на эти донесения, а также представление министра внутренних дел П.А. Валуева Комитету министров о прекращении издания газеты без предварительных предупреждений и другая делопроизводственная документация, всего 58 листов. Обратимся к краткому обзору состава дела, указав на наиболее примечательные моменты.

Прошение отставного коллежского асессора Порфирия Ивановича Андреева о желании издавать ежедневную газету экономического содержания без предварительной цензуры, поданное 7 декабря 1867 г. в Главное управление по делам печати, сопровождается всеми

¹ О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати, 6 апреля 1865 г., № 41988 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (далее – ПСЗ РИ – 2). Т. 40. Ч. 1. С. 396.

необходимыми документами и залогом в сумме пяти тысяч рублей серебром. П.И. Андреев являлся сотрудником газеты «Москва», приостановленной в ноябре, а ранее уже получившей второе цензурное предупреждение. Финансовые убытки газеты, возникшие связи с этим административным наказанием, данным «Москве» в период сбора подписки на следующий год, раскрепостили Аксакова, который счел должным ответить министру Валуеву «громовой статьей для предостерегателя»². В передовой статье № 189 «Москвы» от 28 ноября 1867 г. выразилось все красноречие уязвленного Аксакова: «Дающая предостережения рука не оскудевает. Из непроницаемой выси “личного усмотрения” от щедрот поставленной над литературой власти ниспослано на нас в течение 10,5 месяца три предостережения, и по возобновлении – два предостережения снова. Мы вполне осознаем опасность, которой подвергаем свою газету, но тем не менее мы обязаны перед собой, обществом, правительством поднять голос в защиту нашей долгой общественной, всем открытой, ныне оклеветанной деятельности»³. По собственной задумке редактора, если настоящая статья и погубит газету, то в то же время значительно подорвет и саму систему предостережений и окажет несомненную пользу литературе⁴. В результате газета «Москва» была приостановлена на 4 месяца. Но материальные трудности самого Аксакова, обязательства перед меценатством купечества и стремление добиться для печати расширения границ ее свободы побудили его на маневр с продолжением «замаскированного» издания под другим названием и руководством фиктивного редактора П.И. Андреева.

В первом донесении Московский цензурный комитет сообщил о сходствах новой газеты «Москвич» с запрещенной ранее «Москвой». По мнению членов комитета, оно было не случайное, а намеренное и являлось средством убедить публику, что «кара правительства в отношении приостановленной газеты недействительна», и что эта газета не перестает издаваться хотя и под другим названием⁵. В самом деле, помимо внешнего единства, на титуле этого номера было указано, что по соглашению с редакцией, «Москвич» будет высылаться подписчикам газеты

² Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества / под ред. С.В. Мотина. Уфа: Изд-во УЮИ. Т. 4. Ч. 3: 1867–1869. Уфа, 2012. С. 84.

³ Москва. 1867. 28 нояб. № 189. С. 1.

⁴ Аксаков Иван Сергеевич... С. 84.

⁵ Дело об издании газеты «Москвич» и о прекращении ее издания по постановлению Комитета министров (7 дек. 1867 – 18 апр. 1869) // РГИА. Ф. 776: Главное управление по делам печати МВД. Оп. 3 Д. 779. Л. 10.

«Москва» впредь до возобновления последней⁶. Поэтому Комитет счел необходимым сообщить об этом «способе демонстрации»⁷, составляющем «нарушение»⁸, за что редактор газеты «Москва» подлежит, по мнению Цензурного Комитета (так в тексте. – А. М.), судебному преследованию⁹. Ответа Главного управления по делам печати на данное донесение в деле не имеется, очевидно, в связи с отсутствием какого-либо формального нарушения.

Следующее донесение касалось содержания передовой статьи № 5 от 31 декабря 1867 г. Эта публикация стала ответом И.С. Аксакова на статью П.А. Валуева, размещенную в газете Министерства внутренних дел в выпусках № 279 и 280 от 21 и 22 декабря 1867 г., в которой доказывалась состоятельность системы предупреждений по цензуре. «...Все то, что ныне заявляется относительно системы предостережений, – отмечал министр, – было уже в свое время высказано, взвешено и отложено»¹⁰. На что «Москвич» возражал: «...порядок административных взысканий, как произвол, противен законности, и принять ее за общую систему было бы несогласно с понятиями о правильном законодательстве. ...<эта> мера чрезвычайная, переходная, необходимая только до тех пор, пока суд наш не получит окончательного устройства»¹¹ (курсив наш. – А. М.). Поскольку на момент этих рассуждений Аксакова судебная реформа была уже реализована, а суд окончательно устроен, то «вместе с тем упраздняется и то основное, единственное условие, которое делало систему предостережений необходимой и заключало в себе весь ее *raison d'être*, смысл и оправдание»¹². Комитет сообщал, что цель передовой статьи «Москвича» – указать еще раз на элемент незаконности, будто бы составляющий систему предостережений,

⁶ Москвич. 1867. 23 дек. № 1. С. 1.

⁷ Дело об издании газеты «Москвич» и о прекращении ее издания по постановлению Комитета министров (7 дек. 1867 – 18 апр. 1869) // РГИА. Ф. 776: Главное управление по делам печати МВД. Оп. 3. Д. 779. Л. 10.

⁸ Вероятно, члены Московского цензурного комитета подразумевали указ «О воспрещении редакциям и сотрудникам газет и журналов, подвергнутых, вследствие троекратного предостережения, временной приостановке, выдавать, в продолжение такой приостановки, подписчикам отдельные сочинения, переводы или сборники», 17 октября 1866 г., № 43747 // ПСЗ РИ – 2. Т. 41. С. 146–147.

⁹ Дело об издании газеты «Москвич» и о прекращении ее издания по постановлению Комитета министров (7 дек. 1867 – 18 апр. 1869) // РГИА. Ф. 776: Главное управление по делам печати МВД. Оп. 3. Д. 779. Л. 10.

¹⁰ Северная почта. № 279. 21 дек. 1867 (2 янв. 1868). С. 1.

¹¹ Москвич. 1867. 31 дек. № 5. С. 1.

¹² Там же.

и высказать надежду, вопреки заявлению Северной Почты, что система предостережений будет отменена¹³.

Между тем в 3-м выпуске «Москвича» от 29 декабря, как и в 5-м номере, обсуждалась система цензурных предостережений со ссылкой на всё ту же статью министра Валуева, опубликованную в «Северной почте». Ни один независимый орган русской периодической печати, – писал Аксаков, – не может, конечно, сочувствовать с теми мерами «административного произвола» (берем выражение, освященное официальным употреблением, и ссылаемся на № 280 «Северной почты»), которыми поражается от времени до времени другой подобный орган печати»¹⁴. Сокрушительный аргумент против системы предостережений Аксаков выразил именно в этой статье следующей фразой: «... отличительное свойство административных взысканий в том и состоит, что им закон не писан и что они налагаются «по личному усмотрению»¹⁵. Тем не менее о содержании данной статьи Московский комитет не доносил, хотя последнее выражение прямо относилось к П.А. Валуеву, бывшему единственным лицом, которое, согласно Временным правилам, выносил предупреждения печатным изданиям¹⁶.

Эти выпады Аксакова были прямо направлены против министра внутренних дел. Почему же Валуев не обращал на них внимания? Во-первых, законодательно полемика в прессе была разрешена. Во-вторых, Комитетом министров было признано, что публичное обсуждение в прессе существующих беспорядков и злоупотреблений может быть полезным тем, что даст возможность правительству получать сведения независимо от официальных источников, и некоторые из этих сведений могут служить поводом к проверке и принятию надлежащих мер¹⁷. Почему министр игнорировал обход Аксаковым цензурного запрещения «Москвы» в виде продолжающего ее «Москвича»? Во-первых, отсутствовали как юридические доказательства причастности Аксакова к новой газете, так и закрепленная законодательством норма, регулирующая подобный ход. Во-вторых, газета была нужна для интересов разви-

¹³ Дело об издании газеты «Москвич» и о прекращении ее издания по постановлению Комитета министров (7 дек. 1867 – 18 апр. 1869) // РГИА. Ф. 776: Главное управление по делам печати МВД. Оп. 3. Д. 779. Л. 15.

¹⁴ Москвич. 1867. 29 дек. № 3. С. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях, 6 апреля 1865 г. № 41990. ПСЗ РИ – 2. Т. 40. Ч. 1. С. 400.

¹⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 479.

вающейся промышленности и ее представителей, что совпадало с целью самого правительства. Аксаков подчеркивал остроактуальную необходимость существования газеты для выражения потребностей финансового капитала: «Около трех недель, со дня прекращения «Москвы» и до появления «Москвича»... в Москве не было органа, который выражал бы не призрачные, а действительные русские промышленные и вообще экономические интересы»¹⁸. Немаловажное значение имело также ходатайство за газету в кризисные для нее моменты виднейших финансистов Москвы (А.П. Шипов, П.И. Андреев, И.К. Бабст и др.). Кроме того, идейная основа славянофильских воззрений редактора звучала в унисон с направлением деятельности кабинета в этот период. Почему в таком случае Валуев не вынес предостережение газете? По мнению Ф.И. Тютчева¹⁹, среди причин могли быть стремление угодить императрице Марии Александровне, супруге Александра II, сочувственно относившейся к публицистике Аксакова, а также желание «полиберальничать и повеликодушничать, или все вместе»²⁰. Также стоит отметить, что вынесение предупреждения статье, критикующей систему административных цензурных взысканий, могло быть воспринято в глазах общества как справедливое уязвление и поражение Валуева.

Полемизируя в № 8 «Москвича» от 5 января с газетой «Весть» о задачах, стоящих перед правительством в рамках проведения крестьянской реформы, Аксаков писал: «Весть» давно обозвала социализмом, коммунизмом и *отражением* учений французской революции 1848 г. те самые начала русской народной жизни, которые история застаёт еще в IX в.»²¹. Редактор «Москвича» настаивал, что всякое излишнее стеснение русской мысли и слова опаснее «всякой социалистической выходки, всякой коммунистической бредни; всякое нарушение свободы совести, вместе с духовной цензурой, есть порождение и упрочение нигилизма»²². О содержании этой статьи, а также о приемах ведения дискуссии, идентичных манере «Москвы», свидетельствующих о направлении новой газеты, Московский цензурный комитет доносил в Главное управление по делам печати, однако это сообщение осталось без ответа. Однако, судя по отклику Ф.В. Чинова²³ в письме к И.С. Аксакову от 9 января 1868 г., конф-

¹⁸ Москвич. 1867. 30 дек. № 4. С. 1.

¹⁹ Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – тайный советник, председатель Комитета иностранной цензуры с 1858 по 1873 г. и тесть И.С. Аксакова.

²⁰ Аксаков Иван Сергеевич... С. 95.

²¹ Москвич. 1868. 5 янв. № 8. С. 2.

²² Там же.

²³ Чинов Федор Васильевич (1811–1877) – общественный деятель и промышленник, соучредитель газет «Москва» и «Москвич».

ронтация последнего по отношению к Валуеву вызвала определенный резонанс в общественной среде: «Все, желающие продолжения Вашей газеты, спрашивают одно: хотите ли Вы серьезно смотреть на нее как на общественную и почтенную общественную деятельность, или, увлекаясь просто личными отношениями, хотите потешить себя перебранкою с Валуевым...»²⁴. Хотя убеждения Аксакова стояли выше административной угрозы и наставлений компаньонов, он несколько умерил пыл высказываний, но все же продолжил косвенно упоминать о несправедливой приостановке «Москвы» в следующих выпусках. В частности, говоря о трансформации политической игры в Западной Европе за прошедший 1867 г. и сохранении неизменной роли России, связанной с естественным сочувствием к угнетенным, он вскользь писал и о последствиях цензурного запрета²⁵. Требование о свободе печати Аксаков озвучил в том числе и в отношении противоположного по взглядам издания: 19 января в С.-Петербурге происходило любопытное зрелище. Перед судом стояла «Весть». «Читая отчет об этом заседании, невольно спрашиваете себя: кто тут судился – газета ли “Весть” или Петербургский окружной суд? Этот вопрос поставлен нами только для выражения нашего недоумения, как можно было по такому ничтожному поводу привлекать к суду редакцию политической газеты?»²⁶. Предыдущие два замечания Аксакова остались без внимания Московского цензурного комитета.

Последнее донесение, сообщенное 9 февраля, относится к 35-му выпуску газеты «Москвич» в связи с передовой статьей, рассуждающей о столкновениях между новым судом, центральной администрацией и полицией. В ней Аксаков раскритиковал привлечение к уголовному суду бывших крепостных крестьян села Хрущевки Данковского уезда Рязанской губернии за мнимый бунт, оправданных ранее судом присяжных после их отказа выполнять повинности в пользу бывшего помещика. «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», – ссылается Аксаков на русскую пословицу во вступлении на первой полосе. «...На чистом фоне законности нового судопроизводства так неумолимо-отчетливо рисуется и выдается произвол тех и других административных властей, с такой беспощадной резкостью оттеняется грубость полицейской расправы и вся эта бесцеремонность полицейского отношения к личности частных людей»²⁷. Аксаков подчеркнул достоинства судебного учреждения, выразившегося в строгой законности: «Не он (новый суд. – А. М.) виноват,

²⁴ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич... С. 95–96.

²⁵ Москвич. 1868. 9 янв. № 10. С. 1.

²⁶ Там же. 2 февр. № 31. С. 1.

²⁷ Там же. 8 февр. № 35. С. 1.

что ему, по его обязанности, пришлось изыскивать верных и точных доказательств там, где о доказательствах, особенно же юридического свойства, не в обычаях заботиться; не он виноват, что устав 20 ноября²⁸ дает защитника подсудимым, даже крестьянам, которым, по административным преданиям, не дозволяется обыкновенно молвить слово в свою защиту, а приказывается, ради достоинства и обаяния власти, только «молчать» и «молчать». Наконец, нельзя же винить суд и в том, что даже самого ничтожного наказания не может он, по закону, наложить без достаточных юридических данных даже и таким людям, которых напротив администрация позволяет себе сечь без суда, без исследования, без допроса...»²⁹. Изобличение Аксакова напрямую не касалось Валуева, но не могло не вызвать его возмущения, поскольку отбрасывало тень на него как на министра, ответственного за работу перечисленных ведомств. В дневниковой записи министра от 12 февраля 1868 г. отразилась его реакция и принятые им меры: «Вчера по поводу невозможной статьи «Москвича» послал государю записку, в которой испрашивал разрешения представить Комитету министров о прекращении этой газеты. Разрешение получил»³⁰.

В деле находится представление, составленное Валуевым и подписанное начальником Главного управления по делам печати Похвисневым³¹, внесенное по Высочайшему повелению на обсуждение Комитета министров. Оно было опубликовано в ряде изданий³², поэтому укажем только на важнейшие моменты в нем. Прежде всего отмечается внутреннее и внешнее сходство «Москвича» с приостановленной газетой и утверждается, что по мере приближения срока восстановления «Москвы» газета «Москвич» «должна искать приостановление в свою очередь, чтобы дать ей место»³³. Вследствие чего выражается опасение, что этим маневром был бы «указан путь, на котором, посредством внесения двойного залога и двух

²⁸ Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 г.

²⁹ Москвич. 1868. 8 февр. № 35. С. 2.

³⁰ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 2: 1865–1876 гг. С. 246.

³¹ Похвиснев Михаил Николаевич (1811–1882) – председатель Совета Главного управления по делам печати с 1866 по 1870 г.

³² Впервые: Материалы, собранные особой комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 г., для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. 2: Административные распоряжения. С. 3–4.

³³ Дело об издании газеты «Москвич» и о прекращении ее издания по постановлению Комитета министров (7 дек. 1867 – 18 апр. 1869) // РГИА. Ф. 776: Главное управление по делам печати МВД. Оп. 3. Д. 779. Л. 41.

наименований газеты, при двух редакторах, одно и то же периодическое издание могло бы подвергаться временным приостановкам без особых для него неудобств»³⁴. Несомненно, это был изящный цензурный маневр, реванш и непокорное выступление Аксакова против системы административных взысканий по отношению к печати. Кроме того, были и личные обстоятельства, мотивирующие его искать способы для продолжения издания газеты «Москва» на время ее приостановления: «Долги, оставшиеся у Аксакова от издания “Дня”, вынуждали его искать источники постоянного высокого дохода, и еще в феврале 1866 г. он обратился к Чижову с просьбой найти ему место директора железной дороги. ...Место редактора купеческой газеты помогало Аксакову решить и финансовые проблемы» [Цимбаев 1978, с. 130]. Далее в представлении министра Комитету давалась оценка передовой статье № 35 газеты «Москвич», «выходящей из всех пределов терпимости в отношении к печати, и по содержанию, которое есть ряд оскорблений прежним и нынешним административным властям и проповедь неповиновения»³⁵. На основании вышеизложенного делался вывод о том, что эта статья умышленно рассчитана на предупреждение, но исполнять его, — «значило бы только исполнять виды редакции “Москвича” и “Москвы”»³⁶. Поэтому министр внутренних дел, не желая идти на поводу у журналистов и не считая возможным оставить без последствий «очевидную попытку обойти закон», с разрешения императора внес Комитету министров представление о немедленном прекращении газеты «Москвич» без объявления ей предварительных предостережений. Дневник Валуева содержит также его отзыв и об исходе дела, записанном 13 февраля: «Комитет министров согласился на прекращение “Москвича” после жарких прений, в которых военный министр, ген. Чевкин, Бутков и отчасти ген. Зеленый были оппонентами. ...Комитет принял только другие мотивы, признав “Москвича” замаскированной “Москвою”. Это для меня безразлично, а для Аксакова хуже, потому что уличает его в подлоге»³⁷.

Дополнительные штрихи к этому эпизоду мы узнаем из воспоминаний Н.Ф. фон Крузе (1823–1901), бывшего цензором Московского комитета на заре периода правления Александра II и знакомого с Аксаковым по изданию газеты «Парус» (1858). Крузе на посту контролера печати получил известность и признание литераторов и журналистов благодаря своей гибкой позиции по отношению к авторам [Маслова 2022, с. 37–39]. 11 марта 1868 г. он записал

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 41–41об.

³⁶ Там же. Л. 41об.

³⁷ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 247.

в своих черновых заметках, которые впервые вводятся нами в научный оборот, что после появления в печати передовой статьи № 35 «Москвича» министр Валуев «захотел разом покончить с газетой и потому внес этот номер в Комитет министров с требованием ее прекращения»³⁸. Фон Крузе раскрыл подробности закулисного решения дела, которое по секрету было сообщено ему «одним из высоко стоящих в государстве людей»³⁹: «Когда Комитет затруднился согласиться с этим представлением, так как такое распоряжение нарушало прямой закон 6 апреля 1865 ст. 29 и 30⁴⁰, то Бар<он> Мод<ест> Андр<еевич> Корф пришел на помощь Валуеву и предложил следующий изворот: газета “Москвич” в действительности есть не что иное, как замаскированное издание приостановленной газеты “Москвы”, что доказывается конвертами (конвертами. – А. М.), в которых первая рассылается к подписчикам. А потому Комитет министр<ов>, имея в виду случай законом непредвиденный, может, на этом основании, согласиться с предложением министра внутр<енних> дел и представить свое мнение на Высочайшее утверждение»⁴¹. Примечательна и реакция Крузе на детали этой бюрократической комбинации: «Какая изобретательность государственного ума!.. Какая тонкая изворотливость легиста!.. Так [неразборчиво] не щадя отомстить русской литературе»⁴². Он удивился отказу воздействовать на Аксакова правовым методом: «Отчего же не обратились к суду в таком случае?»⁴³. В соответствии с законодательством появление в печати оскорбительных и направленных к колебанию общественного доверия отзывов о действующих законах, или распоряжениях правительства подлежало судебному

³⁸ Крузе Н.Ф. Материалы для мемуаров // Институт русской литературы Российской академии наук, рукописный отдел. Ф. 140: Н.Ф. фон Крузе. Б.о. Д. 26.276 (II). Л. 2об.

³⁹ В записях фон Крузе не имеется указания имени. По нашему предположению, этим лицом мог быть член Государственного совета Владимир Петрович Бутков (1813–1881).

⁴⁰ Эти статьи Временных правил о печати 1865 г. регулировали систему административных предостережений, а также порядок запрещения изданий, в соответствии с которым министр внутренних дел делал представление в 1-й департамент Правительствующего сената: О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях, 6 апреля 1865 г. № 41990 // ПСЗ РИ – 2, Т. 40. Ч. 1. С. 400.

⁴¹ Крузе Н.Ф. Материалы для мемуаров // Институт русской литературы РАН: Рукописный отдел. Ф. 140: Н.Ф. фон Крузе. Б.о. Д. 26.276 (II). Л. 2–2об.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 2об.

преследованию⁴⁴. Фон Крузе недоумевал в связи с вероломством высших сановников империи, компрометирующих власть: «Для чего этот обман со стороны правительства – обман самого себя и других? Неужели министры не понимают, что такими поступками они разрушают всякое уважение к правительству?»⁴⁵.

Крузе вспомнил также и обстоятельства запрещения предшествующего органа: когда министр Валуев нашел нужным дать третье предостережение газете «Москва» в декабре 1867 г., он сообщил начальнику Главного управления по делам печати свою волю. На это М.Н. Похвиснев ответил, что такое распоряжение едва ли возможно, ибо «он не предвидит согласия» на него совета Главного управления⁴⁶. Ниже Крузе привел диалог, состоявшийся между Валуевым и Похвисневым, записанный им со слов последнего:

«Валуев. Если совет не согласится, то я вас предупреждаю, что я сам дам это (так в тексте. – А. М.) предостережение и всю ответственность за него приму на себя лично.

Пахвиснев (так в тексте. – А. М.). В таком случае позвольте мне заверить Ваше Высокопревосход, что совет не решится оставить ответственность на одних вас и захочет разделить ее с вами. Я убежден, что совет согласится на ваше желание»⁴⁷. Запись, сделанная Валуевым в его дневнике от 1 декабря 1867 г., подтверждает данные, приведенные выше фон Крузе: «Утром доклад у его величества. “Москва” приостановлена на 4 месяца по распоряжению моего товарища, которое, однако же, я позволил привести в исполнение только по предварительном удостоверении, что государь, его одоблив без меня, не изменил и не изменит своего взгляда на дело»⁴⁸.

Цензурный прецедент, связанный с запрещением «Москвича», и подобный ему, касающийся «Москвы», уникальны в своем роде. В то же время практика кулуарного принятия решений даже в пореформенной России, когда был утвержден принцип судебной ответственности по делам печати, не являлась редкостью [Кочукова 2024, с. 15]. Характеризуя новые правила о печати, Н.Г. Патрушева констатирует, что «на практике новые законы применялись крайне односторонне» [Патрушева 2012, с. 152]. По словам исследователя, независимость судопроизводства от администрации не отвечала интересам правительства, в связи с чем П.А. Валуев «призывал

⁴⁴ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях, 6 апреля 1865 г. № 41990. ПСЗ РИ – 2. Т. 40. Ч. 1. С. 404.

⁴⁵ Крузе Н.Ф. Материалы для мемуаров... Л. 1об.

⁴⁶ Там же. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Л. 3–Зоб.

⁴⁸ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел... Т. 2. С. 225.

судебные власти оказывать содействие в сдерживании стремлений литературы к независимости» [Патрушева 2012, с. 152]. В записке «О положении дел печати», датированной 8 февраля 1868 г., он подчеркивал, что пресса стремится к ответственности по суду, так как она научилась объясняться с читателями при помощи «оговорок или недоговорок», а суд «не имеет права догадываться» [Чернуха 1989, с. 46, 71–78]. Весь вопрос в том, писал Валуев, чтобы читатель мог в известных случаях догадаться, но чтобы правительство не могло доказать, что и оно догадалось [Патрушева 2013, с. 135].

Заключение

Сюжет о цензурном запрещении газеты «Москвич» проясняет механизмы работы бюрократического аппарата, особенности взаимоотношения высшего чиновничества и императора, преобладание «духа времени» над буквой закона. А воспоминания современника Н.Ф. фон Крузе проливают свет на специфику функционирования самодержавной администрации. Очевидно, что «Москвич» был закрыт по причине уколов Аксакова в сторону министра внутренних дел П.А. Валуева, публично порицающего его деятельность на страницах газеты. Явные и неприкрытые сходства «Москвича» с «Москвой» действительно не оставляли ни в обществе, ни в среде бюрократии тайны этой имитации. И хотя формально, как обратил внимание Крузе, эти сходства между газетами не являлись доказательствами причастности Аксакова к новому изданию, догадка о них стала механизмом коллегиальной расправы. Донесения Московского цензурного комитета оставались без реакции Главного управления по делам печати в связи с нехваткой юридических доказательств общего происхождения двух газет, а также отсутствия правовой нормы, предусматривающей ответственность за «подражание» приостановленной газете, что исключало повод для замечания начальства как раз по причине необходимости соблюдения обновленного законодательства, разработанного в том числе при участии Валуева. И в то же время, когда резкость высказываний редактора «Москвича» достигла нетерпимых высот, Валуев обошел закон, как до этого сделал Аксаков, создав «копию» приостановленной газеты. По свидетельству Ф.И. Тютчева, такое конспиративное решение стало возможным в связи с лояльностью Александра II по отношению к валуевским инициативам: «Стратегическое движение было таково: довольно ловким маневром ключ позиции был захвачен еще до начала дела, и этим самым исход его предreshен заранее»⁴⁹.

⁴⁹ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич... С. 105.

Издание газеты «Москвич» с подчеркнутым подражанием «Москве» было для Аксакова средством привлечь внимание общественности к незаконности принятия решений о прекращении изданий, которое находилось в ведении одного только министра внутренних дел, произвольно определяющего срок приостановки. Кроме мотивации решить личные финансовые трудности, Аксаков желал отторгнуть механизм цензурных предостережений, установленный как временные правила до учреждения нового суда. Ф.И. Тютчев в письме к его дочери А.Ф. Аксаковой от 20 февраля 1868 г. свидетельствовал о всеобщей поддержке, оказываемой И.С. Аксакову: «Все мыслящие люди тем более удручены этим инцидентом, что он как ничто другое высветил глубинный порок ситуации, изъян в основе самого принципа...⁵⁰. Клика, находящаяся сейчас у власти, проводит линию *антидинастическую*... Если она продержится, то сделает господствующую власть не только *непопулярной*, но и *антинациональной*»⁵¹. Этот цензурный «маневр» Аксакова явился не только манифестацией за свободу печати в России, но и протестом против произвола царской администрации в лице министра внутренних дел П.А. Валуева.

Литература

- Греков 2011 – *Греков В.Н.* «Я иду своей дорогой...»: Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2011. № 3. URL: <https://mediascope.ru/node/858> (дата обращения 20.01.2024).
- Кардава 2020 – *Кардава В.С.* Иван Аксаков – издатель газеты «Москва»: 1867–1868 гг. // Историко-правовое и духовное наследие семьи Аксаковых в социально-культурном пространстве России: К 200-летию со дня рождения первого уфимского губернатора Г.С. Аксакова: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 56–61.
- Кочукова 2024 – *Кочукова О.В., Кочуков С.А.* «Дело Гейнриха»: из истории сатирической печати, цензуры и судебных процессов в российской провинции в годы первой революции 1905–1907 гг. Ч. 1: Издательская и цензурная история журнала «Карандаш» // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 12–31.
- Маслова 2022 – *Маслова А.А.* «Служу делу, а не министрам»: Профессионально-общественная позиция цензора Н.Ф. фон Крузе в преддверии «великих реформ» // Новый исторический вестник. 2022. № 4 (74). С. 26–47.

⁵⁰ В данном выражении Тютчев намекал на солидарность Александра II с П.А. Валуевым в деле о запрещении «Москвича», которая подрывала авторитет самодержавия.

⁵¹ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич... С. 109.

- Мотин 2017 – *Мотин С.В.* Судебный процесс газеты «Москва» 1869 г.: министр внутренних дел А.Е. Тимашев против редактора газеты И.С. Аксакова // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 82–87.
- Патрушева 2012 – *Патрушева Н.Г.* Цензурные учреждения и цензоры в государственной системе пореформенной России // Александр II: Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. статей. СПб., 2012. С. 148–174.
- Патрушева 2013 – *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
- Цимбаев 1978 – *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 264 с.
- Чернуха 1989 – *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX в. Л.: Наука, 1989. 206 с.

References

- Chernukha, V.G. (1989), *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechaty 60–70-e gody XIX v.* [Government policy regarding the press in the 60–70s of the 19th century], Nauka, Leningrad, USSR.
- Grekov, V.N. (2011), “ ‘I am following my own path...’. Ivan Aksakov about journalism without thorns, censorship and the prohibition of the newspaper ‘Moscow’ ”, *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Mediascope»*, vol. 3, available at: <https://mediascope.ru/node/858> (Accessed 20 Jan. 2024).
- Kardava, V.S. (2020), “Ivan Aksakov – publisher of the newspaper ‘Moscow’ 1867–1868”, in *Istoriko-pravovoe i dukhovnoe nasledie sem'i Aksakovykh v sotsial'no-kul'turnom prostranstve Rossii: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo ufimskogo gubernatora G.S. Aksakova: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The historical, legal and spiritual heritage of the Aksakov family in the socio-cultural space of Russia. Commemorating the 200th anniversary of the birth of G.S. Aksakov the first Ufa governor. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference, October 23, 2020], Ufa, Russia, pp. 56–61.
- Kochukova O.V. and Kochukov, S.A. (2024), “ ‘The Case of Heinrich’. From the history of the satirical press, censorship and the trials in the Russian provinces during the first revolution of 1905–1907. Part 1. Publishing and censorship history of the ‘Karandash’ magazine”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 12–31.
- Maslova, A.A. (2022), “ ‘I serve the cause, not the ministers’. The professional and public stance of censor N.F. von Kruse on the eve of the ‘Great Reforms’”, *The New Historical Bulletin*, vol. 74, no. 1, pp. 26–47.
- Motin, S.V. (2017), “A judicial trial of the newspaper ‘Moskva’ in 1869. The minister of the internal affairs A.E. Timashev versus the newspaper’s editor I.S. Aksakov”, *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 1, pp. 82–87.
- Patrusheva, N.G. (2012), “Censorship institutions and censors in the state system

of post-reform Russia”, in *Aleksandr II: Tragediya reformatora: Lyudi v sud'bach reform, reformy v sud'bach lyudei: sbornik statei* [Alexander II. The tragedy of the reformer. People in the destinies of reforms, reforms in the destinies of people. Collected articles], Saint Petersburg, Russia, pp. 148–174.

Patrusheva, N.G. (2013), *Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries], Severnaya Zvezda, Saint Petersburg, Russia.

Tsimbaev, N.I. (1978), *Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii* [I.S. Aksakov in the public life of post-reform Russia], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Анна А. Маслова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия; 105005, Россия, Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1; avonavi.anie@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9643-668X

Information about the author

Anna A. Maslova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia; 2nd Baumanskaya St., Moscow, Russia, 105005, avonavi.anie@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9643-668X

Персональная история

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-99-109

*Светлой памяти Михаила Николаевича Дарвина
и Марии Александровны Мязговской*

Дочь адмирала Черноморского флота

Вероника Н. Романишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, romanishina.v@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена судьбе Марии Александровны Мязговской, дочери адмирала Черноморского флота А.И. Мязговского, расстрелянного в годы Гражданской войны в г. Николаеве Херсонской губернии. В 1920 г. М.А. Мязговская вместе с матерью и братом смогли скрыться в Одессе, затем выехать в Константинополь и оттуда перебраться в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. После Второй мировой войны она переехала в Северную Африку, в Тунис, где скончалась в 1989 г. в возрасте 95 лет.

Незадолго до смерти М.А. Мязговской с ней встречался доктор филологических наук, профессор РГГУ Михаил Николаевич Дарвин. Состоялось несколько встреч, во время которых она вспоминала о своих детских годах в России, об ужасах Гражданской войны и о жизни за границей. Несмотря на эмиграцию, дочь адмирала сохранила русскую речь и русскую культуру. Подводя итог своей жизни, она отмечала, что «всегда была страстной патриоткой, любила Россию». Одну из встреч М.Н. Дарвину удалось записать на видеокамеру. Именно эта беседа стала основополагающей при написании данной статьи.

Ключевые слова: Черноморский флот, Мязговские, Гражданская война, эмиграция, русская колония в Тунисе

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.;

принята к публикации 1 ноября 2024 г.

Для цитирования: Романишина В.Н. Дочь адмирала Черноморского флота // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 99–109. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-99-109

© Романишина В.Н., 2025

Daughter of the admiral of the Black sea fleet

Veronika N. Romanishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, romanishina.v@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the fate of Maria Alexandrovna Myazgovskaya, the daughter of the Admiral of the Black Sea Fleet, A.I. Myazgovsky, who was assassinated in Nikolaev, Kherson province, during the Civil War. In 1920, M.A. Myazgovskaya, along with her mother and brother, were able to hide in Odessa, then leave for Constantinople and from there move to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. After the Second World War, M.A. Myazgovskaya moved to North Africa, to Tunisia, where she died in 1989 at the age of 95.

Shortly before M.A. Myazgovskaya's death, Mikhail Nikolaevich Darwin Doctor of Philology, Professor of the Russian State University for the Humanities met with her. Several conversations took place during which she recalled her childhood years in Russia, the horrors of the Civil War and her life abroad. Though in exile, the Admiral's daughter did not forget the Russian language and retained the Russian culture. Summing up her life, she noted that "she had always been a passionate patriot, loving Russia". M.N. Darwin managed to record one of the meetings on a video camera. It was that very conversation that became fundamental when writing the present article.

Keywords: Black Sea Fleet, Myazgovskies, Civil War, emigration, Russian colony in Tunisia

The article was submitted for publication 20.02.2024;
accepted for publication 01.11.2024.

For citation: Romanishina, V.N. (2025), "Daughter of the admiral of the Black sea fleet", *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 99–109, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-99-109

Введение

Эту статью мы планировали написать вместе с доктором филологических наук, профессором кафедры теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета РГГУ Михаилом Николаевичем Дарвином. Разговорившись о российской эмиграции летом 2022 г., выяснилось, что у него сохранилась видеозапись встречи с дочерью адмирала, эмигрировавшей в Тунис, которую он сделал в 1989 г. в период своей работы в Тунисском университете Эль-Манар. Находясь в Тунисской Республике, Михаил

Михаил Николаевич Дарвин (1947–2023).
Фотография из открытых источников

Николаевич однажды зашел в русскую православную церковь Воскресения Христова, где среди прихожан, к его удивлению, оказались русские женщины. Они заговорили с ним и, поняв, что он из России, сообщили, что являются русскими эмигрантками, а несколько позже познакомили его с Марией Александровной Мязговской, дочерью адмирала Черноморского флота. Состоялось несколько встреч, одну из которых Михаилу Николаевичу удалось зафиксировать с помощью видеокамеры. Рассказав об этих встречах, он любезно прислал мне имеющуюся у него видеозапись для ознакомления и расшифровки. К сожалению, мы успели только обсудить план статьи, но реализовать наш совместный замысел не удалось. 29 марта 2023 года Михаила Николаевича не стало...

Полагая, что все начатое следует доводить до логического завершения, продолжаю исследование и посвящаю эту статью светлой памяти Михаила Николаевича Дарвина (1947–2023) и Марии Александровны Мязговской (1894–1989).

Основная часть

Мария Александровна Мязговская принадлежала к старинному дворянскому роду, служившему Отечеству в армии, на флоте и на государственной службе. Ее отец, будущий вице-адмирал Черноморского флота Александр Иванович Мязговский (1857–1919), участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а после ее окончания командовал несколькими военными кораблями и возглавлял

Александр Иванович Мязговский (1857–1919).

Фотография из открытых источников

штаб начальника морских сил Черного моря (1908–1909). В 1909–1916 гг. Александр Иванович был градоначальником города Николаева Херсонской губернии и исполнял обязанности и начальника николаевского порта. В 1917 г. А.И. Мязговский был уволен в отставку с производством в адмиралы. Его жена, Зинаида Михайловна Прокофьева (1863–1941), дочь контр-адмирала г. Николаева М.И. Прокофьева, была уроженкой этих мест. В семье подрастали трое детей: два сына – Евгений и Александр и дочь Мария, родившаяся в 1894 г. Евгений, служивший в чине лейтенанта на линкоре «Евстафий», погиб во время морского боя в самом начале Первой мировой войны.

Революционные потрясения 1917 г., радикально изменившие не только путь исторического развития России, но и судьбы миллионов ее граждан, коснулись и семьи адмирала Мязговского. Его дочь в беседе с Михаилом Николаевичем отмечала следующее: «У меня была такая пестрая жизнь. Было у меня детство, как я говорила, солнечное. Шесть лет было в жизни, когда я так прекрасно жила. Потом, когда началась революция, у нас на юге началась эта резня, когда мучали людей...»¹. С горечью она вспоминала историю ареста ее двоюродного брата, молодого офицера. После создания в Николаеве Совета матросских и солдатских депутатов на его заседаниях обсуждали, как поступать с каждым офицером. Ее родственнику припомнили тот факт, что, когда он заведовал хозяйством,

¹ Здесь и далее текст из расшифрованной автором статьи видеозаписи, сделанной М.Н. Дарвиним.

не хватало картошки, и на этом основании его отправили в тюрьму. Спустя два дня, ночью, он был расстрелян вместе с другими арестантами, без суда и следствия, какой-то группой матросов. Родные не сразу смогли опознать тело ее брата, так как матросы, не сумев убить сразу, добивали его прикладами. Вспоминала она и другое бесцельное убийство, совершенное прямо перед их домом, некоего старичка-генерала, который давно был в отставке.

В 1919 г. ее отец, адмирал Александр Иванович Мязговский, много сделавший как для флота, так и для города-порта в бытность свою градоначальником Николаева, был арестован ВЧК и расстрелян [Волков 2004, с. 327]. В 1920 г. Мария Александровна вместе с матерью и братом Александром смогли выехать в Одессу, а оттуда – в Константинополь и Белград, столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). Она вспоминала, что выехать было трудно, так как она не знала, к кому обращаться по вопросу эвакуации, «не умела хлопотать».

Судьба Марии Александровны, проведенной в эмиграции шестьдесят девять лет, сложилась относительно благополучно. Двадцать шесть лет ее жизни были связаны с Югославией. Она вспоминала, что «жила в Югославии, как в России: у нас все было свое, русское», подразумевая под этим созданные эмигрантами русские детские сады, школы, гимназии, газеты и журналы, союзы и общества. Отмечала она стремление русских, потерявших свою родину, сохранить родной язык и русские традиции.

Следует заметить, что исторические, культурные и религиозные связи балканских народов с Россией, признательность за союзническую поддержку в Первой мировой войне короля Александра I Карагеоргиевича, окончившего Пажеский корпус в Санкт-Петербурге и тепло относившегося к русским, благополучно сказались на радушном приеме, оказанном Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев русским беженцам. В 1921–1923 гг. здесь, по разным оценкам, насчитывалось от 29 до 44 тысяч русских эмигрантов, большую часть которых составляла интеллигенция². В Белграде осело около десяти тысяч русских [Бондарева, Мухачёв 2015, с. 49]. Здесь продолжало свою работу русское посольство, действовали многообразные гуманитарные и социальные общества, функционировали учебные заведения всех уровней, была налажена система профессиональной переподготовки и трудоустройства, а в начале 1930-х гг. – начато строительство Русского дома – духовного очага русской науки, искусства и просвещения. Жизнь здесь, в буквальном смысле, кипела: процветала научная деятельность,

² Русская эмиграция в Югославии: Сб. / под ред. А. Арсеньева, О. Кирилловой, М. Сибиновича. М.: Индрик, 1996. С. 3.

было создано пятнадцать профессиональных обществ и союзов, а также Русский научный институт, работали пятьдесят мастеров изобразительного искусства, несколько известных архитекторов, развивались театральное драматическое искусство, опера и балет [Бондарева, Мухачёв 2015, с. 61–62].

Мария Александровна легко освоила иностранные языки, хорошо говорила на трех языках: на немецком, английском, французском, и, видимо, знала и сербский. «Югославский период» своей жизни она вспоминала с большим теплом и сожалела о том, что после прихода к власти в 1945 г. президента Броз Тито обстановка в стране изменилась, и русские эмигранты «стали нежелательны в Югославии». К этому времени она осталась одна. Мать и брат Александр умерли в 1941 г., а свою семью она так и не создала.

В 1954 г. Мария Александровна перебралась в Тунис, который практически сразу после окончания Гражданской войны в России стал одним из центров русской эмиграции. В конце декабря 1920 – начале 1921 г. в Бизерту, североафриканские владения Франции, пришла часть Русской эскадры, состоявшая из 34 судов Черноморского флота³ и численностью около шести тысяч человек [Панова 2008а, с. 46] под руководством вице-адмирала М.А. Кедрова. Часть офицеров и солдат с семьями жили в семи беженских лагерях, расположенных по всему Тунису, часть – в городе, остальные разъехались по разным странам.

В 1921 г. было создано Тунисское отделение Союза русских офицеров, объединявшее русских офицеров – участников Первой мировой и Гражданской войн, деятельность которого была направлена на сохранение русской культуры и православной веры. Союзом проводились различные культурные вечера и благотворительные акции, отмечались памятные дни [Ельцова, Бешанова 2021, с. 86]. В 1922 г. были созданы Бизертинский Союз русских воинов и Союз взаимопомощи русских военнослужащих, проживающих в Северной Африке, целями которых были сохранение воинского рыцарского духа и оказание нравственной и материальной помощи [Ельцова, Бешанова 2021, с. 83, 86]. Во многом благодаря деятельности этих союзов русский язык, русское образование, русская культура сохранялись на протяжении всего XX века.

В 1924 г. лагеря были распущены. К этому времени в Тунисе оставалось 700 русских, из них 149 – в Бизерте⁴. Как заметила А.А. Ширинская-Манштейн, еще одна эмигрантка, проживающая

³ Почти сразу пароход «Великий князь Константин» покинул Тунис и ушел в Россию, увозя тех, кто пожелал вернуться на родину.

⁴ Ширинская А.А. Бизерта: Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999. С. 164.

Церковь Воскресения Христова
в г. Тунис. Из личного архива
М.Н. Дарвина

Мария Александровна
Мязговская.
Фотография из видеointервью,
М.Н. Дарвина, записанного в 1989 г.

в Тунисской Республике, цитируя слова А.С. Пушкина: «Жалок народ, который не чтит своих предков», а «предками мы считали великих людей нашей Истории. Мы жили еще близким прошлым, почти более реальным, чем удручающее настоящее, что помогало самым неумиющим не чувствовать себя полностью обездоленными. Будущее не было для нас закрыто»⁵.

Политические изменения в Тунисе после Второй мировой войны и установление независимости в 1956 г. повлекли за собой отъезд большого количества русских эмигрантов. В 1958 г. в Тунисе оставалось менее 200 русских⁶. Мария Александровна, приехав сюда, познакомилась со многими из них. Как выяснилось, Тунис был выбран ею не случайно: в Бизерту с Русской эскадрой эвакуировался ее дядя, младший брат отца, Виктор Иванович Мязговский [Волков 2004, с. 327].

В Тунисской Республике Мария Александровна прожила долгих тридцать пять лет и все эти годы была активисткой русской православной церкви Воскресения Христова.

Для строительства храма эмигрантам пришлось создать ассоциацию «Православное общество церкви Воскресения Христова», но приступить к строительству удалось только после Второй мировой войны, так как военные действия распространялись и на Северную

⁵ Там же.

⁶ Русская колония в Тунисе: 1920–2000: Сб. / сост. К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. С. 49.

Африку, а Тунис был оккупирован итальянскими и немецкими войсками [Панова 2008б, с. 225]. Церковь Воскресения Христова была построена в 1953–1956 гг. на пожертвования эмигрантов. Мария Александровна как раз застала процесс строительства. Именно вокруг этого храма в дальнейшем концентрировалась русская социально-культурная жизнь.

Работала Мария Александровна в Тунисской Республике гувернанткой в русских эмигрантских и арабских семьях. Среди ее воспитанников были врач-гинеколог Mohamed Ali Bouhdiba и журналистка Alya Hamza Bouhdiba, написавшая книгу о художнике А. Рубцове, жившем и работавшем в Тунисе⁷.

Большая удача, что Михаилу Николаевичу в период своей работы в университете Эль-Манар удалось сохранить для потомков бесценные воспоминания женщины, которая большую часть своей жизни прожила на чужбине, но сохранила самые светлые воспоминания о своей Родине. Во время встречи, записанной Михаилом Николаевичем, дочь адмирала отмечала, что и в Тунисе жили эмигранты, которые не забывали о своих русских корнях. У нее дома устраивали официальные завтраки, отмечали многие праздники и памятные события, среди которых был главный – морской праздник, отмечаемый 6 ноября, в день основания императором Петром Первым Школы математических наук и мореходства – предшественницы Морского корпуса. М.А. Мязговская рассказывала, что большое количество русских мужчин-эмигрантов трудилось в Тунисе на строительстве дорог и различных объектов, а женщины работали в медицинских учреждениях, домработницами и гувернантками.

Вспоминала она и об одном из своих любимых русских писателей – Иване Сергеевиче Шмелеве. Она считала, что в своих произведениях ему удалось воссоздать атмосферу ушедшей России. Одной из ее любимых книг Шмелева был роман «Няня из Москвы», рассказывающий о жизни за границей няни и ее воспитанницы, потерявшей родителей в годы Гражданской войны. Видимо, размышления писателя о том, как сохранить семью и родину в переломные годы, перекликалась с ее непростым жизненным опытом. Во время встречи с Михаилом Николаевичем она говорила, что «по-русски думает, сны видит по-русски», и заметила: «Я всегда была страстная патриотка, я любила Россию».

На вопрос, чего бы она хотела пожелать России сейчас и в будущем, она ответила: «Чтобы страна была верующей... в Бога... чтобы люди под влиянием религии были лучше. И то, когда я думаю:

⁷ Русская колония в Тунисе: 1920–2000: Сб. / сост. К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. С. 324.

сколько веков прошло после принятия христианства, а люди остались почти такие же. Всплывает все что-то дикое». На уточнение Михаила Николаевича «вера в Бога спасает людей?» она ответила: «Да, очень. Вы знаете, как она утешает!» Мария Александровна заметила, что именно вера поддерживала ее в одиночестве все эти годы, не давала опустить руки. Хотя один раз она отметила, что «не всегда есть желание жить... и светло, и грустно... я осталась одна».

Незадолго до смерти Марии Александровны с ней общался русский писатель Вацлав Михальский, который по вехам ее биографии написал серию художественных книг⁸.

Дочь адмирала прожила долгую жизнь. Последние годы она обитала в крипте церкви Воскресения Христова. Скончалась Мария Александровна 23 ноября 1989 г. в возрасте 95 лет. Ее отпевание совершил Преосвященный архиепископ Лавр, в будущем митрополит⁹, который вместе с патриархом Алексием II в 2007 г. участвовал в подписании Акта о воссоединении Русской православной церкви за границей с Русской православной церковью Московского патриархата. Место для могилы Марии Александровны было куплено заранее Комиссариатом Объединенных Наций для беженцев¹⁰.

Сохранив себя благодаря Михаилу Николаевичу интервью с Марией Александровной лишней раз демонстрирует, что для современных исследователей история Русского Зарубежья представляет собой «целостное явление, имеющее не только прошлое, но и будущее» [Пивовар 2008, с. 453].

Благодарности

Автор выражает признательность за консультацию при написании статьи Никите Анатольевичу Кузнецову – ведущему научному сотруднику отдела военно-исторического наследия Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, кандидату исторических наук

Acknowledgements

For advice when writing the article, the author expresses gratitude to Nikita Anatolyevich Kuznetsov, Cand. of Sci. (History), a leading researcher at the Department of Military Historical Heritage of the Alexander Solzhenitsyn House for the Russian Diaspora.

⁸ «Весна в Карфагене», «Одинокому везде пустыня», «Для радости нужны двое», «Храм Согласия», «Прощеное воскресенье», «Ave Maria».

⁹ Этот факт стал известен из письма протоиерея церкви Воскресения Христова в Тунисе Димитрия Нецветаева автору данной статьи.

¹⁰ Русская колония в Тунисе... С. 324.

Литература

- Бондарева, Мухачёв 2015 – *Бондарева Е.А., Мухачёв Ю.В.* Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) // Русское зарубежье: история и современность: Сб. статей. Вып. 4 / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции; ред.-сост. Ю.В. Мухачёв, Т.Г. Петрова. М., 2015. С. 47–79.
- Ельцова, Бешанова 2021 – *Ельцова Е.Н., Бешанова С.А.* Общественные объединения и союзы в жизни русской общины Туниса // Восточный архив. 2021. № 2 (44). С. 82–93.
- Волков 2004 – *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 557 с.
- Панова 2008а – *Панова М.А.* Русские в Тунисе: судьба эмиграции «первой волны». М.: РГГУ, 2008. 294 с.
- Панова 2008б – *Панова М.А.* Православная община русских эмигрантов в Тунисе (1921–1941 гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 221–226.
- Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 547 с.

References

- Bondareva, E.A. and Mukhachev, Yu.V. (2015), “Russian emigration in Yugoslavia (1920–1945)”, in Mukhachev, Yu.V. and Petrova, T.G., (ed), *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost': Sbornik statei* [Russian diaspora. History and the present. Collected articles, iss. 4, RAN. INION. Tsentr kompleksnykh issledovaniy rossiiskoi emigratsii, Moscow, Russia, pp. 47–79.
- El'tsova, E.N. and Beshanova, S.A. (2021), “Public associations and unions in the life of the Russian community of Tunisia”, *Vostochnyi arkhiv*, vol. 44, no. 2, pp. 82–93.
- Panova, M.A. (2008), *Russkie v Tunise: sud'ba emigratsii «pervoi volny»* [Russians in Tunisia. The fate of the “first wave” emigration], RGGU, Moscow, Russia.
- Panova, M.A. (2008), “Orthodox community of Russian emigrants in Tunisia (1921–1941)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 17, no. 1, pp. 221–226.
- Pivovarov, E.I. (2008), *Rossiiskoe zarubezh'e: Sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [Russian diaspora. Socio-historical phenomenon, role and place in cultural and historical heritage], RGGU, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (2004), *Ofitsery flota i morskogo vedomstva: opyt martirologa* [Officers of the fleet and the maritime department. Martyrology experience], Russkii put', Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вероника Н. Романишина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6; romanishina.v@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0002-4593-9209

Information about the author

Veronika N. Romanishina, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; romanishina.v@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0002-4593-9209

Научно-образовательная деятельность по подготовке историков-архивистов: к 95-летию Историко-архивного института

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-110-125

Константин Григорьевич Митяев:
материалы к биографии

Евгения Э. Лашманова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lashmanova@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена биографии профессора, основателя школы отечественного документоведения Константина Григорьевича Митяева. Вся научно-педагогическая деятельность К.Г. Митяева прошла в стенах Московского государственного историко-архивного института, итоги этой деятельности, его основные труды известны всем выпускникам МГИАИ, однако о его жизни на сегодняшний день известно крайне мало. Выявленные нами в фондах ГАРФ документы, содержащие сведения биографического характера, позволяют лучше узнать творческий путь К.Г. Митяева, те условия, которые привели его в стены Историко-архивного института, особенности воспитания и образования, обусловившие успешную профессиональную деятельность в архивной отрасли.

К.Г. Митяев родился в небольшой деревушке в семье помощника управляющего имением. Был младшим в семье, рано остался без матери, но, очевидно, получил неплохое образование. В 18-летнем возрасте он приезжает в Москву и поступает в Государственный институт слова, затем решает поступить в Высший кооперативный институт (ВКИ) при Институте народного хозяйства им. Плеханова. Именно экономическое образование и значительный опыт работы в бухгалтерско-экономической среде определяют возникновение его интереса к изучению первоисточников в сфере экономических процессов и приводят в аспирантуру МГИАИ, с которым связаны последние тридцать лет его жизни. Особенности жизненного пути Константина Григорьевича позволяют глубже понять, каким образом ему удалось собрать, сохранить, преумножить и передать накопленные знания в области архивоведения и документоведения.

© Лашманова Е.Э., 2025

Ключевые слова: Митяев К.Г., МГИАИ, история делопроизводства, документоведение, архивоведение, научная школа документоведения

Статья поступила в редакцию 12 июня 2024 г.;
принята к публикации 9 декабря 2024 г.

Для цитирования: Лашманова Е.Э. Константин Григорьевич Митяев: материалы к биографии // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 110–125. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-110-125

Konstantin Grigor'evich Mityaev: materials to the biography

Evgenia E. Lashmanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lashmanova@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the biography of Konstantin Grigor'evich Mityaev, professor, founder of the school of Russian documentary studies. All the scientific and pedagogical activities of K.G. Mityaev took place within the walls of the Moscow State Institute for History and Archives (MGIAI), all the graduates of MGIAI know the results of that activity, his main works, but to date, very little is known about his personal life. The documents we have identified in the GARF funds, which contain biographical information, allow us to get to know K.G. Mityaev's creative path better: the conditions that led him to the walls of the Institute for History and Archives, the features of upbringing and education that drove Konstantin Grigor'evich to a successful professional activity in the archival sphere.

K.G. Mityaev was born in a small village in the family of an estate assistant manager. He was the youngest in the family, left without a mother early, but obviously received a good primary education. At the age of 18, he came to Moscow and entered the State Institute of Living Word, then decided to enroll in the Higher Cooperative Institute (VKI) established under the Plekhanov Institute of National Economy. It was his economic education and significant work experience in the accounting and economic environment that determined the emergence of his interest in studying primary sources in the field of economic processes and that led him to the post-graduate school at MGIAI, with which the last thirty years of his life were associated. The features of Konstantin Grigor'evich Mityaev's life path allow us to understand more deeply how he managed to collect, preserve, multiply and transfer the accumulated knowledge in the field of archival and documentary studies.

Keywords: K.G. Mityaev, MGIAI, history of record keeping, document science, archival science, scientific school of document science

The article was submitted for publication 12.06.2024;
accepted for publication 09.12.2024.

For citation: Lashmanova, E.E (2025), “Konstantin Grigor’evich Mityaev: materials to the biography”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 110–125, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-110-125

Введение

Имя К.Г. Митяева известно каждому специалисту в области документоведения. Его труд «История и организация делопроизводства в СССР», изданный в 1959 г.¹, является одной из фундаментальных работ, раскрывающих предпосылки создания новой научной дисциплины «Документоведение», ее значение для организации работы с документами в делопроизводстве и архивах. Научное сообщество документоведов и архивистов неоднократно обращалось к трудам Константина Григорьевича, отмечая его роль в становлении отечественного документоведения [Ларин, Мингалев 2017; Ларин 2022; Суровцева 2015; Плешкевич 2019], в развитии данного научного направления в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) [Хорхордина 2014], в поиске решений ряда теоретических проблем и практических вопросов [Букреева 2018]. Однако, несмотря на широкую известность научных трудов Константина Григорьевича, о его жизни и научно-педагогической деятельности известно крайне мало. Данная статья призвана восполнить этот пробел и раскрыть некоторые факты биографии К.Г. Митяева.

Основными источниками для исследования послужили архивные документы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)². В первую очередь это личные дела К.Г. Митяева, которые формировались в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) для направления в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) для присвоения очередного научного звания. Личное дело К.Г. Митяева отложилось также в фонде ГАУ СССР, с которым он активно сотрудничал.

¹ *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР: Уч. пособие. М.: М-во высш. образования СССР. Моск. гос. ист.-архивный ин-т, 1959. 359 с.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325: Главное архивное управление при Совете Министров СССР (Главархив СССР). Главное архивное управление при Кабинете Министров СССР. г. Москва. 1918–1991; Ф. Р-9506: Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР. г. Москва. 1932–1991.

Именно в этом деле, которое датируется 1936–1944 гг., сформированном для передачи в Народный комиссариат внутренних дел СССР, содержатся подробные сведения личного характера о составе семьи К.Г. Митяева, описана биография каждого из домочадцев. Напротив, дела, направлявшиеся в ВАК, содержат подробные сведения об образовании Константина Григорьевича, включают различные справки и выписки с мест его учебы, в них подробно описана педагогическая деятельность К.Г. Митяева, его заслуги в области архивоведения и делопроизводства. Очень ценным является список научных трудов К.Г. Митяева на момент 1961 г., куда включены как опубликованные научные работы, так и неизданные рукописи.

Изучение данной группы документов имеет важное значение для анализа научно-педагогической деятельности К.Г. Митяева, позволяет выявить информацию о жизни К.Г. Митяева, его деятельности и научной работе в МГИАИ и в ГАУ СССР, тесном переплетении этих двух очень важных направлений его деятельности. Мы узнаем, как Константин Григорьевич пришел в стены МГИАИ и стал заниматься научными разработками в области архивоведения и документоведения. Его педагогическая деятельность нашла отражение также в воспоминаниях ряда выпускников МГИАИ³, обращение к которым позволило глубже раскрыть личность ученого⁴. Комплексное изучение источников, содержащих биографические сведения, и научных трудов имеет важное значение для создания персональной истории ученого, ставшего основоположником отечественного документоведения.

О биографии К.Г. Митяева

К.Г. Митяев родился 6 апреля 1902 г. в маленькой деревушке Ур Большой Екатерининской волости Шацкого уезда, Тамбовской губернии⁵. О семье К.Г. Митяева сохранилось не так много сведений. Его отец, Григорий Трофимович Митяев (1859–1932(3) гг.), был помощником управляющего по полевому хозяйству у помещика Воронцова-Вельяминова. Прослужив у него более 30 лет, в 1914 г. Григорий Трофимович был уволен с этой должности, очевидно,

³ «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте: Учителя: Штрихи к портретам // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 65–80.

⁴ Зелов Н.С. О времени и о себе: Из личного собрания Н.А. Ковальчук // Вестник архивиста. 2012. № 1 (117). С. 197–201.

⁵ Ныне Путятинский район Рязанской области Большеекатерининское сельское поселение.

по старости лет. После увольнения Григорий Трофимович на работу так и не вышел. Мать К.Г. Митяева, Евдокия Федоровна (1861–1910 гг.), умерла в возрасте 49 лет, когда К.Г. Митяеву исполнилось всего 8 лет. Об этом мы узнаем из сохранившихся в личных делах автобиографических сведений. Примечательно, что о своем происхождении К.Г. Митяев в разные годы пишет по-разному. В личном листке по учету кадров в графе «основное занятие родителей до Октябрьской революции» он указывает, что его родители были служащими⁶. Намного позже в автобиографии К.Г. Митяев напишет, что родители его были из крестьян⁷. На самом деле в этом нет противоречия – вполне возможно, что родители имели крестьянские корни, а политическая конъюнктура требовала разных акцентов.

У Константина Григорьевича было двое братьев и три сестры. Старший брат, Василий Григорьевич Митяев (1896–1952 гг.), был фельдшером, затем поступил на лечебный факультет в один из московских медицинских институтов. В дальнейшем работал врачом-психиатром в поликлинике Московского городского комитета ВКП(б) (МК ВКП(б)). Средний брат, Дмитрий Григорьевич Митяев (1898–1938 гг.), был редактором Государственного военного издательства (Военгиза/Воениздата), заместителем начальника 1-го отдела Воениздата, полковым комиссаром (1936 г.), начальником бюро печати Политического Управления Красной Армии (ПУР) (1924–1927 гг.)⁸. Вместе с супругой был подвергнут политическим репрессиям и арестован органами НКВД СССР в феврале 1938 г. Его обвинили в участии в военно-фашистском заговоре. В августе того же года он был расстрелян, реабилитирован в 1957 г. У него осталась двенадцатилетняя дочь Ольга (1926 г. р.). Согласно зафиксированным в автобиографии сведениям, Константин Григорьевич удочерил племянницу. Старшая сестра К.Г. Митяева, Екатерина Григорьевна, была учительницей. Средняя сестра – Агриппина Григорьевна Татарникова – домохозяйка; младшая сестра – Елизавета Григорьевна – работала бухгалтером в банке в Москве. Эти сведения К.Г. Митяев указал в автобиографии, которая вошла в личное дело для проверки в НКВД СССР⁹.

О детстве и юности К.Г. Митяева известно также немного. Скорее всего Константин Григорьевич получил хорошее начальное образование. Работа отца в качестве помощника управляющего позволяла позаботиться об образовании детей. Среднее образование

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 7158. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 13.

⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Т. 2. Д. 58.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 16. Д. 29.

К.Г. Митяев получил в Сасовской трудовой школе II ступени. Осенью 1918 г. в стране была предпринята попытка реализации концепции Единой трудовой школы, делящейся на две ступени: I ступень для детей от 8 до 13 лет (пятилетний срок обучения) и II для подростков и юношей 14–17 лет (четырёхлетний курс обучения)¹⁰. Город Сасово находится примерно в 70 км от деревни, где родился Константин Григорьевич. Школа, в которой он учился, до сих работает, но уже как Сасовская средняя общеобразовательная школа № 106. Сразу после окончания школы Константин Григорьевич стал работать в Сасовском кредитном кооперативном союзе в должности инструктора. Он проработал там чуть больше года с июня 1919 по сентябрь 1920 г. до момента поступления в институт.

В 1920 г. К.Г. Митяев переезжает в Москву для поступления в институт. Константину Григорьевичу на тот момент исполнилось лишь 18 лет. Он поступил в Государственный институт слова (ГИС) – высшее учебное заведение, подчиненное театральному отделу Народного комиссариата просвещения РСФСР (ТЕО Наркомпроса), которое готовило актеров-чтецов, помогало освоить технику ораторского искусства и речи преподавателям, юристам, лекторам и всем желающим. Институт был образован на основе частного учебного заведения – Первых московских курсов дикции и декламации под руководством В.К. Серезникова, открывшихся в Москве на Большой Никитской улице в помещении Коммерческого училища Мансфельда. В январе 1922 г. институт был упразднен, часть студентов была переведена в «Брюсовский институт» (высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова), который считается предшественником литературного института имени А.М. Горького¹¹. К.Г. Митяев окончил его в 1924 г., о чем свидетельствует сохранившаяся в личном деле справка, выданная в институте. Будучи студентом, К.Г. Митяев прослушал лекции по эстетике, логике, психологии, философии, лекторскому искусству, поэтике, технике речи, музыке, стиховедению, литературе разных стран и эпох и т. д. Полученное литературное образование впоследствии в значительной степени отразится на научно-педагогической деятельности Константина Григорьевича.

К.Г. Митяев не остановился на получении только литературного образования. По данным автобиографии К.Г. Митяева, с сентября 1922 по июнь 1925 г. он обучался также в Высшем кооперативном институте (ВКИ) при Институте народного хозяйства

¹⁰ *Борисов С.Б.* Энциклопедический словарь русского детства: В 2 т. Т. 2: О–Я. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2008. 520 с.

¹¹ *Мочалова О.А.* Голоса Серебряного века: поэт о поэтах. М.: Молодая гвардия, 2004. 299 с.

им. Плеханова¹². К.Г. Митяев обучался на экономическом факультете, отделение кооперативного кредита. Исходя из справки, которая вошла в личное дело К.Г. Митяева¹³, ему не удалось окончить ВКИ. Он полностью прослушал курс лекций, получил зачеты, но дипломную работу так и не выполнил.

Незаконченное экономическое образование не помешало К.Г. Митяеву устроиться на работу. Еще во время учебы в кооперативном институте Константин Григорьевич включился в плано-экономическую работу областных организаций. С февраля 1922 по февраль 1927 г. К.Г. Митяев работал в Мосселькредитсоюзе в должности инструктора, секретаря и заведующего складом. С февраля 1927 по май 1928 г. – в Московском губернском кооперативном совете (Мосгубкопсовет) в должности инструктора и секретаря экономической секции, затем перешел в Моссельсадогородсоюз на должность уже руководителя плано-экономической группы, а с августа 1929 по ноябрь 1930 г. К.Г. Митяев руководил плано-экономическим сектором в Мособлплодоовощкартофельсоюзе. После реорганизации последнего в ноябре 1930 г. К.Г. Митяев поступил на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт плодоовощной промышленности Наркомснаба СССР в Москве, где он проработал три с половиной года в должности старшего научного сотрудника-экономиста.

Свои первые научные статьи К.Г. Митяев написал в период работы в этом институте, они касались плодоовощной промышленности: «Перспективы развития плодоводства, овощеводства и картофелеводства», «Классификация применений», «Потери плодоовощей в потреблении»¹⁴. В ноябре 1934 г. К.Г. Митяев трудился в Центральном научно-исследовательском институте консервной промышленности, а в 1935 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте холодильной промышленности старшим научным сотрудником по вопросам экономики отраслевой промышленности. Такой обширный послужной список был обусловлен постоянными созданием, упразднением или реорганизацией учреждений и предприятий, характерными для того периода развития народного хозяйства страны.

Вероятнее всего, занимаясь вопросами экономики, торговли и планирования, он заинтересовался историей торговых отношений. Этот интерес и привел его в стены ИАИ. В 1936 г. Константин Григорьевич поступил в аспирантуру Московского историко-архивного института на кафедру методики научной обработки и исполь-

¹² ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 7158. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 15.

зования архивных материалов. В автобиографии он указал, что именно «желание работать над историко-экономическими первоисточниками привело меня в аспирантуру Московского Историко-архивного института»¹⁵. Параллельно с учебой в аспирантуре ИАИ К.Г. Митяев работал и учился в Марксистско-ленинском университете, который окончил в 1938 г.

В Москве Константин Григорьевич женился. Точно не известно, когда это произошло, скорее всего на момент поступления в аспирантуру ИАИ он уже был женат или женился, учась в аспирантуре. Он состоял в браке с Ниной Антоновной Митяевой (в девичестве Пиатровская (17.01.1915 – 16.07.2001). Н.А. Митяева в 1937 г. окончила Второй московский ордена Ленина государственный медицинский институт им. Н. И. Пирогова по специальности врач-педиатр с дипломом I степени. До Великой Отечественной войны она работала врачом-педиатром (врачом 1-й категории) в 1-й клинической больнице Первого медицинского института у Петровских ворот в здании Ново-Екатерининской больницы. После окончания аспирантуры в 1941 г. во время Великой Отечественной войны работал лечущим врачом в этой же больнице, который стал эвакогоспиталем¹⁶. В марте 1944 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Морфологическая классификация пневмоний новорожденных». В апреле 1947 г. Нина Антоновна организовала гистологическую лабораторию в НИИ судебной медицины, которой руководила до 1996 г. Лаборатория стала основной базой для подготовки высококвалифицированных кадров для гистологических лабораторий страны. Н.А. Митяева являлась крупнейшим в России специалистом в области судебно-медицинской гистологии и была инициатором разработки и широкого внедрения в экспертную практику гистологических и гистохимических методов исследования. У Константина Григорьевича была большая разница в возрасте с супругой: она была моложе его почти на 13 лет. В 1938 г. в семье Митяевых случилось пополнение, родилась дочь Елена Константиновна (1938–1998). Нине Антоновне тогда только исполнилось 23 года. В 1941 г. родился сын Григорий (1941–2013). Вместе с Митяевыми проживали старший брат Константина Григорьевича, Василий Григорьевич, и одна из старших сестер. Семья жила неподалеку от ИАИ, буквально в 15 минутах ходьбы, в Столешниковом переулке, дом 6, в квартире 31. На данный момент здание является объектом культурного наследия, но нуждается в капитальном ремонте.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Кто есть кто в судебной медицине? URL: <https://www.forens-med.ru/pers.php?id=82> (дата обращения 12.05.2024).

В ноябре 1939 г. К.Г. Митяев окончил аспирантуру ИАИ. В этом же году выходит его статья «К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в.»¹⁷, а спустя почти год, 23 сентября 1940 г., состоялась защита диссертации на тему «Смоленские таможенные книги, опыт систематической разработки и исследования смоленских таможенных книг за 70-е годы XVII в.»¹⁸. Тема его исследования отражала интерес автора к экономике и истории торговли. Научным руководителем был профессор ИАИ А.Н. Сперанский. В 1940 г. в Историко-архивном институте не было своего диссертационного совета, К.Г. Митяев защищал диссертацию в МГУ им. Ломоносова на историческом факультете. Официальными оппонентами были: Веселовский Степан Борисович, профессор МГУ им. Ломоносова, член-корреспондент Академии наук СССР; Базилевич Константин Васильевич, профессор МГУ им. Ломоносова. Константину Григорьевичу была присуждена степень кандидата исторических наук. 18 октября 1940 г. Ученый совет ИАИ принял решение о присуждении ему звания доцента. В Высшую аттестационную комиссию было подано ходатайство с просьбой утвердить его в данном ученом звании. В справке, направленной в ВАК, говорится, что К.Г. Митяев «проявил себя как серьезный научный исследователь, не допускающий теоретических ошибок в своей работе»¹⁹.

Свою работу в ИАИ К.Г. Митяев начал сразу после окончания аспирантуры с 1 сентября 1939 г. в качестве старшего преподавателя. Здесь он проработал всю оставшуюся жизнь и написал в нем свои главные труды. В справке, которая была выдана К.Г. Митяеву 22 ноября 1940 г., указано, что К.Г. Митяев продолжил свою работу в институте уже в качестве доцента кафедры методики научной обработки и использования архивных материалов. Интерес Константина Григорьевича к историко-экономическим исследованиям не угасал. В 1940 г. он начал заниматься вопросами изучения обработки и публикации историко-экономических памятников²⁰. Параллельно с этим К.Г. Митяев «вел большую работу по созданию новой дисциплины и читал курс лекций по документации»²¹. Так впервые в связи с именем К.Г. Митяева упоминается новая

¹⁷ Митяев К.Г. К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в. // Труды Историко-архивного института. М., 1939. Т. 4. С. 283–300.

¹⁸ Митяев К.Г. Смоленские таможенные книги (Опыт систематической разработки исследования Смоленских таможенных книг за 70-е годы XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1940.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 7158. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 14.

дисциплина, связанная с изучением документов. И связь эта будет неразрывна на протяжении почти трех десятилетий до последних лет жизни К.Г. Митяева.

В дальнейшем К.Г. Митяев преподавал на кафедре «теории и практики архивного дела», в последующем он стал заведующим этой кафедрой, работал над учебным пособием по курсу «Теория и практика архивного дела»²². Пособие вышло в свет в 1946 г., еще до его выхода рукопись была размножена, и ее раздали студентам для учебы. Данное учебное пособие получило высокую оценку и у зарубежных коллег. Издание было переведено на китайский, польский, венгерский и чешский языки. В Китае пособие К.Г. Митяева распространяли не только среди студентов, но и выдавали архивным служащим для ознакомления и поднятия уровня образования. К.Г. Митяев многое сделал в отношении постановки лекционного курса по истории и организации делопроизводства в СССР. К 1952 г. в учебный процесс был введен отдельный курс «История и организация делопроизводства», который читался на кафедре «истории государственных учреждений и делопроизводства». Им была разработана учебная программа по этой дисциплине²³, а в 1959 г. К.Г. Митяев издал пособие «История и организация делопроизводства в СССР»²⁴. Это было первое советское учебное издание по делопроизводству. Лекционный курс по данной дисциплине читал сам К.Г. Митяев.

В 1960 г. в Историко-архивном институте впервые в стране появляется кафедра советского делопроизводства. Это было закреплено в приказе Министерства высшего и среднего специального образования № 654 от 15 сентября 1960 г. и в приказе директора Московского государственного историко-архивного института № 151 от 17 сентября того же года. К.Г. Митяев возглавил новую кафедру и руководил ею почти 10 лет, с 1960 по 1969 г. В первый год обучения по новой программе на ней обучалось 25 человек, а к 1966 г. количество принятых на новую специальность студентов уже удвоилось. Константин Григорьевич разработал программы курсов «Административное делопроизводство» и «Общее документоведение». В 1964 г. К.Г. Митяев опубликовал учебное пособие «Административная документация (делопроизводство) в советских

²² Митяев К.Г. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие / под ред. И.Л. Маяковского. М.: Центр. тип. МВС СССР им. К.Е. Ворошилова, 1946. 247 с.

²³ История и организация делопроизводства в СССР: Программа курса для студентов МГИАИ / сост. К.Г. Митяев; ред. А.В. Чернов. М., 1954.

²⁴ Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР: учеб. пособие / под ред. А.В. Чернова. М., 1959. 359 с.

учреждениях», которое было им написано в соавторстве с дочерью, Еленой Константиновной Митяевой. В том же году было издано учебное пособие «Делопроизводство: учебное пособие для учащихся средних школ с производственным обучением по профессии «Референт по делопроизводству»».

В 1961 г. руководство Московского государственного историко-архивного института приняло решение о присуждении К.Г. Митяеву ученого звания профессора кафедры советского делопроизводства без защиты докторской диссертации. В ходатайстве Совета МГИАИ было указано, что К.Г. Митяев успешно руководит аспирантами и является крупным специалистом по архивному делу и делопроизводству²⁵.

К.Г. Митяев преподавал студентам не только теорию, которую хорошо знал. Он многие вопросы знал из практического опыта, был тесно связан с архивными учреждениями страны, являлся членом научных советов, научно-методических органов по архивному делу и делопроизводству²⁶. К.Г. Митяев был экспертом Центральной экспертно-проверочной комиссии Управления государственными архивами НКВД СССР, одним из авторов «Правил работы архивов учреждений, организаций и предприятий»²⁷ [Букреева 2021], принимал участие в разработке ряда отраслевых перечней: Перечень документальных материалов Министерства угольной промышленности СССР и его учреждений, организаций и предприятий (1946 г.), Перечень документальных материалов Министерства нефтяной промышленности СССР (1948 г.); Классификатор документации Президиума Верховного Совета РСФСР (по десятичной системе) (1948 г.), Перечень-классификатор документации Президиума Верховного Совета РСФСР (1952 г.), Перечень документальных материалов по выборам в Советы депутатов трудящихся (1954 г.)²⁸.

Константин Григорьевич Митяев был разносторонним человеком. Он знал французский и немецкий языки, был очень начитанным и образованным. По словам одной из студенток К.Г. Митяева, Нины Александровны Ковальчук, Митяев незабываемо читал стихи²⁹, которых Константин Григорьевич знал много, он любил поэзию, зачастую он прерывал лекцию, чтобы продекламировать стихотворение. Сказалось его обучение в Литературном институте.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 82. Л. 4–5.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ Правила работы архивов учреждений, организаций и предприятий. М.: Профиздат, 1956. 96 с.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Ф. 82. Л. 23–24.

²⁹ *Зелов Н.С.* О времени и о себе... С. 197–201.

Константин Григорьевич любил углубляться в философию и часто обращался к экономическим вопросам. К.Г. Митяев хорошо владел словом, его речь была наполнена философскими изречениями. Из-за этого, периодически, студенты младших курсов жаловались, что не всегда улавливают нить его повествования. Нина Александровна Ковальчук, которая не только училась у К.Г. Митяева, но и впоследствии работала в МГИАИ преподавателем, в воспоминаниях отметила, что лишь спустя много лет она поняла К.Г. Митяева и то, каким он был человеком и преподавателем. Но в студенческие годы ей не всегда легко давались лекции Константина Григорьевича. «Лекции были настолько запутаны, читались таким витиеватым и возвышенным “стилем”, что головы наши совсем поникли. Константин Григорьевич обладал удивительным искусством превращать все простое в сложное. Нам представляли какую-то неведомую науку, которая так важна и необходима для всего народного хозяйства и истории. Ей пелись бесконечные дифирамбы, читались стихи»³⁰. Н.А. Ковальчук признается, что поняла, каким широко образованным, разносторонним, очень мудрым и начитанным человеком был К.Г. Митяев, только уже будучи взрослой. Профессор К.Г. Митяев был человеком неординарным, мудрым и широко мыслящим. Возможно, что он был понят не всеми студентами. Сам он студентов обожал, любил говорить с ними и получал удовольствие от общения с молодым поколением.

К.Г. Митяев успевал заниматься не только наукой и преподаванием. В характеристиках его оценивают как хорошего и талантливого руководителя, активиста. В течение ряда лет К.Г. Митяев был членом Совета института. Он со студенческой скамьи вел активную общественную работу, главным образом по профсоюзной линии. Он был и членом месткома, председателем культкомиссии. Вел активную общественную деятельность в аспирантуре, считался политически выдержанным и надежным. В партию К.Г. Митяев вступил только в 42 года, в 1944 г., был избран секретарем партийной организации института. Ко всем партийным поручениям относился с большой ответственностью.

К.Г. Митяев действительно занимал очень активную жизненную позицию, за что был неоднократно награжден различными знаками отличия. Ему была вручена грамота ударника пятилетки на производстве, медаль «В память 800-летия Москвы», «За трудовую доблесть». Во время Великой Отечественной войны Константин Григорьевич был награжден медалью «За оборону Москвы». Но свою медаль он получил не на фронте, а в тылу. В период с 17 июля

³⁰ «Историко-архивный институт стал моим родным домом». Воспоминания Н.А. Ковальчук... С. 65–80.

1941 по 25 января 1942 г. он руководил группой трудфронтовиков от Московского историко-архивного института на строительстве оборонительных сооружений. Константин Григорьевич не был призван на фронт по причине проблем со здоровьем, у него было очень плохое зрение. Учитывая заслуги К.Г. Митяева в период Великой Отечественной войны, 27 апреля 1946 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В обосновании вручения медали сказано, что «доцент К.Г. Митяев вел и ведет серьезную научную работу в области архивоведения самостоятельно разрабатывая вопросы документоведения и систематизации документальных материалов. Являясь заместителем директора по заочному отделению, умело руководит подготовкой кадров»³¹.

К.Г. Митяев в послевоенные годы продолжал свою научно-педагогическую деятельность в области архивоведения и документоведения. Константин Григорьевич первым обратил внимание на то, что специалисты в данной области вынуждены защищать свои работы на соискание научной степени по другой специальности. В 1963 г. он выступил с докладом на заседании Межведомственной комиссии по делопроизводству при Научном совете по проблеме «Научные проблемы управления народным хозяйством» Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР. В своем докладе К.Г. Митяев поднял вопрос об упорядочении номенклатуры научных специальностей в области управления и информации, где отметил, что на момент 1963 г. не предусмотрено специальностей, по которым могла бы присуждаться степень кандидата, доктора наук лицам, защитившим диссертации, посвященные проблемам управления, документалистики, информации, организации управленческого труда и смежными с ними документоведения, архивоведения и поисковых систем³². К.Г. Митяев предложил выделить их в отдельный блок.

Заключение

Нельзя не отметить, что К.Г. Митяев опережал время, предлагал идеи, о которых никто не задумывался. К.Г. Митяев был «революционером» в области архивоведения и документоведения. Ему

³¹ Награжденные медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войне»: Митяев Константин Григорьевич // Виртуальный музей «Москва: с заботой об истории». URL: <https://vov.mos.ru/collections/moscow-defense/awarded-laborers/митяев-константин-григорьевич-е30е4> (дата обращения 15.01.2024).

³² ГА РФ. Ф. Р-5325 Оп. 3. Д. 1131. Л. 90–95.

удалось много сделать как в науке, так и в педагогической деятельности: он добился открытия в МГИАИ факультета государственного делопроизводства; он одним из первых понял, что необходимо усовершенствовать делопроизводство; именно К.Г. Митяеву удалось разработать четкую теорию организации системы делопроизводства, впоследствии связав это с управлением [Хорхордина 2020, с. 179–181]. Он был одним из создателей Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД), которая была утверждена уже после его кончины. Принципы, заложенные в ЕГСД, сохраняли свою актуальность на протяжении нескольких десятилетий. Константин Григорьевич выделил документоведение из практического архивоведения. Одним из центральных вопросов для К.Г. Митяева была необходимость комплексного изучения документа, он одним из первых применил междисциплинарный подход к изучению документа³³, заложив основы новой научной дисциплины – «Документоведение».

Собранные нами сведения о биографии Константина Григорьевича Митяева дополняют образ ученого, позволяют лучше понять его путь в науке. Созданный им когда-то факультет государственного делопроизводства послужил основой для дальнейшего развития документоведения. Отечественная научная школа документоведения продолжает развиваться в Историко-архивном институте РГГУ и Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела. К.Г. Митяев по праву был и остается одним из авторитетных ученых-документоведов.

Благодарности

Статья выполнена в рамках научного проекта РГГУ «Формирование отечественной научной школы документоведения» (научный руководитель – Ларин М.В., д-р ист. наук, проф.).

Acknowledgments

The article was made within the framework of the scientific project of the Russian State University for the Humanities “Formation of a domestic scientific school of document management” (scientific supervisor – Larin M.V., Dr of Sci. (History), professor).

³³ Букреева О.Н. О междисциплинарном подходе в документоведении (исторический аспект) // Гуманитарный акцент. 2019. № 4. С. 16.

Литература

- Букреева 2018 – *Букреева О.Н.* Органы управления архивным делом и нормативно-правовое регулирование в сфере делопроизводства (1918–2018 гг.) // Отечественные архивы. 2018. № 5. С. 20–31.
- Букреева 2021 – *Букреева О.Н.* Опыт советских органов управления архивным делом в сфере регулирования и развития государственного делопроизводства (1918–1991 гг.) // Вестник ВНИИДАД. 2021. № 2. С. 12–18.
- Ларин 2022 – *Ларин М.В.* Становление и развитие отечественного документо-ведения: на пути к школе // Документация в информационном обществе: цифровая трансформация в интересах граждан, общества, государства: Доклады и сообщения XXVIII Международной научно-практической конференции. М.: ВНИИДАД, 2022. С. 80–91.
- Ларин, Мингалев 2017 – *Ларин М.В., Мингалев В.С.* Некоторые вопросы формирования теории документоведения // Делопроизводство. 2017. № 3. С. 3–16.
- Плешкевич 2019 – *Плешкевич Е.А.* Формирование концепции отечественной истории делопроизводства // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3 (59). С. 27–37.
- Суровцева 2015 – *Суровцева Н.Г.* Объект и предмет документоведения: историография определения (1960–2000-е гг.) // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 9–17.
- Хорхордина 2014 – *Хорхордина Т.И.* Возникновение и развитие школы документоведения и делопроизводства // Делопроизводство. 2014. № 2. С. 20–27; № 3 (окончание). С. 21–28.
- Хорхордина 2020 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 / под ред. А.Б. Безбородова. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 449 с.

References

- Bukreeva, O.N. (2018), “Archival management bodies and normative-legal regulation in the field of record keeping (1918–2018)”, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 5, pp. 20–31.
- Bukreeva, O.N. (2021), “The experience of Soviet archival management bodies in the field of regulation and development of public records management (1918–1991)”, *Herald of VNIIDAD*, no. 2, pp. 12–18.
- Khorkhordina, T.I. (2014), “The emergence and development of the school of document science and office management”, *Deloproizvodstvo*, no. 2, pp. 20–27; no. 3, pp. 21–28.
- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arkhivnyi institut v istorii otechestvennoi vysshei shkoly: 1930–2020* [Institute for History and Archives in the history of the Russian Higher school. 1930–2020], Moscow, Russia.
- Larin, M.V. (2022), “The national document science formation and development. Towards the school”, in *Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve*:

tsifrovaya transformatsiya v interesakh grazhdan, obshchestva, gosudarstva: Doklady i soobshcheniya XXVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Documentation in information society. Digital transformation in the interests of people, society and the state. Proceedings of the 28th International Scientific and Practical Conference, Moscow, 28–29 October 2021, Moscow, pp. 80–91.

Larin, M.V. and Mingalev, V.S. (2017), “Some issues of the formation of the theory of document management”, *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 3–16.

Pleshkevich, E.A. (2019), “Formation of the concept of the national history of records management”, *Culture and Arts Herald*, vol. 59, no. 3, pp. 27–37.

Surovtseva, N.G. (2015), “Object and subject of documentary studies. Historiography of definition (1960s – 2000s)”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 9–17.

Информация об авторе

Евгения Э. Лашманова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lashmanova@rggu.ru

ORCID ID 0009-0008-3218-4058

Information about the author

Evgenia E. Lashmanova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lashmanova@rggu.ru

ORCID ID 0009-0008-3218-4058

УДК 930.2(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-126-136

Школа изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте: традиции и достижения

Григорий Н. Ланской

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gri_lanskoi@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу вклада ученых и одновременно преподавателей Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета в исследование комплекса различных видов аудиовизуальных документов. Основное внимание уделено работам основателей данного актуального исследовательского направления – профессоров А.А. Кузина, Л.М. Рошаля, В.М. Магидова. В то же время в статье представлено содержание новейших обобщающих трудов об аудиовизуальных документах и архивах, созданных в XXI веке учениками и последователями указанных авторов. И использованные историографические источники в форме монографий, статей, учебников систематизированы по хронологическому и тематическому принципу. Применение данного подхода дает возможность показать традиции и современные тенденции в изучении различных видов аудиовизуальных документов специалистами из Историко-архивного института, определить степень актуальности опубликованных исследований по данной теме.

Основное внимание уделено работам, посвященным решению логически связанных проблем архивоведения и источниковедения. Их выбор для изучения определяется традицией развития научных исследований в Историко-архивном институте. В то же время в статье представлены результаты изучения актуальной темы создания и хранения изобразительных и аудиовизуальных документов в электронной среде. В связи с этим изложено содержание понятия электронного документа, которое широко использовалось в научных исследованиях конца XX – начала XXI в.

Ключевые слова: научная школа, педагогическое направление, архивоведение, источниковедение, архив, документ, фотография, кино, звуковой документ

Статья поступила в редакцию 10 июля 2024 г.;
принята к публикации 1 ноября 2024 г.

© Ланской Г.Н., 2025

Для цитирования: Ланской Г.Н. Школа изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте: традиции и достижения // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 126–136. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-126-136

School of audio-visual documents studies at the Institute for History and Archives. Traditions and achievements

Grigorii N. Lanskoi

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gri_lanskoi@list.ru*

Abstract. The paper deals with the study of the contribution of the scholars and, simultaneously, the professors of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities, to the analysis of the complex of different types of audio-visual documents. Special attention is paid to the works of the founders of that relevant research direction, professors – A.A. Kuzin, L.M. Roshal, V.M. Magidov. At the same time, the paper presents the content of the latest generalizing works about audio-visual documents – the works created in the 21st century by the pupils and other successors of those authors. The used historiographical sources in the form of monographs, articles and manuals were systematized on the basis of chronological and thematic principles. The application of such an approach provides an opportunity to show the traditions and contemporary tendencies in analyzing different types of audio-visual documents by the specialists of the Institute for History and Archives and to determine the relevance of the published research on the topic.

The special focus of the article is on the works dealing with logically related issues of archival and source studies. Their choice for study is determined by the tradition of the scientific research at the Institute for History and Archives. At the same time, the paper presents the results of the study of the current topic of creation and preservation of visual and audio-visual documents in an electronic environment. Thereat, the article introduces the content of the notion of a “technotronic document” that was broadly used in the scientific studies of the end of the 20th – beginning of the 21st century.

Keywords: scientific school, pedagogical direction, archival studies, source studies, archive, document, photography, cinema, sound document

The article was submitted for publication 10.07. 2024 г.;
accepted for publication 01.11. 2024.

For citation: Lanskoi, G.N., (2025), “School of audio-visual documents studies at the Institute for History and Archives. Traditions and achievements”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 126–136, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-126-136

Введение

Развитие высших учебных заведений не может происходить без формирования и поддержки исследовательских школ. Их наличие представляет собой гарантию того, что в рамках создаваемых трудов, разрабатываемых курсов и образовательных программ будет обеспечено фундаментально необходимое сочетание традиций и новаций. Оно, в свою очередь, позволяет выявить основания и ориентиры развития профессиональной творческой деятельности, которое в рамках практики деятельности вузов независимо от их специализации включает в себя два направления – исследовательское и педагогическое. Реконструкция цели создания; изучение состава представителей этих школ и, конечно, систематизация их вклада в формирование и передачу знаний о различных предметных областях в существенной мере дают возможность выявить самобытность университета или института среди других учреждений аналогичного статуса.

В Российском государственном гуманитарном университете наиболее активная и плодотворная работа в данном исследовательском направлении началась на рубеже 1990–2000-х гг. и успешно продолжилась в первые два десятилетия XXI в. Если в 1990-е гг. биографы создания и развития структурных подразделений, имевших зафиксированную в репрезентативном и доступном комплексе источников историю, выявляли в ней драматичные страницы, связанные в том числе с влиянием существовавшего в стране тоталитарного режима¹, то к началу 2020-х гг. образ развития Историко-архивного института в научной и образовательной сфере стал приобретать более широкие очертания. От высококвалифицированного представления фрагментов, относившихся к периоду основания этого учебного заведения и затем – через достаточно короткий логический переход – образования на его основе Российского государственного гуманитарного университета в качестве самобытного авторского проекта [Хорхордина 1997] обобщающие исследования приобрели детальный по отношению к различным, специально выделенным эпохам характер подробного летописного повествования [Хорхордина 2020].

Описание истории научно-педагогических школ имеет три наиболее распространенные формы историографического изложения. Первой и наиболее распространенной является изложение фактов развития кафедр и в более широком ракурсе факультетов, в состав которых они входили в выбранные для изучения периоды,

¹ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1990. 71 с.

на основании отобранных документальных свидетельств и личных впечатлений авторов. Выбор такого подхода, несмотря на его изначально предполагаемую, максимальную широту, оказывается объективно уязвимым, потому что часто встречающееся отсутствие или недостаточно подробное выявление источников об отдельных периодах создает нежелательные лакуны или иные содержательные упущения [Кузнецова, Конькова, Париева 2017]. Вторая форма предусматривает предметный принцип повествования. При нем история кафедры в качестве комплексного научно-образовательного центра представляется в виде направлений преподавания дисциплин, имеющих системообразующий характер для определения ее профиля и места в системе более масштабного организационного уровня развития высшего учебного заведения – факультета или института [Голиков 2023]. Третьей формой можно признать осуществляемое в заранее предусматриваемой последовательности изложение научных биографий специалистов. Данный метод историографического повествования направлен на презентацию вклада конкретных авторов в развитие и внешний образ высшего учебного заведения по конкретным предметно-профессиональным направлениям, осязаемого в форме научных работ и учебных пособий².

Представление достижений сформировавшейся и продолжающей развиваться в Историко-архивном институте РГГУ школы изучения и дидактического изложения архивоведческих, источниковедческих, документоведческих, археографических аспектов, относящихся к различным видам аудиовизуальных документов, возможно путем системного описания проблем, выявленных и решавшихся авторами различных поколений.

Основатели научно-педагогической школы аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте

Формирование научно-педагогической школы, представители которой полностью или частично посвятили свою творческую деятельность аудиовизуальным документам, относится к периоду 1950-х гг. Этот процесс имел под собой целый комплекс объективных причин.

Первой из них стало создание на всесоюзном уровне, а также в ряде республик СССР архивных учреждений, специализированных на организации постоянного хранения и научно-практического

² Учителя учителей: очерки и воспоминания <о преподавателях РГГУ> /отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2006. 241 с.

использования кино-, фото- и фонодокументов. Для их кадрового обеспечения требовалась подготовка специалистов, обладавших детальными представлениями о научно обоснованных методах и приемах работы с этим расширявшимся в количественном отношении комплексом информационных ресурсов. Следовательно, возникала необходимость во включении в учебные планы подготовки историков-архивистов курсов, посвященных организации работы кинофотофоноархивов и составу документов, являющихся для них объектом комплектования. Помимо формировавшихся таким образом запросов на подготовку кадров и обеспечение ими архивных учреждений, действовавших в СССР на различных уровнях и в разном административном подчинении, перед исследователями, работавшими, главным образом, в высших учебных заведениях, стояла задача подготовки статей, методических рекомендаций, изданий дидактической направленности, в которых были бы в обобщенном виде изложены необходимые для профессиональной деятельности сведения.

Работавшие в Московском государственном историко-архивном институте специалисты в период с 1950-х до начала 1980-х гг., когда было опубликовано последнее по времени создания пособие для студентов об организации деятельности кинофотофоноархивов³, занимались проблематикой, относящейся к совокупности аудиовизуальных документов, в двух направлениях.

Первое из них разрабатывалось А.А. Кузиным, основавшим в 1969 г. в МГИАИ кафедру научно-технических архивов. В его предметных рамках основное внимание уделялось истории развития технических средств и технологий кинофотофонодокументирования. Определяемое этим эволюционным процессом создание новых носителей изобразительной и звуковой информации, описанию которого А.А. Кузин уделил значительное место в написанном им и опубликованном в 1960 г. учебном пособии⁴, являлось по вполне обоснованной логике данного автора стимулом к созданию специализированных условий их постоянного хранения. Необходимость организации использования кино-, фото- и фонодокументов в различных значимых целях являлась, в свою очередь, основанием для создания к ним справочно-поисковых средств, а также внедрения различных форм их использования. Таким образом, вопросы архивоведения рассматривались А.А. Кузиным в соответствии с направленностью его научных интересов в качестве производных

³ Кузин А.А., Рошаль Л.М. Кинофотофоноархивы: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1982. 63 с.

⁴ Кузин А.А. Кинофотофоноархивы: Учеб. пособие. М.: [Б. и.], 1960. 264 с.

по сравнению с теми проблемами, которые в современной системе образования можно условно назвать документоведческими, т. е. относящимися к истории, практике и технике документирования информации.

Второе направление в изучении аудиовизуальных документов, созданное в Историко-архивном институте, было ориентировано на раскрытие их источниковедческих особенностей. Его основоположником был Л.М. Рошаль. На протяжении своей жизни он не только занимался педагогической деятельностью, но также создавал сценарии, главным образом, документальных фильмов. Поэтому применявшийся им подход к изучению и определению информационной значимости изобразительных и звуковых источников основывался на позиции не только создателя, но и пользователя этих информационных ресурсов. В период 1960-х гг., когда Л.М. Рошаль стал создавать свои первые научные исследования, среди историков был распространен достаточно очевидный скептицизм по отношению к возможности использования даже документальных кинопроизведений в качестве самостоятельного источника, не требующего верификации с помощью письменных текстов. Во всех исследовательских работах [Рошаль 1986] он доказывал, что при наличии у автора провозглашенного и реализованного стремления создать достоверную картину минувшей или окружающей действительности созданный им фильм может использоваться для получения объективных знаний как минимум об особенностях его мировоззрения.

Еще одним основоположником школы изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте стал В.М. Магидов, начавший работать в нем в середине 1980-х гг. На профессиональном и кадровом уровне, создав отделение и затем на его основе факультет технотронных архивов и документов, он обеспечил вместе с Л.М. Рошалем преемственную связь поколений специалистов, обратившихся и продолжающих изучать данный, неисчерпаемый по объему и содержанию объект. Будучи историком по профессиональному образованию и архивистом в практической и методической области своих занятий, он избрал новый ракурс исследования кино-, фото- и в несколько меньшей степени фонодокументов. Он заключался в комплексном изучении их особенностей как объектов хранения, комплектования, описания и использования в архивах. Выявление эффективности реализации данных видов деятельности применительно к конкретным учреждениям и документальным собраниям рассматривалось им с позиций получения исследователями новых знаний, содержащихся в уже известных и, с другой стороны, выявляемых источниках изобразительной и звуковой информации [Магидов 2005].

Не случайно, что данный вектор исследовательской работы позволил В.М. Магидову создать новые научно-методические субдисциплины – археографию аудиовизуальных документов и – в историко-архивоведческой части – визуальную антропологию.

Современное развитие научно-педагогической школы аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте

В 1994 г. в РГГУ была создана уникальная, не имеющая аналогов в других высших учебных заведениях образовательная программа «Аудиовизуальные, научно-технические и экономические архивы». Наряду с другими документами, создаваемыми на так называемых нетрадиционных (преимущественно небумажных) материальных носителях, в ней особенно значительное внимание было уделено кино-, фото- и фонодокументам. Это объяснялось не только участием в реализации данной программы ведущих специалистов в области создания, изучения и использования именно этих видов информационных ресурсов, но и тем, что в активно создаваемых и, следовательно, изучаемых в настоящее время электронных документах визуально-графическая информация занимает существенное место. Обучающиеся, выбравшие данную образовательную программу, могли благодаря содержанию осваиваемых ими оригинальных авторских курсов получить системное, логическое представление обо всех этапах работы различных специалистов с изображениями, аудиовизуальными и звуковыми источниками. Они осваивали основанные в том числе на применении компьютерных технологий компетенции по их созданию, хранению, описанию и использованию на практическом, методическом, юридическом и научно-экспертном уровне.

Для концентрации всех документов и архивов, которым была посвящена образовательная программа факультета технотронных архивов и документов и его организационных преемников, в едином объектно-познавательном пространстве В.М. Магидовым совместно с другими специалистами по предложению представителей руководства РГГУ было выбрано и внедрено социологическое понятие «технотронный». При своей очевидной условности по отношению к архивам и документам, подтверждаемой обобщающим характером созданного Э. Бжезинским для обозначения постиндустриальной эпохи термина [Бжезинский 1972], эта типологическая категория была применена при создании заголовков и содержательном наполнении сборников научных исследований, посвященных В.М. Магидову как при жизни [Технотронные документы 2011], так и после

его смерти [Ланской 2023]. В то же время наряду с использованием обобщающих терминов в научных трудах [Ланской, Кукарина 2019] объектом исследования являются конкретные видовые комплексы информационных ресурсов, классификация которых по признакам технологии создания и типу содержащейся в них информации в соответствии с утвердившимися в XX в. теоретическими представлениями из областей документоведения и архивоведения.

Современное развитие научно-педагогической школы изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте основано на существенном по сравнению с периодом 1950–2000-х гг. расширении объектной и предметной сферы проводимых исследований.

В рамках источниковедческой проблематики на конкретных примерах выявляются и анализируются особенности фото- и кинодокументов любой жанрово-видовой принадлежности. Критерием их отбора для изучения становится не столько аутентичность отображения действительности, сколько стремление автора конкретного произведения к ее достоверному восприятию и показу. Архивоведческое направление проводимых исследований ориентировано на выдвигание рекомендаций по решению проблем, обсуждаемых на протяжении последних нескольких десятилетий. К ним относятся выбор оптимальной классификации различных видов аудиовизуальных документов в комплектованных архивных учреждениях; совершенствование применения специфических критериев содержания и практических факторов экспертизы их ценности; использование принципа мобильности при выборе источников комплектования специализированных архивов. С учетом активного развития компьютерных информационных технологий большое внимание уделяется внедрению в отечественную практику методики создания еще более доступных справочно-поисковых средств, электронных форм использования документов. Также с учетом произошедшего в период 1990–2010-х гг. существенного обновления нормативной базы самостоятельным направлением исследовательской работы специалистов Историко-архивного института стало системное изучение источников и механизма правового регулирования в сфере формирования, развития и обеспечения доступности аудиовизуальных и электронных архивов.

Наряду с названными проблемно-тематическими направлениями уделяется большое внимание изучению историографического наследия, посвященного различным аспектам создания, хранения и использования всех видов аудиовизуальных документов. Конкретное изучение и дальнейшее обобщение относящихся к его составу монографий, статей, методических разработок, учебных пособий позволяют выявить нуждающиеся в будущем исследовании

вопросы и подойти к их решению на основе необходимого в историко-архивоведческих исследованиях сочетания фундаментальности и практической ориентированности. Также очевидно, что обращение к историографическим источникам не только в научных трудах, но и в рамках проведения учебных занятий имеет непреходящее значение для подготовки новых поколений специалистов не только в профессиональном, но и в не менее значимом нравственном отношении.

Заключение

Развитие научно-педагогической школы изучения аудиовизуальных документов в Историко-архивном институте имеет относительно небольшую по продолжительности, но богатую историографическими фактами историю. Благодаря, с одной стороны, конкретности и, с другой стороны, междисциплинарности созданных научных трудов, она включает в себя работы не только о различных значимых вопросах архивоведения и источниковедения, но и о более широком круге проблем истории научно-технических знаний, эстетики, искусствоведения, семиотики, применения информационных технологий. Обогащая свои знания новыми методологическими подходами и сведениями из трудов специалистов из других отраслей профессиональной деятельности, специалисты Историко-архивного института продолжают активную творческую деятельность. При этом они, безусловно, стремятся к коммуникации и практическому сотрудничеству с представителями других учебных подразделений Российского государственного гуманитарного университета, которое, несомненно, может принести взаимобогащающие интеллектуальные результаты.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке программы «Проектные научные коллективы РГГУ», проект «Формирование отечественной научной школы документоведения: имена и идеи».

Acknowledgements

The paper was prepared with support under the program “Project scientific collectives of RSUH”, project “Forming of national scientific school of documentary science. Names and ideas”.

Литература

- Бжезинский 1972 – *Бжезинский З.* Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники. М.: Прогресс, 1972. 307 с.
- Голиков 2023 – Традиции и новации преподавания историографии, источниковедения и методов исторических исследований: К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко (1923–2023) / под ред. А.Г. Голикова. СПб.: Алетейя, 2023. 252 с.
- Кузнецова, Конькова, Париева 2017 – *Кузнецова Т.В., Конькова А.Ю., Париева Л.Р.* Краткая история кафедры документоведения. М.: РГГУ, 2017. 66 с.
- Ланской 2023 – Технотронные архивы и документы в информационном обществе: Сб. науч. статей, посвященный памяти заслуженного профессора РГГУ, доктора исторических наук В.М. Магидова / сост. М.А. Чичуга; отв. ред. Г.Н. Ланской. М.: Спутник +, 2023. 159 с.
- Ланской, Кукарина 2019 – Системы документации: теория, история и современная практика / отв. ред. Г.Н. Ланской, Ю.М. Кукарина. М.: Спутник +, 2019. 279 с.
- Магидов 2005 – *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 393 с.
- Рошаль 1986 – *Рошаль Л.М.* За кадрами правды: Поэзия факта и авторская точка зрения. М.: Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1986. 88 с.
- Технотронные документы 2011 – Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2011. 307 с.
- Хорхордина 1997 – *Хорхордина Т.И.* Крона и корни: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М.: РГГУ, 1997. 108 с.
- Хорхордина 2020 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы. М.: РГГУ, 2020. 467 с.

References

- Brzeziński, Z. (1972), *Mezhdru dvumya vekami: rol' Ameriki v eru tekhnotroniki* [Between two ages. America's role in the technetronic era], Progress, Moscow, USSR.
- Golikov, A.G., ed. (2023), *Traditsii i novatsii prepodavaniya istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskikh issledovaniy: K 70-letiyu kafedry istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova i 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.D. Koval'chenko (1923–2023)* [Traditions and innovations in teaching historiography, source study and methods of historical studies. Devoted to the 70th anniversary of the creation of the Source Study Department at the History Faculty of Lomonosov Moscow State University and to the 100th anniversary of Academician I.D. Koval'chenko (1923–2023)], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (1997), *Krona i korni: Shtrikhi k portretu Istoriko-arkhivnogo instituta (1930–1991)* [Roots and crown. Portrait touches on the Institute for History and Archives (1930–1991)], RGGU, Moscow, Russia.

- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arkhivnyi institut v istorii otechestvennoi vysshei shkoly* [Institute for History and Archives in the history of national higher school], RGGU, Moscow, Russia.
- Kuznetsova, T.V., Kon'kova, A.Yu. and Parieva, L.R. (2017), *Kratkaya istoriya kafedry dokumentovedeniya* [Short history of the Records Management Department], RGGU, Moscow, Russia.
- Lanskoi, G.N. and Kukarina, Yu.M., ed. (2019), *Sistemy dokumentatsii: teoriya, istoriya i sovremennaya praktika* [Systems of documentation. Theory, history and contemporary practice], Sputnik+, Moscow, Russia.
- Lanskoi, G.N., ed. (2023), *Tekhnotronnye arkhivy i dokumenty v informatsionnom obshchestve: Sb. nauch. statei, posvyashchennyyi pamyati zaslužhennogo professora RGGU, doktora istoricheskikh nauk V.M. Magidova* [Technotronic archives and documents in an information society. Collected scientific articles devoted to the memory of V.M. Magidov, the RSUH Honorary Professor, Doctor of Sciences (History)], Sputnik+, Moscow, Russia.
- Magidov, V.M (2005), *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Cinema, photographic and sound documents in the context of historic knowledge], RGGU, Moscow, Russia.
- Roshal, L.M. (1986), *Za kadrami pravdy: Poeziya fakta i avtorskaya tochka zreniya* [Under the shots of truth. Poetry of fact and the author's viewpoint], All-Union Bureau of Cinema Art Works Propaganda, Moscow, Russia.
- Tekhnotronnye dokumenty – informatsionnaya baza istochnikovedeniya i arkhivovedeniya: Sbornik nauchnykh statei* [Technotronic documents – information base of source and archival studies] (2011), RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Григорий Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; gri_lanskoi@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-4631-1512

Information about the author

Grigori N. Lanskoi, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gri_lanskoi@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-4631-1512

УДК 929.5(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-137-159

Фамильная память рода Путиных в архивных документах дореволюционной эпохи: опыт поиска и выявления

Александр М. Путин

*Независимый исследователь, Рязань, Россия,
putinalex@yandex.ru*

Аннотация. На основании впервые вводимых в научный оборот источников из фондов Государственного архива Тверской области, Российского государственного архива древних актов, из личного архива автора, из справок паспортных служб территориальных управлений внутренних дел, иллюстративных материалов рассматривается формирование родословной схемы фамилии Путин, являющейся родословной Президента РФ В.В. Путина.

Целью статьи являются информирование научной общественности об исследовании рода Путиных: – по личным записям автора – с 1969 г.; первому полученному документу от начальника отдела ономастики Института языкознания АН СССР, д.ф.н. А.В. Суперанской «Парадигма внутрисемейных отношений рода Путин» – с 1986 г.; подписанному договору с Ассоциацией генеалогов Уральского историко-родословного общества «на создание родословной росписи рода Путиных» – с 1992 г.; информированию общественности официальным изданием Ассоциации генеалогов «Документы и материалы», г. Пермь – с 1994 г. Сайт: www.putin-rod.ru – с 2013 г.

Научная новизна статьи заключается в том, что она основывается на малоизвестных документах государственного и частного хранения, позволивших составить максимально полную на современном этапе картину жизни людей фамилии Путин в разных поколениях и ветвях. Актуальность статьи особенно важна в текущее время перемен потому, что люди стремятся представить образ будущего в поколениях потомков.

Ключевые слова: род Путиных, родословие, родословная роспись, родословная схема, исповедная ведомость, ревизская сказка, рекрут, ремесленник

Статья поступила в редакцию 10 октября 2024 г.;

принята к публикации 9 декабря 2024 г.

Для цитирования: Путин А.М. Семейная память рода Путиных в архивных документах дореволюционной эпохи: опыт поиска и выявления // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 137–159. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-137-159

Family memory of the Putin lineage in the archival documents of the pre-revolutionary epoch. Search and identification

Aleksandr M. Putin

*Independent researcher, Ryazan, Russia,
putinalex@yandex.ru*

Abstract. The formation of the lineage scheme\ of the Putin family is considered in the article on the basis of the first introduced into scientific circulation sources from the funds of the State Archive of the Tver region, the Russian State Archive of Ancient Acts, from the author's personal archive, the passport service certificates of the internal affairs territorial departments and on the basis of vast illustrative material. That ancestry line is a family tree of V.V. Putin, the President of the Russian Federation. The hereditary scheme is also connected with many other accompanying issues.

The aim of the article is to inform the scientific community about the research carried out on the Putin family line: according to the author's personal notes – since 1969; as indicated in the first document “Paradigm of the intra-family relations within the Putin lineage” received from A.V. Superanskaya, Dr. of Sci. (Linguistics), the head of the Onomastics Department of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences – since 1986; as provided by the agreement signed with the Association of Genealogists of the Ural Historical-Family Society “On the creation of a family tree of the Putin lineage” – since 1992; informing the public by the official publication of the Association of Genealogists “Documents and materials”, Perm – since 1994; as on the website www.putin-rod.ru – since 2013.

The scientific novelty of the article lies in the fact that it is founded on the little-known public and private storage documents which allowed the author to provide, at the current stage, the most possible comprehensive picture of the life of the people from different generations and branches of the Putin family. The relevance of the article is particularly important in the current time of change because people strive to imagine the future in the generations of descendants.

Keywords: Putin lineage, ancestry, ancestral record, ancestry scheme, confession sheet, per capita census, recruit, craftsman

The article was submitted for publication 10.10.2024;
accepted for publication 09.12. 2024.

For citation: Putin, A.M. (2025), "Family memory of the Putin lineage in the archival documents of the pre-revolutionary epoch. Search and identification", *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 137–159, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-137-159

История предков всегда любопытна
для того, кто достоин иметь Отечество
Н.М. Карамзин

Введение

Генеалогия (родоведение в частности) важна не только для изучения биографии личности, отдельной семьи, она может способствовать познанию и так называемой коллективной биографии. Вместе с тем она помогает самоидентификации человека, «ибо объект генеалогии – это прежде всего сам Человек в совокупности его генеалогических связей» [Пчелов 2001, с. 13]. А открытие новых источников приобретает научную значимость, когда возникает возможность связать их с дополнительной информацией о принадлежности личности (членов рода) к определенному социальному слою, об имущественном положении, образовании, политической или другой общественной деятельности тех лиц, родственные связи которых исследуются. Родоведение в этом смысле обращено к общечеловеческим ценностям не только семьи и отношения поколений, но и в целом общества, а потому выступает важным индикатором гуманитарной культуры. «Генеалогия есть история того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной»¹, – отмечал в лекциях, читавшихся студентам Московского археологического института генеалог, прозаик, коллекционер Л.М. Савелов.

В этой связи литературовед и культуролог Ю.М. Лотман, говоря о пространстве культуры на основе целенаправленного использования историко-документального наследия, заключал, что оно «может быть определено как пространство культурной памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированными». Таким образом, общая для пространства культуры память обеспечивается «единством

¹ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994. С. 7.

кодов, или их инвариативностью, или непрерывностью и закономерным характером их трансформации»².

Моя поисковая работа по своему роду фамилии Путин началась летом 1969 г., когда мне было 15 лет. Отец, дедушка, бабушки, тети, дяди рассказывали мне истории и случаи из жизни в годы их молодости. Тетя во втором поколении, Мария Тимофеевна Пути-на, работала в школе и пользовалась авторитетом среди односельчан. Она жила в доме, построенном прадедом Петром Прохоровичем Путиным (1825–1880) на земельном участке, предоставленном Семену Федоровичу Путину (1723–1795). Родственники берегли память о семьях рода. Они собирались на Радоницу (9-й день после Пасхи) в доме Петра, родовом доме рода Путиных. За чаем из самовара с вареньем и пирогами вспоминали предков, рассказывали о них детям и внукам. В этот весенний день приводили в порядок после зимы могилы родственников. Мария регулярно делала записи в тетради о важных событиях жизни рода. Односельчане называли её уважительно «секретарь рода Путиных».

К окончанию школы у меня сформировалась настоятельная потребность понимания своего места среди людей рода. Родственники рекомендовали записывать услышанные истории в тетрадь и сохранить их. Юношеское увлечение вскоре стало потребностью на многие годы вперед, чему способствовали друзья отца, учителя и книги библиотеки отца. Любовь к книгам, тетя – библиотекарь из Ленинграда, а также одноклассница отца – библиотекарь в районном селе – сделали меня постоянным и системным читателем книг, журналов и газет. Увлеченно читал «Ты и твое имя» Л.В. Успенского, брошюры А.В. Суперанской и другие издания.

Основная часть

Поиск по роду на местном уровне давал результаты в течение многих лет, что позволяло одновременно с основным поиском узнавать малоизвестные факты, определяющие местную жизнь и участвующих в них жителей. Авторитет людей рода в деревне укреплялся следующими обстоятельствами, которые знали жители деревни. Так, Семен Федорович Путин примерно в 1750-е гг. в числе десяти молодых мужчин восстанавливал деревню после разрухи Смутного времени и нашествия врагов. Последующие поколения рода президента жили во вновь построенной деревне.

Великая крестьянская реформа 1861 г. способствовала увеличению деловой активности мужчин и женщин рода. За 50 лет с 1861

² *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200.

по 1914 г. семьи увеличили родовое хозяйство с одного до пяти в каждом (из 60 в деревне) в составе: дом, двор, скотина, приусадебный земельный участок (огород, сад), земельные участки пашни и паров в полях. Хозяева: Петр Прохорович, Василий Прохорович, Николай Петрович, Иван Петрович, Спиридон Иванович. В течение XX в. почти все дети семей Путиных выехали в города и приезжали в дома отцов и дедов семьями в отпуска на отдых. Среди них были: повар русской и европейской кухонь, мастер дамского портного ремесла в ателье для немецких католиков, коммерсант по тканям, мастер по мебельным работам с красным деревом, торговец ржаным зерном и мукой, председатель одного из первых колхозов района («Красная нива»), народный заседатель районного суда, агроном, пчеловод, строитель срубов, пожарный, участник подъема Целины, участник строительства объектов энергетики в социалистических странах в 1970-е гг., учителя немецкого и английского языков, в том числе в Дагестане (Ахвахский р-н, аул Анчих), врачи, офицеры-преподаватели, сотрудники банка, почты и другие жители деревни и многих городов. Среди них девять участников Великой Отечественной войны, из которых пять дошли до Победы. Информированность от общения между родственниками позволяла читать газеты «между строк». Авторитет этих людей позволял мне заходить во многие дома односельчан и получать на свои вопросы достоверные ответы из «первых рук».

Постепенно сформировался круг общественно волнующих тем, относящихся к жизни Путиных во время Российской империи, в частности:

- обстоятельства реформы П.А. Столыпина в волости: выезд из деревни с неплодородными почвами на земли с хорошим травяным покровом для организации молочной фермы на хутор («Хутор – завод»);
- использование построенной на народные средства жителей 4 ближайших деревень в 1907 г. школы деревни в последующие годы;
- местная топонимика;
- центры православия и иконописи;
- недвижимость рода Путиных;
- судьба пленных Первой мировой войны в Германии и в лагере Международного Красного Креста «Гальд» в Дании; а также события новейшего времени, отразившиеся в жизни Путиных и оказавшие влияние на их судьбы, о которых будет рассказано в дальнейшем;
- восстание граждан волости в селе 30 марта 1919 г.;
- обобществление и коллективизация, постановление Земельного общества деревни от 10 февраля 1930 г.;

- дело Ревтрибунала по эсеровской группе бывшего председателя волостного земства Бакулина (дер. Селино) 1930 г.;
- годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в деревне:
 - в период временной оккупации (14 ноября – 19 декабря 1941 г., Клинское направление),
 - в период работы всех жителей на Победу от освобождения до Победы 9 мая 1945 г.,
 - участие рода Путиных в войне [Путин 2020, с. 86];
- дневник студента Ленинградского авиационного приборостроительного техникума М.А. Путина в 1948–1951 гг.;
- ликвидация административно-территориальной единицы «Тургиновский район» с присоединением к Калининскому району по состоянию на 1 января 1963 г., и другие события, прошедшие по судьбам жителей. Они позволили сформировать большее понимание родословия Путиных, судьбы рода, связей по женским линиям со свойственниками и многими жителями в деревнях, селах, городах (сослуживцами, друзьями, соседями) местности бывших волостей и района.

К 1986 г. поисковая работа позволила составить родословную схему в составе всех имеющихся ветвей на 6 последних поколений от Прохора Ивановича до поколения 1950-х гг. рождения (рис. 1).

Продолжая поиск через его расширение по происхождению фамилии, обратился в Институт языкознания АН СССР в отдел ономастики к профессору, доктору филологических наук А.В. Суперанской. Она вела постоянную рубрику «Ваша фамилия» в журнале «Наука и жизнь». Полистав мои записи и увидев рукописную схему на большом листе миллиметровки, Александра Васильевна назвала результаты поиска «настоящим исследованием» и рекомендовала продолжить его в более дальних поколениях и в боковых ветвях. Она передала написанную ею по моему заказу «Парадигму фамилии рода Путин». Таблица А.В. Суперанской стала первым документом исследования. Момент его получения в 1986 г. стал моментом перехода поиска в стадию исследования по многим направлениям.

Тогда не предполагалось, что исследование моей родословной станет одновременно и родословной Президента РФ В.В. Путина.

25 июня 1992 г. заключен договор «на создание родословной росписи рода Путиных» с Ассоциацией генеалогов, (г. Пермь). «Список заказчиков-членов на 1 сентября 1994 г.: ...Путин Александр Михайлович. Указатель фамилий заказанных родословий (Путиных, Тверская губ.)»³ (рис. 2).

³ Ассоциация генеалогов: Документы и материалы. Пермь: Изд-во Ассоциации генеалогов, 1994. С. 19.

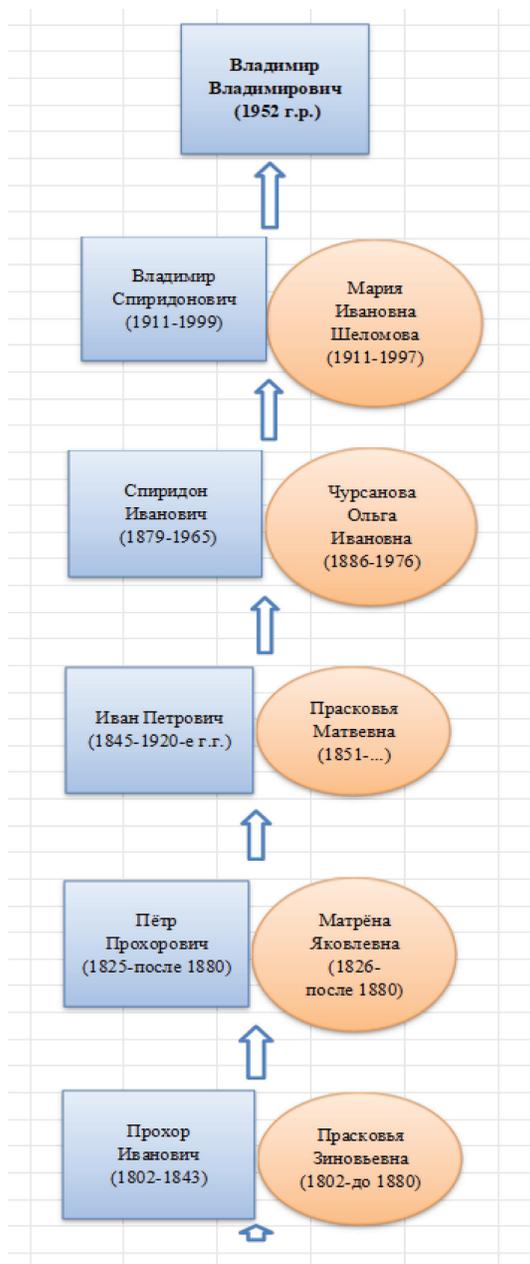

Рис. 1. Родословие Президента России В.В. Путина

АССОЦИАЦИЯ ГЕНЕАЛОГОВ- ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДОКУМЕНТЫ
И
МАТЕРИАЛЫ

ПЕРМЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО АССОЦИАЦИИ ГЕНЕАЛОГОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ
1994

АССОЦИАЦИЯ ГЕНЕАЛОГОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ

Официальное издание

АССОЦИАЦИЯ ГЕНЕАЛОГОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Слано в набор 18.07.94. Подписано в печать 04.10.94.
Формат 84×108³/₁₆. Бумага офсетная № 1
Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36.
Тираж 2000 экз. Заказ № 701.
Издательство Ассоциации генеалогов-любителей.
614094, г. Пермь, а/я 5411.
ТОО «Типография «Книга».
614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

АССОЦИАЦИЯ ГЕНЕАЛОГОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ

СПИСОК ЧЛЕНОВ НА 1 СЕНТЯБРЯ 1994 ГОДА

АБОРКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (1930)
Г. Окопниских, Аборкиных, Обориных, Оглоблиных
и Белобородовых
614077, г. Пермь-77, а/я 2798
д. т.: 66-22-60*

АБРАМОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ (1969)
Г. Абрамовых
614038, г. Пермь, ул. Кроншта, 6—43
д. т.: 72-58-03

АГАФОНОВА ТАМАРА СУЛТАНОВНА (1938)
Г. Гумаровых, Обориных, Агафоновых
614032, г. Пермь, а/я 980
д. т.: 25-09-30

АССОЦИАЦИЯ ГЕНЕАЛОГОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ

ПУДЫШЕВ ГЕРУС ЯКОВЛЕВИЧ (1936)
Г. Пудышевых (Вологодская обл.)
186200, г. Кондопога, Карелия, ул. Калинина, 4—49
д. т.: 2-02-01

ПУТИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1953)
Г. Путиных (Тверская губ.)

РАЗНОТИН ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (1937)
Г. Разнотиных и Мурановых
197228, г. С.-Петербург, Стародеревенская ул. 6/3—107

РАХИМОВ РАМИЛЬ НАСИБУЛЛОВИЧ (1963)
Г. дворянских родов Оренбургской и Уфимской губ.
450076, г. Уфа-76, а/я 4044

РЕВНИЦЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ (1957)
Г. дворянских родов Европы, геральдика, флагаоведение
618014, Большесавинно Пермской обл., а/я 10

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ*

Аборкины 26	Бугаровы 28
Абрамовичи 44	Вудыковы 28
Абрамовы 26	Важенины 32
Агафоновы 26	Варламовы 45
Аксеновские 32	Варраны 26
Алексеевы 26	Ватузовы 28
Альбовые 45	Ведерниковы 29
Америковы 26	Венцели 31
Аминецы 30	Веревины-Шелото, дв. 29
Анкины 33	Виноградовы 26, 29
Антоновы 30	Вишняковы 29
Архиновы 27	Владимировы 33
Афонины 45	
Мартыновы 37, 41	Ползуновы 33
Масленниковы 37	Полковниковы 41
Масловы 37	Полуновы 34
Маточниковы 46	Пономаревы 41
Маценки 37	Попели, дв. 41
Межеричкине 30	Поповичи 41
Мельничуки 38	Поповы 29, 32, 41
Менделеевы 45	Потемкины 37
Меньшиковы 28	Потеряныны 41
Мерзляковы 38	Преферанские 46
Мерковские 38	Пудышевы 42
Мехнины 40	Пургини 30
Михайловы 44	Путини 42
Могильниковы 38	Пуховы 44
Мокровы 34	Пуцины 38
Мурановы 42	
Мялицыны 38	Разнотины 42
Наборчиковы 38	Распутини-Новых 38
Небасевы 38	Редкины 42
Недорезовы 38	Ремезовы 42
Немашкаловы 38	Решетниковы 35

Рис. 2. Подборка листов сборника «Документы и материалы» Ассоциации генеалогов (Пермь), 1994 г.

В течение всего основного периода поиска и исследования с 1969 по 2000 г. моей целью являлось восстановление после ухода отца из жизни родственных связей, выявление родственников, мест их жизни, работы, специальностей, выяснение происхождения и жизненного движения. К этому времени стал очевидным вывод дедов и бабушек: видимая родственность (похожесть лиц, тел, организмов, наличие близнецов, долголетие, наследственные особенности и подобное) проявляется в 6 последних поколениях. Поэтому семьи ближних поколений рождаются, а с 7-го считаются однофамильцами, по народному словосочетанию, «седьмая вода на киселе». Проанализировав всех родственников в 6 последних поколениях, я нашел людей волевых, целенаправленных, системных, физически здоровых, интеллектуально развитых. Об отце говорили: «настоящий ленинградец», подразумевая его высокую общую культуру и деликатность в общении. О деде: «дипломат», как о переговорщике в решении проблемных вопросов. Об одном дяде: «урожденный банкир», как о сотруднике банка с 1911 г. О другом дяде: «лучший энергетик», как о мастере по энергоустановкам и электросетям. Только положительные отзывы давали о других людях рода. Все охарактеризованные мной и родственниками люди рода были достойными личностями, востребованными по своим специальностям и службам.

Подготовительная работа растянулась на несколько лет, в результате которой составление архивного родословия граждан фамилии Путин передано от Ассоциации генеалогов УИРО (г. Пермь) к Государственному архиву Тверской области (ГАТО). В 1996–1997 гг. началось сотрудничество с ГАТО в вопросе исследования рода. Составлена последовательность работ (рис. 3). Предусмотрено исполнителем написание статьи в профессиональное издание и заказчиком издание книги по теме исследования. Работы исполнены.

После назначения В.В. Путина Председателем Правительства РФ в августе 1999 г. стали очевидными грядущие изменения в управлении и решениях. После обращения президента Б.Н. Ельцина 31 декабря 1999 г.: «Я ухожу» и возложения обязанностей Президента РФ на председателя правительства В.В. Путина я вспомнил слова бабушки, сказанные в 1998 г. на городском чествовании 100-летних юбиляров: «Придет человек и выведет нас на правильную дорогу» [Путин 2002, с. 198].

В 1998 г. ГАТО получил первые результаты и прислал архивные справки на основе исповедных ведомостей волостной Покровской церкви и ревизских сказок. После вступления в должность президента В.В. Путина моя личная ответственность многократно возросла перед нашим родом, земляками, однофамильцами и всеми

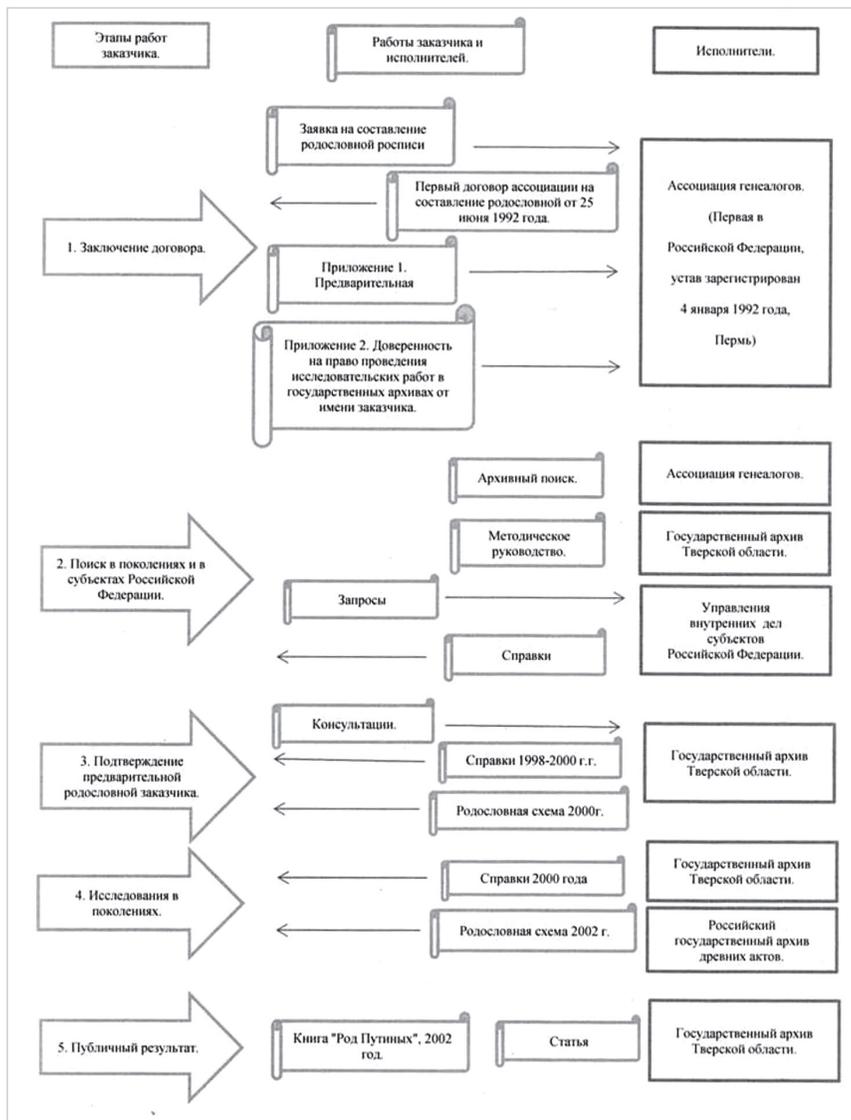

Рис. 3. Последовательность работ заказчика Путина А.М. и Государственного архива Тверской области и Ассоциации генеалогов (г. Пермь) по составлению родословной росписи рода Путиных в 1992–2002 гг.

народами России и других стран. «Вышедшее в 2002 г. исследование стало одним из первых изданных родословий крестьянского рода в России» [Путин 2013, с. 8]. Исследовательская работа не претендует на завершенность и требует дальнейших исследований по всем начавшимся к разработкам направлениям.

Часть I из шести глав (колен родства) «Семейная родословная» – это самое подробное документальное описание персоналий, которое может составить только человек, находящийся внутри рода. Архивная система, являющаяся гарантом достоверности родословия, может составить родословие на первой ступени родства.

Дополнительно была составлена глава, названная «Родовые лабиринты», в которой представлены: изменения фамилии, параллельные браки и подобные случаи, в которых людям со стороны трудно понять причинно-следственные связи.

II часть описания рода далее 7-го поколения названа «Архивное родословие». В ней персоналии представлены в кратком изложении. На основании достоверных преданий и архивных документов представлены описания исторических событий, участниками которых являлись люди рода: реформа Никона, эпидемия холеры, Семилетняя война, Отечественная война 1812 г., реформа 1861 г.

Облегчало работу следующее:

- исследование шло по достоверным изначально фактам «со слов родственников», в отклоняющихся от исторической действительности версиях не было необходимости;
- исследование шло в ГАТО, позднее привлечены документы первых трех ревизий РГАДА, а также обращения и ответы по потребности исследования в районный архив и др.

Алгоритм архивного поиска: конкретные архивы, фонды и другие процедуры устанавливали на основе своего профессионализма сотрудники ГАТО. Так реализовывался исторический подход к источнику (архивному документу), предполагающий его изучение в контексте времени его появления (поскольку документ – произведение породившей его эпохи), и в непосредственной связи со всем корпусом окружающих его документов. Источниковедческий подход к документу не только дает возможность выяснения его информационного потенциала, но в значительной степени предопределяет выбор методики поисковой работы.

Предмет общего исследования «Архивного родословия» (часть II) доказан предварительным исследованием 6 близких поколений «Семейного родословия»:

- родословие фамилии Путин из Тверской области, бывшего Тургиновского района, в основном, крестьянское, частью рекрутское, позднее ремесленническое и отходническое;

- родословие фамилии Путин из Тверской области, бывшего Тургиновского района, является родословием Президента Российской Федерации В.В. Путина;
- родословие фамилии Путин из Тверской области, бывшего Тургиновского района является родословием инициатора, исследователя и составителя рода, по праву своего рождения, рождения родителей, дедов и далее, гражданина РФ А.М. Путина.

Для подготовки составления общей родословной фамилии Путин по России и понимания предстоящего объема работ собрана и структурирована база данных граждан фамилии Путин (Путина) в субъектах Российской Федерации. В территориальные управления внутренних дел направлялись запросы с просьбой оказания содействия в поиске жителей на фамилию. Сотрудники паспортных служб в течение 1992–1995 гг. проводили целевые выборки по имеющимся документальным базам на проживающих и посылали исследователю в ответ на его запросы через структуры УВД по функции. В те годы фамилия Путин не вызывала излишнего внимания: обычная фамилия, встречающаяся не часто. Это облегчало решение организационных вопросов. Источники информации: справки формы 2 (24) МВД на бланках и общие списки в свободной форме.

Статистическая обработка позволила получить интересные результаты. Численность граждан РФ носителей фамилии Путин (Путина) на 1995 г. составляла примерно 3000 человек. Плотности граждан с данной фамилией (чел./1 млн численности области): Астраханская – 121, Брянская – 82, Вологодская – 96, Камчатская – 44, Пермская – 43, Петербург – 26, Саратовская – 77, Тверская – 34, Ярославская – 33, и др. В среднем по России – 21 чел./1 млн жителей субъекта Федерации.

Граждане Российской Федерации по фамилии Путин живут во многих субъектах Федерации. Исследование формировалось относительно семейного поиска Путиных Тверской губернии, в дальнейшем в круг интереса вошли Брянская область, Среднее Поволжье, Южный Урал и другие территории России.

Специалисты-практики утверждают, что универсальных методик, которые бы обеспечили успешный поиск разыскиваемых архивных документов, нет; существуют приемы их поиска и выявления.

Отыскать нужные документы позволяет система научно-справочного аппарата архивов, в которой получает отражение состав документов – путеводители, базы данных, каталоги и, конечно, описи – основа основ работы исследователя. Интерес к «простому» человеку, в целом антропологический поворот в истории и архивоведении, рост микроисторических исследований и одновременно развитие информатизации обусловили подробнейшую передачу данных через заголовки, поскольку поиск по ключевым словам

и наполнение информационной системы неразрывно связаны [Хорхордина 2024, с. 73–74].

Так, наряду с реализацией эвристической задачи путеводитель содержит решение проблемы реконструкции документального комплекса с точки зрения методики ее проведения и может служить основой и ориентиром в деле выявления и воссоздания комплексов архивных документов. Помогают определить архив, состав и содержание хранящихся в нем фондов межархивные и другие справочники-путеводители федеральных и региональных архивов, содержащие систематизированные сведения о фондах архива, размещенные на официальном сайте Федерального архивного агентства «Архивы России».

Если рассматривать архивный поиск как движение от общего к частному, то он начинается с определения того архива (архивов), где хранятся фонды/документы, отвечающие информационной потребности для решения научной задачи в целом.

Далее следовало определить местонахождение всех выявленных фондов. В отношении, например, фондов региональных архивов (республиканских и областных) следует иметь в виду, что при изменении административно-территориального деления в советские годы, в частности при организации новых областей, проводилось перераспределение архивных материалов между местными архивами. Материалы учреждений, существовавших в свое время на территории определенной губернии, ныне могут храниться в нескольких архивах областей, чья территория целиком или частично совпадает с территорией бывшей губернии.

Документ легче всего отыскивается и анализируется в том окружении, в той среде бытования, в которых был создан, в связи с чем его свойства эффективно обнаруживаются лишь во взаимном сопоставлении.

Следовательно, в описи заголовки утраченных (отсутствующих) дел/документов и указание на их прохождение в структурном подразделении или на их выдачу другим учреждениям позволяют реконструировать отсутствующую информацию.

Таким образом, знание истории архивного фонда, т. е. его происхождения, времени и обстоятельств поступления документов в архив, последующей «архивной судьбы» организации их хранения и использования, изменения в составе, быть может, перемещения или изъятия – необходимое условие работы исследователя.

Родовая деревня Путиных Поминово, волостное (районное) село Тургиново располагаются на территории Завидовского национального парка. Существует предположение, что наименование поселка Завидово связано с именем посадника Новгородского в 1122 г. Завида.

У великого князя киевского Владимира Святославича (956–1015) состоял на службе военачальник по имени Путята. Он командовал отрядом из тысячи вооруженных воинов, представлявшим в X в. грозную силу.

В XIII в. служили: в Новгороде – боярин Олькса Путилович, в Смоленске – боярин Путята Дядькович.

В XV в. великий московский князь Василий Дмитриевич за воинскую доблесть внес род Друцких (Путяты) в Гербовник (родовую книгу). Правда, до наших дней не дошли старинные русские имена Путимир (Путь мира) и Путислав (Путь славы).

В Италии в провинции Венето в г. Виченца в 1990-е гг. жили около 50 человек с фамилией Путѳн, с ударением на втором слоге.

В государственных архивах России хранятся многие значимые исторические документы, проливающие свет на историю предков.

Самые ранние сведения о людях рода Путин относятся к 1630-м гг.: именно к этим годам тверским архивистам удалось протянуть цепочку родословного исследования. Триста лет, в исчислении по поколениям – двенадцать поколений Путиных – жили и работали на этой земле, которая кормила их, обеспечивала доходом, устраивала жизнь семей и всего рода.

Ногами многих крестьян, в числе которых Путины, протоптаны тропы, колесами запряженных лошадей телег накатаны дороги ближних деревень и сел: Тургиново, Ильинское, Астафьево, Бордино, Ферязкино, Зинцово, Заозерье, Курьяново, Новинки, Селино... За ними дальние села, поселки, города: Микулино, Бурашево, Городня, Завидово, Козлово, Клин...

Родная деревня рода Путиных Поминово представляет собой одну из многих красивейших деревень, расположенных по берегам реки Шоша в окружении лесов. Легенды, передаваемые от дедов и прадедов, подробно описывают ее возникновение столетия назад и восстановление в 1750 г.

Составление родословных росписей можно проводить по многим источникам, хранящимся в государственных архивах: ревизские сказки, исповедные ведомости, метрические, переписные книги.

В России издавна знания родословных использовали для решения местнических споров и тяжб о выкупе вотчин. На государственном уровне эти знания стали применять с 1540-х гг. при назначениях на военную службу. В Разрядном приказе составили первые родословные книги. Позже была создана герольдмейстерская контора, которая, меняя названия, просуществовала при Сенате до 1917 г. В XVIII–XIX вв. родословные использовались для доказательства прав на дворянское достоинство или титул.

Ревизские сказки представляют собой документальное оформление результатов ревизий, которые регулярно проводились

в Российской империи. Они проходили с интервалом 20–30 лет для расчета точного количества податного населения государства. Одной из главных целей ревизий являлось определение объемов подушной подати, налога, взимаемого государством с каждой души. Налогооблагаемыми «душами» в то время были мужчины. Они ежегодно должны были платить «подушную» подать. В ревизских сказках сообщалось о составе жителей того или иного двора с указанием имени, отчества и фамилии владельца двора, возраста, состава семьи с указанием тех же данных на каждого члена семьи, отношения к главе семьи: сын, зять, сноха, жена, сестра и прочие. Указывались причины выбытия из тягла, например: умер, отселен, в рекрутах, бежал и другие. В первых ревизских сказках перечислены только мужчины, женщины налогами не облагались. Жены, дочери снохи стали включаться в них позже.

За период между ревизиями население значительно обновлялось. В годы проведения ревизий и в первые, прошедшие после них, органы государственного управления имели данные о населении, близкие к реальным. С течением лет фактические данные все более отклонялись от ревизских за счет числившихся в ревизиях умерших людей и не числившихся в ревизиях родившихся младенцев. Разность между численностями фактической и ревизской в части умерших составляла те самые «мертвые души», которые покупал в известной комедии Н.В. Гоголя Чичиков и оформлял в банке ссуды под их залог. Всего в России были проведены 10 ревизий: в 1715–1719, 1743, 1762, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 гг.

В Твери поиск проводился по ревизским сказкам 1744–1858 гг. (Тверская казенная палата, ф. 312).

Другими источниками информации о предках являются исповедные ведомости. Одной из целей их составления являлось определение количества прихожан поименно того или иного конкретного церковного прихода, а также общее их количество по территориям епархий. Официальные бланки исповедных ведомостей печатались в синодальных типографиях. Поиск по исповедным ведомостям 1728–1880 гг. принес результаты (Тверская духовная консистория, ф. 160).

Текущую ежегодную информацию можно отследить в метрических книгах. Это объемная работа, требующая просмотра ежегодных книг. В Твери поиск проводился по метрическим книгам 1878–1918 гг. (Тверская провинциальная канцелярия, ф. 57).

Таким образом, главным помощником и источником информации в моих поисках стал Государственный архив Тверской области (ГАТО). Я обратился в архив, представив рукописную родословную схему на 6 поколений, составленную лично мной со слов родственников.

По роду Путиных вначале необходимо было выяснить сохранность исходных документов. Территория района Тверской (Калининской) области, из которого пошел род, в 1941 г. находилась в оккупации. Сохранность документов определяла успешность поиска. Вероятность отрицательного ответа была очень велика: летом – осенью 1941 г. от государственной границы на западе до Подмосковья немецко-фашистские войска прошли за три с небольшим месяца. Районные управленцы не везде имели возможности исполнить в полном объеме планы эвакуации. В сложившихся обстоятельствах могла поступить команда на уничтожение архивной документации, и руководители архивов обязаны были сжечь все, что хранили. В экстремальных условиях даже состоявшаяся эвакуация архивов не обеспечивала сохранность. Фашистская авиация в первый год войны господствовала в воздушном пространстве и бомбила станции, эшелоны, мосты, населенные пункты, автоколонны. Собирать разлетевшиеся архивные и другие документы, тушить пожары некому...

Надежды было мало. Поэтому положительный ответ из Тверского архива был неожиданным и принес уверенность в успехе работы. Необходимые документы обнаружались в сохранности, что позволило достоверно составить родословное древо, подтвержденное архивными документами.

Первые исследования в архиве принесли лишь промежуточные и отрывочные результаты, общей картины получено не было. В первый год работы логическая последовательность поисков определялась на основе квалификации и опыта специалистов архива по ходу выявления документов. Любое генеалогическое исследование уникально, состоит из множества индивидуальных факторов. В ходе дальнейшего углубления поиска выяснилась причина неудачи. Записи в учетных документах о крепостных крестьянах в центральных губерниях России, в частности в Тверской, делались без фамилий, ограничиваясь именем и отчеством, например: Иван Петров сын, Алексей Симеонов сын и подобные. Родовое имя, называемое фамилией, не записывалось, передавалось в семьях и родах народа из поколения в поколение устно, что являлось следствием личной несвободы и фактором прикрепления к земельным участкам. Практика составления аналогичных документов, например, на Урале, в частности в Пермском крае, совершенно иная. Крестьяне записывались с фамилиями. Поэтому вести поиск по крестьянским родам на Урале проще, чем в Центральной России. Сотрудники Пермской ассоциации генеалогов, увидев в тверских архивных делах тысячи Иванов Петровых, Алексеев Симеоновых и подобных, оказались в затруднении: кто из них Путины, а кто нет, как отделить одних от других? В этих условиях сложно составлять крестьянскую родословную.

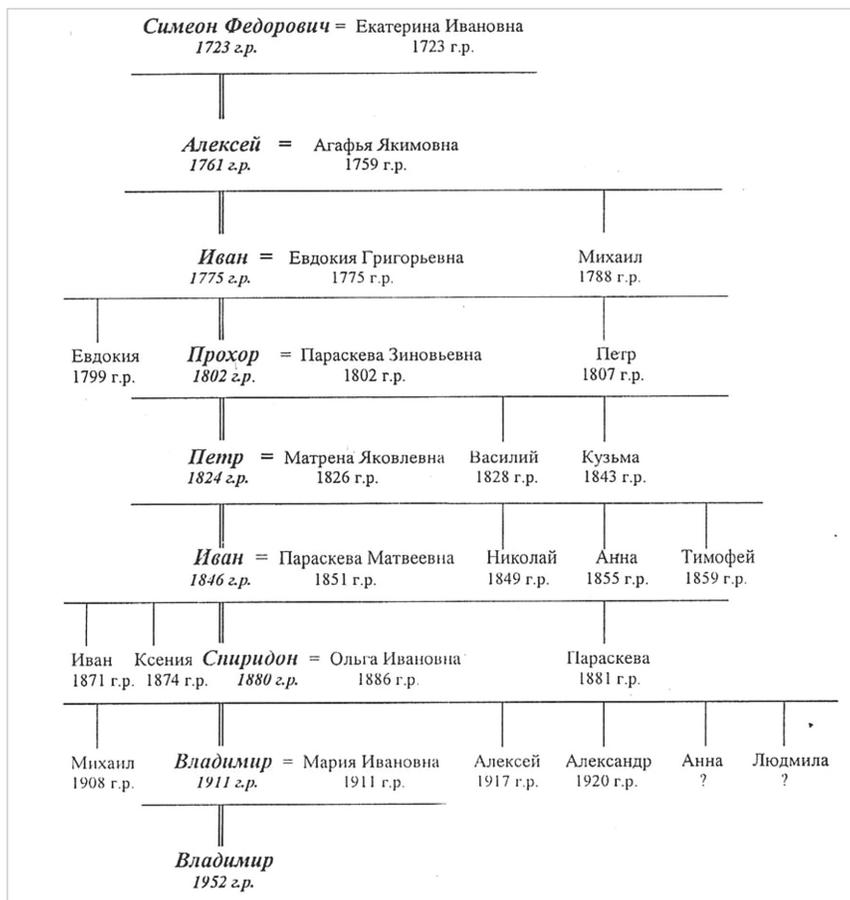

Рис. 4. Родословная схема рода Путиных на девять поколений, составленная на основе документов ГАТО и представленная по подчиненности и заказчику

В результате большой скрупулезной работы по выверке имен, отчеств, дат рождения и прочих сведений архивных источников по исповедным ведомостям, ревизским сказкам и метрическим книгам, хранящимся в Государственном архиве Тверской области, в конце 1998 г. получены первые практические результаты поиска.

Семейная родословная роспись со слов родственников, родовая «устная история» получила архивное подтверждение в записях метрических книг и стала историческим юридическим документом (рис. 4).

Возможности Государственного архива Тверской области ограничены давностью хранящихся в нем документов. Документы самой старой ревизии относятся к 1782 г. – это четвертая ревизия Российской империи.

Дальнейшие исследования требовали выезда в Москву в Российский государственный архив древних актов, поскольку для продолжения родословной на большую глубину необходимы материалы первых трех ревизий 1764, 1744 и 1719 гг. Там же хранятся писцовые описания, переписные книги, которые используются для исследований за XVII–XVIII вв.: ф. 1209, оп. 1, д. 16 060/1, 16 060/2 (писцовое описание Тверского уезда за 1677–1678 гг.); ф. 1209, оп. 1, д. 16 083/1, 16 084/1, 16 087 (писцовое описание за 1710 г.) К исследованию привлечены материалы первой ревизии 1719 г., (ф. 350, оп. 2, д. 3525), второй – 1744 г. (д. 3540), третьей – 1764 г. (д. 3552), «Ландратские книги и ревизские сказки» и последующие.

Заместитель директора РГАДА Е.Е. Лыкова ознакомила с уникальной системой хранения документов и оказала необходимые консультации. В результате архивного поиска родословная схема дополнилась еще тремя поколениями и доведена до 1630-х гг. Таким образом, общая глубина исследования составила двенадцать поколений. По мнению специалистов, для крестьянского рода это очень хороший результат (рис. 5).

В РГАДА выявлены следующие персоналии родословия по ревизским сказкам (первые три ревизии): по архивным данным, первым известным предком рода является Никита. Далее родословная составлена на 12 поколений, начиная с сына Никиты Акима, который жил в 1633–1677 гг. ГАТО представил схему, начиная с сына Акима Фаддея Якимовича. Так сформировалась архивная схема на 12 поколений, включая Акима (Якима) Никитовича. В общее число поколений рода отец Акима Никитовича Никита (отчество не известно) включен с порядковым номером 0. Следуя строгому порядку нумерации, его порядковый номер 13.

В состав общей родословной схемы фамилии Путин из Тверской губернии включено примерно 150 персоналий. Соотношение между численностями 6 ближних поколений (семейное родословие) и 6 дальних (архивное родословие) составляет 110 к 40. Более чем двукратное превышение ближних над дальними является следствием объективного исторического положения о наличии персональной информации на глубине около 150 лет. Родоведы говорят по этому поводу: «Дед может рассказать внуку о своем деде».

Исследование выявило интересные факты. Люди рода участвовали в военных действиях Семилетней войны 1756–1763 гг. (рекруты Спиридон Федорович и Федор Федорович), в войне 1812–1814 гг. (рекрут Иван Иванович).

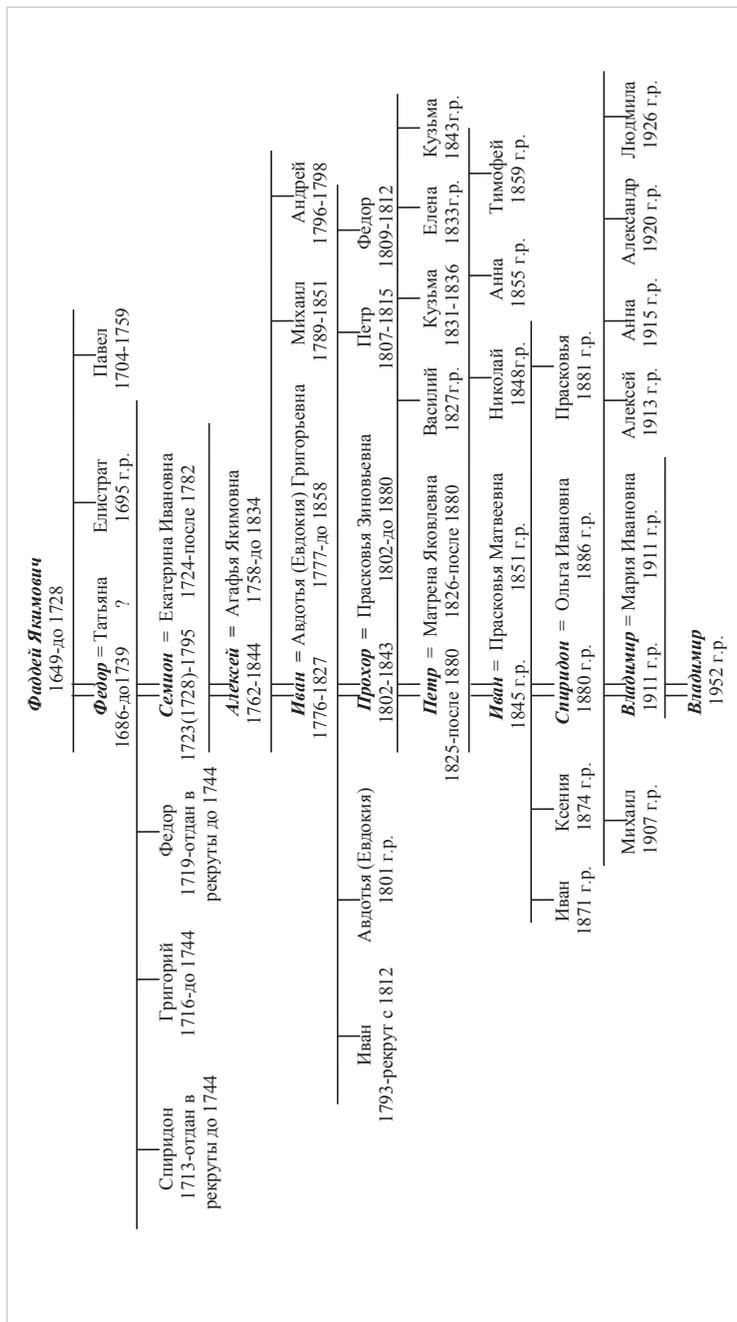

Рис. 5. Родословная схема рода Путиных на одиннадцать поколений, составленная сотрудниками ГАТО на основе документов ГАТО и РГАДА, представленная по подчиненности и заказчику

В период эпидемии чумы 1771 г. многие дети Семена Федоровича и Екатерины Ивановны погибли. Остался жить один юноша по имени Алексей. Приближался земельный передел общинного участка земли. Община подобрала ему жену по имени Агафья, чем гарантировала получение молодым мужем земельного надела для хозяйственной деятельности. Если бы не решение общины (10–15 мужчин возрожденной деревни), то ветвь рода Путиных от Алексея Семеновича могла прерваться. Община деревни продлила жизнь рода. От Алексея Семеновича Путина в седьмом поколении родился Владимир Владимирович Путин, избранный Президентом Российской Федерации.

Люди рода участвовали в освоении земель Южного Урала в период реформ патриарха Никона.

После Великой крестьянской реформы 1861 г. императора Александра II люди рода осваивали земли при впадении реки Большой Иргиз в Волгу и основывали там деревни и промыслы.

На рубеже XIX–XX вв. 5 человек из 9-го и 10-го поколений рода осваивали ремесло, работая в отходе в Петербурге: краснодеревщик Иван Андреевич, портные отец и сын Николай Петрович и Александр Николаевич, повар Спиридон Иванович, коммерсант Алексей Николаевич. Троюродный дядя Иван Васильевич владел трактором в Твери. Другие выращивали рожь и торговали ею и мукой, славились умением рубить срубы для домов и хозяйственных построек, строить мосты, укладывать гати – каждый был мастером своего дела.

«Ушли на фронт Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 9 мужчин рода. Возвратились с победой пятеро. Погибли четверо» [Путин 2020, с. 86; Путин 2023, с. 97].

Так, последовательно от первого этапа к последнему в течение девяти лет с 1992 по 2002 г. было проведено генеалогическое исследование рода на глубину двенадцати поколений. Составителями родословной схемы являются:

- в первых семи поколениях – директор Государственного архива Тверской области Ефремова Елена Николаевна, которая выполнила поиск по первичным архивным документам и составила архивные родословные схемы на первой ступени родства по данным ГАТО и РГАДА, написала статью по итогам работы ГАТО;
- в поколениях с восьмого по двенадцатый – инициатор исследования и автор настоящей статьи Путин Александр Михайлович, который составил родословную схему со слов родственников, заказал составление архивной родословной схемы Ассоциации генеалогов (Пермь), переданной ГАТО, участвовал в решении вопросов исследования с Ассоциацией, в ГАТО и РГАДА, расширил исследование в направлениях: расселение рода в целом

по России, происхождение фамилии, недвижимости рода, краеведения, фотодокументального исследования. Работа представлена в РГАСПИ.

Для продвижения темы «Род Президента РФ В.В. Путина» и в общем родословных изысканий среди всех групп населения, народов России организовывались презентации книг, выставки документальных фотографий, открыт сайт rutin-rod.ru, изданы настенные фотокалендари, изданы 4 книги в России и 3 в других странах, написаны статьи и исполнялись работы по запросам общественности в разных структурах и городах.

Таким образом, лишь незначительное показание описи или факт, что документ находится в определенном информационном окружении (отложился в определенном фонде, в составе данной единицы хранения и т. д.), и, в конечном счете, его (их) выявление и анализ являются целью архивного поиска исследователя в решении поставленной научной задачи. Не только документы актов гражданского состояния, брачные контракты, завещания, личная переписка, семейные альбомы, но даже косвенные указания – все может содержать новый, не повторяющийся факт из истории личности, семьи, рода.

В середине XIX в. историк, москвовед И.Е. Забелин (1820–1908) обратился к молодым коллегам, призывая их прежде всего и главным образом начинать свои «розыски» с того, чтобы бесстрашно проникнуть сквозь покров «архивной таинственности» к документальным источникам и рассмотреть их «при резком свете исторической правды»⁴.

Преломленная через биографии и судьбы конкретных людей история как бы оживает. Признание того, что история – это прежде всего история людей и деятельность каждого человека вписывается в контекст государственной, социально-культурной, духовной жизни и влияет на ее изменения, актуализирует проблему использования источников личного происхождения во всех сферах научного знания, где человек как объект изучения занял важнейшее место в исторических, философских, психолого-педагогических, социологических и других научных исследованиях.

На примере рода Путиных (как и многих других) подтверждается справедливость определения, что род есть единый организм и имеет целостный образ, и «каждое время его жизни ценно по-своему».

⁴ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами И.Е. Забелина. Ч. 1. <XVI–XVIII вв.>. М.: Моск. гор. дума, 1884. С. 138.

Литература

- Пчелов 2001 – *Пчелов Е.В.* Теоретические понятия генеалогии // Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеалогических документов в составе Архивного фонда РФ. М.: РОИА, 2001. С. 13–20.
- Путин 2002 – *Путин А.М.* Род Путиных. Сыктывкар: ИА Север, 2002. 224 с.
- Путин 2013 – *Путин А.М.* Род президента В.В. Путина. М.: ОАО МПК, 2013. 650 с. Прил.: 22 схемы.
- Путин 2023 – *Путин А.М.* История рода президента В.В. Путина. М.: ИТК Дашков и Ко. 2023. 116 с.
- Путин 2020 – *Путин А.М.* Род Путиных в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // «Победители – судьбы и страницы военной истории»: XII родословные земляческие чтения «От семьи и рода – к единству нации». М.: Московский дом национальностей, 2020. С. 86–92.
- Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь Мир, 2024. 808 с.

References

- Khorkhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Archives of personal origin in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Pchelov, E.V. (2001), “Theoretical notions of genealogy”, in *Problemy nauchnoi tsennosti, ispol'zovaniya i sokhrannosti istoriko-biograficheskikh i genealogicheskikh dokumentov v sostave Arkhivnogo fonda RF* [Issues of scientific value, usage and preservation of historical, biographical and genealogical records in the Archival Fund of the Russian Federation], ROIA, Moscow, Russia, pp. 13–20.
- Putin, A.M. (2002), *Rod Putinykh* [The Putin ancestry line], IA Sever, Syktyvkar, Russia.
- Putin, A.M. (2013), *Rod prezidenta V.V. Putina* [President V.V. Putin's ancestry line], ОАО МПК, Moscow, Russia. Appendix: 22 schemes.
- Putin, A.M. (2020), “President V.V. Putin's family during the Great Patriotic War of 1941–1945”, in «*Pobediteli – sud'by i stranitsy voennoi istorii*»: *KhII rodoslovnnye zemlyacheskie chteniya «Ot sem'i i roda – k edinstvu natsii»* [“Victors – destinies and pages of military history”, 12th Ancestry Associations Conference “From family and race to the unity of the nation”], Moskovskii dom natsional'nostei, Moscow, Russia, pp. 86–92.
- Putin, A.M. (2023), *Istoriya roda prezidenta V.V. Putina* [History of president V.V. Putin's ancestry line], ИТК Дашков и Ко., Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр М. Путин, независимый исследователь, Рязань, Россия;
Россия, Рязань; putinalex@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-9644-589X

Information about the author

Aleksandr M. Putin, independent researcher, Ryazan, Russia; Russia,
Ryazan; putinalex@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-9644-589X

In memoriam

Памяти Владимира Петровича Козлова – ученого и человека

Российская историко-архивоведческая наука понесла невосполнимую утрату – не стало Владимира Петровича Козлова, члена редколлегии нашего журнала, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, всю свою жизнь посвятившего служению науке.

Фундаментальные научные труды В.П. Козлова являются выдающимся событием, связанным с осмыслением и изучением источниковедения, документоведения, архивоведения, археографии и смежных дисциплин и занимают важное место в истории не только отечественной, но и, без преувеличения, мировой научной мысли. Они будили мысль научного сообщества, вызывая порой острые дискуссии.

Научная деятельность В.П. Козлова началась с анализа проблем, связанных с разысканием, описанием и публикацией исторических документов, которые он исследовал не только на примере деятельности К.Ф. Калайдовича, кому посвящена его кандидатская диссертация, но и всего Румянцевского кружка, воссоздания истории его комплектования, истории пополнения Румянцевского рукописного собрания. Автор, убедившись в недооцененности в историографии масштаба их подвижнической деятельности, подготовил увлекательную монографию о патриотической деятельности графа Н.П. Румянцева и его сподвижников по сбережению и изданию источников (1981).

Затем вышло в свет исследование, посвященное деятельности кружка А.И. Мусина-Пушкина. Результаты исследований в области источниковедения и археографии рубежа XVIII–XIX вв. привели к подготовке и защите в МГИАИ докторской диссертации «Русская археография конца XVIII – первой трети XIX в.» (1999).

Эти работы Козлова, как и все последующие, отличаются особым духовным настроением, равнодушие, эмпатия, сопереживание рассказываемому.

Для Владимира Петровича читать значит чувствовать, т. е. слышать и слышать источник, то, что является живой памятью. И при

этом твердая опора на архивные документы / исторические источники в процессе воссоздания прошлого с самого начала стала определяющей в его научном творчестве.

Назовем только некоторые направления научных исследований Владимира Петровича. Ученый, проанализировав обширный материал по истории фальсификаций документов, выявил закономерности появления фальсификации источников в России, обстоятельства, мотивов и техники подделок.

В.П. Козлов – автор философской концепции рассекречивания архивных документов. Он впервые ввел в архивистику понятие «единого информационного пространства», на основе которого ныне разрабатывается ряд новых, перспективных направлений в архивоведении.

Сквозь все научное творчество В.П. Козлова проходит его глубокий интерес к самым разнообразным сторонам жизни документа, от его создания, бытования в истории до хранения и использования в научных исследованиях и историко-культурных и общественно-политических процессах, в документальной памяти. Его труды проникнуты страстным желанием понять глубинную, потаенную сущность документа как зафиксированной во времени и пространстве основы самосознания человека и человечества в целом. Научное творчество В.П. Козлова вызывает не просто интерес, но оживленные дискуссии, дающие новый толчок знанию о документе как одном из феноменальных проявлений человеческой цивилизации.

Любой документальный источник представляет собой частичку документальной памяти, отмечал ученый. Таким образом, в документах / исторических источниках, в концепции автора, зримо воплощается связь времен, точнее – присутствия Вечности – в переходящем, прошлого – в настоящем, а через него – связь с будущим. Документы в трудах Козлова предстают одухотворенными существами, каждый из которых проживает собственную непредсказуемую судьбу, повторяя в единичном феномене целостную историю своего времени, при этом незримо отражая судьбы своих авторов-создателей.

Истинные поиски смысла для ученого – всегда поиски смысла конкретного человека, а через него и индивидуальности коллективности, со своим собственным неповторимым опытом, своей таинственной жизнью, стремящегося порой иносказательными или поэтическими средствами поведать о себе, оставить след в истории. Поиски смысла означают попытки услышать того, кто к нам обращается через века, а по отношению к оставленным следам/документам, которые Владимир Петрович анализировал, он ставил себе задачей определить, почему были созданы эти документы, а не другие.

По мнению В.П. Козлова, из таких документов, как творческие произведения, дневники, воспоминания, переписка, открывается не просто человек, а его нематериальная сущность, называемая душой. А жизнь в архиве становится бесконечной...

Именно этому осмыслению тесно связанных между собой научных дисциплин – архивоведения, археографии, источниковедения, документоведения – в рамках понятия «документальная память» посвящена книга В.П. Козлова «Документальная память в архивоведческом знании», представляющая собой важную веху в развитии принципиально нового, синтетического комплекса наук о документе.

Монография «Документальная память в археографическом знании» продемонстрировала новый уровень осмысления проблем археографии, в центре которой – публикаторская деятельность в системе документальной памяти, формы и методы воздействия документальных публикаций на общественное сознание.

В 2001 г. Владимир Петрович стал «возмутителем спокойствия», инициировав дискуссию о теоретических вопросах археографии и терминологической системе в археографии, которая всколыхнула научную общность – настолько непривычными были многие уже сложившиеся к тому времени понятия. Нам представляется, он преследовал главную цель – уйти от узкого понимания археографии как прикладной дисциплины.

А в 2004 г. на страницах журнала «Отечественные архивы» В.П. Козлов начал дискуссию об общности и специфике архива, музея, библиотеки, справедливо обозначив отличность музейного, библиотечного и архивного хранения и указав, что специализация данных институтов связана с интерпретацией документа как вещественного источника, тиражированного и уникального.

Благодаря трудам В.П. Козлова наука о документе стала своеобразным ядром единой науки о человеке и его документальной памяти, и в этой связи сформировалась новая комплексная научно-образовательная дисциплина «Историческая документология», реализацию которой обеспечивает классическое образование, связанное с лучшими традициями Историко-архивного института, заключающимися в углубленном изучении документа, различных его функций, аспектов бытования и в конечном счете его осмысления в контексте развития человеческой цивилизации.

Это вполне сопоставимо с тематикой историософских дискуссий среди российских ученых на стыке XIX–XX вв. и в самом начале прошлого века во времена русских космистов – мыслителей ранга о. Павла Флоренского с его идеей пневмосферы, В.И. Вернадского, А.С. Лаппо-Данилевского и его единомышленников – теоретиков-архивистов «золотого века» архивоведческой мысли.

Исследования В.П. Козлова продолжают лучшие традиции отечественного теоретического архивоведения, связанные прежде всего с именем В.Н. Автократова, и одновременно многое переосмысливают и предлагают новые выводы/подходы. Новаторские труды В.П. Козлова представляют оригинальную попытку рассмотрения традиционных и современных проблем в рамках давно разрабатываемых им вопросов, связанных с понятием документальной памяти и ее особенностями в сравнении с другими типами исторической памяти.

Достижением научной мысли В.П. Козлова является отношение к документу и в целом к архиву как к совокупному источнику гуманитарного знания, где в центр изучения поставлен живой человек, не только его материально-практическая деятельность, но и все богатство его духовной жизни.

О научном творчестве Владимира Петровича можно говорить бесконечно. В.П. Козлов по праву занял выдающееся место в истории науки и уникальное – среди архивоведов. Но мы бы хотели напомнить о его бесценном вкладе в развитие отечественных архивов и архивного дела и подвижнической деятельности на посту руководителя Государственной архивной службы, куда он был назначен в сложные и драматические для всей страны 1990-е гг.

В.П. Козлов возглавил работу по созданию законодательной базы современной системы архивов России; многое сделал для интеграции сети архивов бывшей КПСС в систему государственных архивов, организации работы федеральных архивных учреждений в новых политических и экономических условиях. Перед ним как руководителем Росархива встали новые вызовы, связанные с археографическим взрывом, получившим название «архивно-археографической революции», характеризующейся процессами, протекавшими в области рассекречивания и использования архивных документов.

Это и вопросы принятия на постоянное хранение массовых документов, в том числе личных дел, развития методики комплектования КФФД и др.; создания Выставочного зала федеральных архивов, который заслуженно стал одним из культурно-просветительских центров Москвы. Это и программный комплекс «Архивный фонд», компьютеризация Архива Коминтерна, новое поколение путеводителей. Это и ЕВРАЗИКА – создание регионального отделения Международного совета архивов, и многое-многое другое... Но главное – благодаря деятельности В.П. Козлова историко-архивное сообщество стало осознаваться неотъемлемым элементом в процессе становления гражданского общества и укрепления основ российской государственности.

Подведением итогов деятельности В.П. Козлова на посту руководителя Архивной службы страны стала книга «Бог сохранял архивы России», в которой отразился опыт его активного участия во множестве злободневных проблем и повседневных дел в архивном мире.

Название книги точно отражает глубинную, психологическую суть того, о чем писал автор – это глубоко личная, страстная исповедь перед читателем и одновременно перед живым лицом Вечности.

И то, что сохранилось и сохраняется архивное достояние России – это и благодаря таким праведникам, подвижникам, к которым в первую очередь относился Владимир Петрович Козлов.

Велик вклад ученого в подготовку специалистов. Он начал преподавательскую деятельность в МГИАИ на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Наиболее важным периодом преподавательской работы Владимира Петровича уже в РГГУ стало создание и руководство им с 2012 г. на кафедре архивоведения Историко-архивного института магистерской образовательной программы «Управление документацией и документальным наследием в условиях российских модернизаций». Целью программы стало формирование у обучающихся представления «о документе как одном из феноменальных проявлений человеческой жизнедеятельности – цивилизационном продукте, обеспечивающем регулирование человеческой жизнедеятельности, ее запоминание и создание возможностей для ее изучения...»¹. В рамках программы Владимиром Петровичем впервые был разработан целый ряд учебных курсов, таких как «Теория современного документоведения и архивоведения»², «Научно-исследовательская работа магистрантов»³, «Современная модернизация России и исторические исследования»⁴, «Документальное наследие советской истории: проблемы, направления и формы научно-образовательного освоения»⁵. Впоследствии в учебные планы и программы учебных дисциплин им вносились изменения в целях их актуализации. Наиболее полно научные взгляды В.П. Козлова нашли отражение в его завершающем учебном курсе «Историческая

¹ Сборник учебно-методической документации по магистерской программе «Управление документацией и документальным наследием в условиях российских модернизаций» по направлению «Документоведение и архивоведение». Ч. 1: Базовая часть программы / сост. Е.М. Бурова, О.А. Шашкова, Е.А. Савостина. М., 2015. С. 9.

² Там же. С. 118–148.

³ Там же. С. 255–271.

⁴ Там же. Ч. 2: Вариативная часть программы. С. 23–40.

⁵ Там же. С. 255–271.

документология»⁶, преподавание которой стало осуществляться с 2024/25 уч. г. В последние годы В.П. Козлов подготовил целый ряд монографий и учебников⁷. На уровне бакалавриата Владимир Петрович читал курс «Теория документа».

В РГГУ он руководил подготовкой магистерских и диссертационных работ. Для него было принципиально важно внимательное и уважительное отношение к работе своих учеников, формирование в них творческого исследовательского потенциала.

В.П. Козлов принимал активное участие в работе Научно-методического совета архивоведческих и документоведческих кафедр, выступая с лекциями для студентов и преподавателей РГГУ, делая доклады на кафедре архивоведения РГГУ по проблематике своих работ. Его последняя публичная лекция посвящена обсуждению терминологии исторической документологии.

Осмысление научно-педагогической школы В.П. Козлова позволяет понять его роль и место в целостной феноменологии человеческого духа.

Мы благодарны судьбе за неизменно теплые и интересные встречи и дружбу с талантливым и светлым человеком, выдающимся ученым и педагогом – Владимиром Петровичем Козловым.

*Александр Б. Безбородов
Татьяна И. Хорхордина*

⁶ Козлов В.П. Историческая документология: учебник для вузов М.: Юрайт, 2024. 478 с.; *Он же*. Историческая документология: словарь терминов и определений. М.: РГГУ, 2024. 137 с.

⁷ Козлов В.П. Документальная память в археографическом знании / [Российская академия наук и др.]. М.: Архив РАН: Древлехранилище, 2017. 371, [1] с.; *Он же*. Документальная память в архивоведческом знании. М.: Архив РАН; Древлехранилище, 2017. 332 с.; *Он же*. Архивоведение: учебник и практикум для вузов: учебник и практикум для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям. М.: Юрайт, 2021. 327, [2] с.; *Он же*. Источниковедение советской истории: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 469, [1] с.

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Том 7

1 • 2025

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Н.В. Москвина

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.

Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 18.03.2025

Выход в свет 24.03.2025

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2123

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru